
Евгения Чуто
Зденка Матек Шмит

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Eugenija Ćuto
Zdenka Matek Šmit

ČITANKA IZ RUSKE KNJIŽEVNOSTI

Nakladnik

Sveučilište u Zadru
M. Pavlinovića bb
23000 Zadar
www.unizd.hr

Za nakladnika

Prof. dr. sc. Ante Uglešić, rektor

Recenzenti

Prof. dr. sc. Jasmina Vojvodić
Prof. dr. sc. Oksana Timko-Đitko

Ilustracije

Maja Pandžić

Grafičko oblikovanje

Ljubica Marčetić Marinović

Računalna obrada i prijelom

Denis Gospić

Tisak

Zrinski d.d., Čakovec

Naklada

300 primjeraka

ISBN

978-953-7237-99-8

Евгения Чутó
Зденка Матек Шмит

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Издательство

Задарского университета
ул. Миховила Павлиновича, б/н,
Задар, 23000
www.unizd.hr

От издателя

д-р наук, проф. Анте Углешич

Рецензенты

д-р филол. наук, проф. Ясмина Войводић
д-р филол. наук, проф. Оксана Тимко-Джитко

Иллюстрации

Майя Панджич

Графическое оформление

Любица Марчетич Маринович

Компьютерная верстка

Денис Госпић

Отпечатано в

Zrinski d.d., Čakovec

Тираж

300 экземпляров

ISBN

978-953-7237-99-8

CIP-Katalogizacija u publikaciji
Znanstvena knjižnica Zadar

UDK 821.161.1(075.8)

ĆUTO, Eugenija

Čitanka iz ruske književnosti / Eugenija Ćuto,
Zdenka Matek Šmit ; < ilustracije Maja Pandžić > .
- Zadar : Sveučilište, 2013. - 193 str. : ilustr. ;
24 cm

Bibliografija: str. 192-193.

ISBN 978-953-7237-99-8

1. Matek Šmit, Zdenka

140504056

Евгения Чуто

Зденка
Матек Шмит

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Zadar, 2013.

*Уважаемой преподавательнице и наставнице
Ольге Георгиевне Острогорской-Якич
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 9

Ива́н Андре́евич Крыло́в	11
<i>ВОРОНА И ЛИСИЦА</i>	13
<i>ВОЛК И ЯГНЁНОК</i>	14
<i>СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ</i>	15
<i>КВАРТЕТ</i>	16
<i>КУКУШКА И ПЕТУХ</i>	17
Послетекстовые упражнения	19

Алекса́ндр Серге́евич Пу́шкин	21
<i>ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН</i> (отрывки).	
<i>Глава первая</i>	24
Предтекстовые упражнения	27
Послетекстовые упражнения	28
<i>Письмо Татьяны к Онегину</i>	30
Послетекстовые упражнения	33

Никола́й Васи́льевич Го́голь	35
<i>ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО</i>	38
Предтекстовые упражнения	92
Послетекстовые упражнения	64

Анто́н Па́влович Че́хов	67
<i>НЕВЕСТА</i>	70
Предтекстовые упражнения	92
Послетекстовые упражнения	94

Иса́ак Эммануи́лович Ба́бель	97
<i>КОНАРМИЯ. Письмо</i>	99
Предтекстовые упражнения	104
Послетекстовые упражнения	105

<i>Берестечко</i>	107	<i>Глава VII.</i>	
Предтекстовые упражнения	110	<i>(Последняя, без названия)</i>	169
Послетекстовые упражнения	111	Послетекстовые упражнения	170
 Андрей Бёлый	113	 Даниил Иванович Хармс	173
<i>ПЕТЕРБУРГ</i> (отрывки)	117	<i>СЛУЧАИ. ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ</i>	
Предтекстовые упражнения	126	<i>№ 10</i>	176
Послетекстовые упражнения	127	<i>СЛУЧАИ</i>	176
		<i>ВЫВАЛИВАЮЩИЕСЯ СТАРУХИ</i>	177
		<i>СОНЕТ</i>	177
Михаил Михайлович Зощенко	131	<i>ПЕТРОВ И КАМАРОВ</i>	178
<i>АРИСТОКРАТКА</i>	133	<i>ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН</i>	178
Предтекстовые упражнения	137	<i>ПУШКИН И ГОГОЛЬ</i>	179
Послетекстовые упражнения	138	<i>АНЕКДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ</i>	
<i>НЕРВНЫЕ ЛЮДИ</i>	140	<i>ПУШКИНА</i>	180
Предтекстовые упражнения	143	<i>НАЧАЛО ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО</i>	
Послетекстовые упражнения	144	<i>ЛЕТНЕГО ДНЯ (СИМФОНИЯ)</i>	181
<i>БАНЯ</i>	145	Послетекстовые упражнения	183
Предтекстовые упражнения	148		
Послетекстовые упражнения	149	 Михаил Афанасьевич Булгаков	187
		<i>СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ</i>	190
Борис Андреевич Пильняк	151	Предтекстовые упражнения	201
<i>ГОЛЫЙ ГОД</i> (отрывки).		Послетекстовые упражнения	202
<i>Вступление. Ордынин-город</i>	154		
<i>Изложение. Глава I.</i>			
<i>Здѣсь продаются пѣматоры</i>	155	 Источники	205
Предтекстовые упражнения	158	Литература	205
Послетекстовые упражнения	159		
<i>Глава V. Смерти</i>			
<i>(Триптих первый). Часть третья</i>			
<i>триптиха, самая тёмная</i>	161		
Послетекстовые упражнения	165		
<i>Глава VI. Предпоследняя.</i>			
<i>Большевики (Триптих второй).</i>			
<i>Часть третья триптиха</i>			
<i>(самая светлая)</i>	167		

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая книга является учебным пособием для студентов-носителей хорватского языка, изучающих русский язык и литературу на первой ступени высшего образования – бакалавриате. Она может применяться и в средних школах Хорватии, где русский язык включён в учебную программу в качестве второго иностранного языка. Пособие адресовано также всем, изучающим русский язык самостоятельно или увлекающимся русской литературой.

Цель пособия – познакомить читателей с произведениями классиков русской и мировой литературы: Пушкина, Гоголя, Чехова, Зощенко, Булгакова и др. В книге представлены полные тексты или отрывки из произведений, относящихся к эпохам классицизма, романтизма, реализма, а также модернизма и авангарда. В целях облегчения процесса чтения и понимания иностранцами оригинального русского текста авторами расставлены акценты и предложен перевод сложных слов и выражений на хорватский язык.

Учебное пособие содержит десять блоков, каждый из которых посвящён творчеству одного автора. В начале блока даётся портрет писателя, краткая биографическая справка, прослеживаются фазы его писательской деятельности и основные черты поэтики. Затем предлагается неадаптированный художественный текст, за которым следуют упражнения. Предтекстовые упражнения нацелены на снятие трудностей как страноведческого, так и лексико-грамматического порядка, на создание необходимых фоновых знаний для восприятия аутентичного русского текста. Послетекстовые задания направлены на формирование у читателей лингвистической компетенции и навыков аналитического чтения, в частности, авторы предлагают упражнения, проверяющие понимание фактической информации текста, разнообразные трансформационные упражнения с целью отработки наиболее сложных тем русской грамматики, задания, формирующие навыки литературоведческого анализа текста.

Благодаря совмещению учебного материала по языку и литературе, данное пособие может применяться на занятиях по практике речи, домашнему чтению, русской литературе XIX и XX вв., лексикологии и фразеологии русского языка. Структура пособия предельно ясна, язык прост, что даёт возможность работать с ним не только под

руководством преподавателя, но и самостоятельно. В современной хорватской русистике это первое учебное издание подобного типа.

Авторы выражают глубокую благодарность рецензентам д-ру филол. наук, профессору Ясмине Войводич и д-ру филол. наук, профессору Оксане Тимко-Джитко за ценные замечания и предложения. Авторы выражают признательность Майе Панджич за создание портретов избранных поэтов и писателей. Отдельную благодарность передают Борису Шмиту за техническую поддержку при подготовке рукописи к печати.

Евгения Чуто

Зденка Матек Шмит

МОРАЛЬНОЕ ПОУЧЕНИЕ

Ив́ан Андре́евич Крыло́в

1768/1769, Москва –
1844, Санкт-Петербург

Баснописец, поэт, переводчик, писатель. Написал более 200 басен с 1809 по 1843 год. Первая книга его басен опубликована в 1809 году. Хотя широчайшее, всенародное признание принесли Крылову басни (уже при жизни вышло 12 изданий!), он является и автором стихотворных трагедий (*Клеопатра*, 1785 и *Филомела*, 1786), а также неоконченной комической оперы (*Илья-богатырь*, 1807).

Крылов прожил долгую жизнь и был современником многих выдающихся авторов: В. Жуковского, А. Сумарокова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Белинского, И. Тургенева, Л. Толстого.

Творческий путь Крылова делится на два этапа: в 1780–1790-е гг. Крылов – драматург и журналист (это писатель XVIII в.), второй этап, который начинается с 1805 года, – качественно иной, когда Крылов становится баснописцем (и это уже писатель XIX в.). Первые его басни переведены из собрания басен Лафонтена (1621–1695) – *Дуб и трость*, *Разборчивая невеста*, *Старик и трое молодых*. Оказавшись на стыке двух столетий, писатель связывает и две литературные эпохи. Первая из них классицизм, со своим рационализмом, логической стройностью представлений о мире. Другая эпоха связывается с формированием

сентиментализма, предромантизма и романтизма, наконец, реализма, с приходом которых постепенно отступает рационализм.

В словарной статье (*Словарь литературных терминов*) И. Р. Эйгес пишет: «Басня небольшая сказочка нравоучительного характера, в которой действующие лица – чаще животные, а также неодушевлённые предметы, но нередко и люди. В басне отличают повествование и вывод из него, т. е. определённое положение (правило, совет, указание), присоединённое к повествованию. Этот вывод в басне прилагается обыкновенно в конце, иногда в начале; нередко он представляет заключительное слово одного из действующих лиц в басне. Но сплошь и рядом вывод басни не выражен отдельно, а содержится в скрытом виде, как легко подразумеваемый в связи с изложенными событиями и разговорами. У нас довёл басню до наибольшего художественного совершенства Крылов, величайший баснописец мира. Его басни отличаются меткостью народных поговорок, весёлым и насмешливым тоном, трезвостью и практичностью общего духа. Вывод из басен Крылова, их мораль принадлежит всецело к области житейской мудрости, т. е. направлена к поощрению навыков, полезных в жизни». Т. А. Алпатова связывает новаторство традиционной морали в баснях Крылова с тем, что мораль у поэта часто превращается из поучающей сентенции в живой диалог автора со своими персонажами и непременно – читателями.

Крылов адаптировал сюжеты и многих басен Эзопа (Греция, VI век до н. э.), однако у русского баснописца немало и абсолютно самостоятельных, вполне оригинальных сюжетов.

В творчестве Крылова видное место занимают социально-политические басни (*Волк и Ягнёнок, Овцы и Собаки, Пёстрые Овцы, Рыбья пляска*). Очень интересны и его нравственно-философские, нравоучительные басни, в которых писатель высмеивает общечеловеческие пороки (*Скупой и Курица, Лягушка и Вол, Мартышка и очки, Свинья под дубом, Крестьянин и Змея, Осёл, Ворона и Лисица*).

В его баснях слышен разговорный, народный язык со своей интонационной гибкостью, язык, который проторил дорогу А. С. Пушкину.

Крылов мастерски владел басенным стихом, представляющим собой вольный разностопный ямб. Басни Крылова изобилуют множеством конкретных деталей и любопытных замечаний, отличаются богатством и яркостью образной системы. В своих мудрых уроках Крылов никогда не доцирует, а наблюдает за своими героями, на суд читателя предоставляя свои наблюдения.

Ворона и лисица

не впрок – uzaludno

гнусный – odvratan

взгромоздиться – s mukom se popeti

на цыпочках – na prstima

светик – srce moje

ежели = *если*

вещунья – proročica, vračara

зоб – guša, grlo

плутовка – vragolanka, lupežica

Уж ско́лько раз тверди́ли ми́ру,
Что лeсть гнусна́, вредна́; но то́лько всё не
впрок,
И в се́рдце льстец всегда́ оты́щет уголо́к.

Воро́не где-то бог посла́л кусо́чек сы́ру;
На ель Воро́на взгромоздя́сь,
Поза́втракать бы́ло совсе́м уж собралáсь,
Да позаду́малась, а сыр во рту держáла.
На ту бедú, Лисá близёхонько бежа́ла;
Вдруг сы́рный дух Лисú остано́вил:
Лиси́ца ви́дит сыр, –
Лиси́цу сыр плени́л,
Плутóвка к де́реву на цы́почках подхо́дит;
Верти́т хвостóм, с Воро́ны глаз не свóдит
И говори́т так сла́дко, чуть дыша́:
«Голу́бушка, как хороша́!
Ну что за ше́йка, что за гла́зки!
Расска́зывать, так, пра́во, сказа́нки!
Какие пёрышки! како́й носóк!
И, ве́рно, а́нгельский быть до́лжен голосóк!
Спой, свéтик, не стыди́сь!
Что е́жели, сестри́ца,
При красоте́ тако́й и петь ты масте́рица,
Ведь ты б у нас была́ царь-пти́ца!»
Вещу́нья с похва́л вскружи́лась голова́,
От ра́дости в зобу́ дыха́нье спёрло, –
И на привéтливы Лиси́цыны слова́
Воро́на ка́ркнула во всё воро́нье го́рло:
Сыр вы́пал – с ним была́ плуто́вка тако́ва.

Волк и Ягнёнок

тъма – gomila, bezbroj

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим
Но мы истории не пишем;
А вот о том как в баснях говорят.

рыскать – tragati

рыло – njuška

ил – mulj

донести = донести – javiti

негодный – loš, pokvaren, podao

запрошлый = позапрошлый – preklanski

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью
напиться;
И надобно ж бедё случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым
рылом
Здесь чистое мутить питьё моё
С песком и с илом?
За дерзость такую
Я голову с тебя сорву». –
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». –
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в
свете!
Да помнится, что ты ещё в прошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!» –
«Помилуй, мне ещё и от роду нет году». –
Ягнёнок говорит. – «Так это был твой брат». –
«Нет братьев у меня». – «Так это кум или сват,

*разведаться – obračunati se, osvetiti se**поволочь – povući**попрыгунья – vrtirepka,
vjetropirka**катить – juriti**удручена – utučena**вешний = весенний*

И, словом, кто-нибудь из вáшего же рóду.

Вы сáми, вáши псы и вáши пастухи,

Вы все мне зла хотíte,

И, ёсли мóжете, то мне всегда вредíte;

Но я с тобóй за их развёдаюсь грехи́». –

«Ах, я чем виновáт?» – «Молчи́! Уста́л я
слу́шать.

Досуѓ мне разбира́ть вины́ твои́, щенóк!

Ты виновáт уж тем, что хóчется мне кúшать».

Сказа́л и в тёмный лес Ягнёнка поволо́к.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза́

Лёто красное пропела́;

Огляну́ться не успела́,

Как зима́ катит в глаза́.

Помертвело́ чистó поле;

Нет уж дней тех свётлых бо́ле,

Как под кáждым ей листко́м

Был гото́в и стол, и дом.

Всё прошло́: с зимо́й холо́дной

Нужда́, го́лод настаёт;

Стрекоза́ уж не поёт:

И кому́ же в ум пойдёт

На желу́док петь голо́дный!

Злой тоско́й удручена́,

К Муравью́ ползёт она́:

«Не оста́вь меня́, кум ми́лый!

Дай ты мне собра́ться с си́лой

И до вéшних то́лько дней

мурава – mlada trava

Прокорми и обогрей!» –
 «Кумушка, мне странно это:
 Да работала ль ты в лето?» –
 Говорит ей Муравей.
 «До того ль, голубчик, было?
 В мягких муравах у нас –
 Песни, резвость всякий час,
 Так, что голову вскружило». –
 «А, так ты...» – «Я без души
 Лето целое все пела». –
 «Ты все пела? Это дело:
 Так поди же, попляши!»

Квартет

мартышка – majmunica

*косолапый – krivonog, zdepast,
 nespretan, nezgrapan*

драть – trgati

втора = вторая скрипка

Прокáзница-Марты́шка,
 Осёл,
 Козёл
 Да косола́пый Ми́шка
 Затéяли сыграть Квартéт.
 Достáли нот, басá, альтá, две скрípки
 И сéли на лужóк под липки –
 Пленя́ть своим иску́сством свет.
 Уда́рили в смычки, деру́т, а то́лку нет.
 «Стой, бра́тцы, стой! – кричи́т Марты́шка.
 – Погоди́те!
 Как му́зыке идти́? Ведь вы не так сиди́те.
 Ты с ба́сом, Ми́шенька, сади́сь прóтив альтá,
 Я, прíма, сяду прóтив вто́ры;
 Тогда́ пойдёт уж му́зыка не та:
 У нас заплáшут лес и го́ры!»

идёт на лад – napreduje

пуще = больше

надобно – potrebno

Рассéлись, нáчали Квартét;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постóйте ж, я сыскáл секрét, –
Кричít Осёл, – мы, вёрно, уж, полáдим,
Коль рýдом сýдем».
Послúшались Ослá: усéлись чíнно в ряд,
А всё-таки Квартét нейдёт на лад.
Вот пúще прéжнего пошлú у них разбóры
И спóры,
Комú и как сидéть.
Случíлось Соловьё на шум их прилетéть.
Тут с прóсьбой все к немú, чтоб их решáть
сомнéнье:
«Пожáлуй, – говорýт, – возьмí на час
терпéнье,
Чтóбы Квартét в порýдок наш привéсть:
И нóты есть у нас, и инструмéнты есть;
Скажí лишь, как нам сесть!» –
«Чтоб музыкáнтом быть, так нáдобно умéнье
И úши вáших понежнéй, –
Им отвечáет Соловёй. –
А вы, друзьá, как ни садíteсь,
Всё в музыкáнты не годíteсь».

Кукушка и Петух

«Как, мíлый Петушóк, поёшь ты грóмко,
вáжно!» –
«А ты, Куку́шечка, мой свет,
Как тýнешь плáвно и протýжно:
Во всём лесú у нас такóй певíцы нет!» –
«Тебá, мой куманёк, век слúшать я готóва». –

божусь – kunem se bogom

«А ты, красáвица, божúсь,
Лишь тóлько замолчíшь, то жду я не
дождúсь,

Чтоб началá ты снóва...

Откóль такóй берётся голосóк?

И чист, и нéжен, и высóк!..

невеличка – sitno stvorenje

Да вы уж рóдом так: собóю невели́чки,

А пёсни – что твой Соловёй!» –

«Спасíбо, кум; затó, по сóвести моёй,

Поёшь ты лúчше рáйской птíчки.

На всех ссылáюсь в ётом я».

Тут Воробёй, случáсь, примóлвил им:

«Друзья́!

Хоть вы охри́пните, хваля́ друг дру́жку, –

Всё вáша мýзыка плохá!..»

За что же, не боясь грехá,

Куку́шка хвáлит Петухá?

За то, что хвáлит он Куку́шку.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Прочитайте басни по ролям. Переведите.
2. Какие черты характера обличают данные басни?
3. Найдите в баснях краткие прилагательные, определите их функцию в предложении.
4. Выберите из текстов деепричастия, определите их тип, от каких глаголов они образованы?
5. Басни изобилуют словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Найдите их, выделите суффиксы. Скажите, какую окраску придают эти суффиксы словам.
6. Раскройте скобки, поставив имена существительные в нужный падеж:

Твердить (мир), кусочек (сыр), взгромоздиться на (ель), держать во (рот), подходить к (дерево) на (цыпочки), вертеть (хвост), виноват у (сильный), пример в (история), говорить в (басни), зайти к (ручей), около (те места), видеть (ягнёнок), мутить (чистое питьё) (нечистое рыло), ниже по (ручей), нагрубить в (запрошное лето), от (род) нет (год), хотеть (зло), поволочь в (тёмный лес), дом под (каждый листок), петь на (голодный желудок), ползти к (муравей), собраться с (силы), прокормить до (вешние дни), вскружить (голова), сесть на (лужок) под (липки), садиться против (альт), хвалить (петух).

7. Переведите на русский выражения с формами сравнительной степени прилагательных: *uši nježnije od vaših, pjevati bolje od rajske ptice*. Продолжите:

Laskanje je odvratnije od kritike, trčati brže od zeca, govoriti slađe od lisice, biti ljepša od pauna, gladniji od vuka, vikati jače od vjetra, plesati bezbrižnije od vilina konjica, raditi marljivije od mrava, toplije od proljeća, mekše od zelene trave, gluplje od majmuna, raditi tvrdoglavije od magarca, pjevati veselije od ptice, glasić čišći od stakla, glazba gora od revanja.

8. Подберите синонимы из текстов к следующим словам и выражениям:

Говорить, бесполезно, залезть, очаровать, смотреть пристально, обманщица, множество примеров, искать добычу, бесстыдник, убить, сердиться, два года назад, отомстить кому-либо, некогда, зима приближается, опустеть, до весны, мягкая трава, танцевать, задумать, не получаться, открыть секрет, если, быть готовым слушать всегда, не могу дождаться, откуда, маленького роста.

9. Перескажите содержание басен своими словами.

ГАРМОНИЧНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Алекса́ндр Серге́евич Пу́шкин

1799, Москва – 1837, Санкт-Петербург

Поэт с репутацией величайшего русского поэта, национальной поэтической величины, драматург и прозаик. Дворянин по происхождению, вырос в среде, говорящей по-французски. Мать поэта – Надежда Осиповна Ганнибал – внучка знаменитого Абрама Ганнибала, «арапа Петра Великого», ближайшего помощника царя-реформатора.

За двадцать лет своего литературного творчества, охватывающего три стилевые формации: классицизм, романтизм и реализм, Пушкин создал величественный опус, отвечающий высшим эстетическим критериям.

Основатель новой русской литературы, создатель лирической концепции творчества, Пушкин считается и создателем современного русского литературного языка.

Первые стихотворения Пушкина датированы 1813 годом, началом его лицейского периода. В январе 1815 года юный поэт в присутствии Г. Р. Державина, уже классика русской поэзии, читает своё стихотворение *Воспоминания о Царском селе*, которое опубликовано впервые под его полным именем: Александр Пушкин. Поэт пользуется лучшими достижениями европейской литературы: от античности до Вольтера, Оссиана и французской «лёгкой поэзии».

В петербургском периоде жизни Пушкин дружит с Чаадаевым, с членами тайного «Союза благоденствия», участвует в работе литературно-театрального общества «Зелёная лампа» и Вольного общества любителей российской словесности. Под влиянием идей «Союза благоденствия» написаны стихотворения *Вольность* (1817) и *Деревня* (1819). В поэзии этого периода формируется поэтический стиль Пушкина, в котором сочетаются архаический, субъективно-романтический и «прозаически»-бытовой, сниженный стилевые слои. Первая поэма Пушкина *Руслан и Людмила* (1820) – оригинальное произведение и важный этап на пути к новым формам поэтического эпоса.

Из-за оды *Вольность* Пушкина отправляют в первую, южную ссылку (май 1820 – июль 1824). В период первой ссылки Пушкин – яркий поэт-романтик. О его собственной судьбе свидетельствуют образы изгнанников и странников в послании *К Овидию* (1821) и в дружеских посланиях к Баратынскому (1822). Главное достижение этого периода – «южные поэмы» Пушкина: *Кавказский пленник* (1821), *Бахчисарайский фонтан* (1821–1823) и *Цыганы* (закончены в Михайловском в 1824).

Обвинённого в атеизме, замеченном в одном из частных писем, Пушкина ссылают в родовое имение Михайловское (август 1824 – сентябрь 1826). Там он пишет некоторые из своих лучших стихотворений, а одно из них, посвящённое А. П. Керн, запечатлевает психологическую уникальность человеческих переживаний: *Я помню чудное мгновенье...* Историческая трагедия *Борис Годунов* (закончена в 1825 г., опубликована в 1831 г.) отобразила интерес писателя к трагическим, переломным эпохам в истории России. В Михайловском настанут центральные главы «романа в стихах» *Евгений Онегин* (III–VI), капитального произведения Пушкина, которое он дописал в Болдинскую осень.

Цикл новелл *Повести Белкина* настанет в 1831 году. Осенью 1833 года в Болдине были написаны *История Пугачёва*, поэма *Медный всадник* и сказки – *Сказка о рыбаке и рыбке* и *Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях*. Романтическая повесть *Пиковая дама* (1834) занимается судьбой характеров, поработённых своими страстями. В 1830-е годы Пушкин пишет около 30 стихотворений и «маленькие трагедии» – цикл философско-психологических «пьес для чтения»: *Скупой рыцарь* (1836), *Моцарт и Сальери* (1832), *Пир во время чумы* (1832), *Каменный гость* (опубликована посмертно, в 1839 г.).

1834–1836 гг. – годы создания философской лирики, в том числе «поэтического завещания» – стихотворения *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*, а также романа *Капитанская дочка* (1836).

Конституирование реализма начинается в произведениях писателей, всё ещё относящихся к романтизму, – в *Евгении Онегине* Пушкина и *Герое нашего времени* Лермонтова. Первый роман, написанный в «смешанном жанре», возникает в результате сплетения «свободных» романтических форм, второй – циклизации новелл. Роман *Евгений Онегин* Пушкин писал более семи лет – с мая 1923 г. по сентябрь 1830 г. Первое полное издание появилось в 1833 году. Последний авторский вариант романа был напечатан в 1837 году. По определению Белинского, *Евгений Онегин* является «энциклопедией русской жизни», хотя – по словам В. Шкловского – Пушкин не мог в *Евгении Онегине* показать русскую действительность так широко, как хотел. В. Шкловский утверждает, что для Пушкина *Евгений Онегин* закончен, «потому что характеры героев исчерпаны до конца и раскрыта та действительность, часть которой они составляют». Действие романа начинается в 1819 году и заканчивается весной 1825 года. В описание жизни московского дворянского общества вводятся исторические реалии, связанные с общественно-политическими и культурными событиями не только русской, но и западно-европейской жизни того времени. Стихотворная форма романа органически связана с его сюжетом. *Евгений Онегин* написан четырнадцатистрочной «онегинской» строфой. В первых строках каждой строфы даётся основное действие; в следующих строках содержится оценка событий. Автор является нетрадиционным рассказчиком – он одновременно и повествователь, и герой романа, который постоянно меняется местами и постоянно ведёт монолог, а и диалог с читателем.

О Пушкине Л. Толстой сказал: «Чувство красоты развито у него до высшей степени, как ни у кого. Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения. Мы читаем у Пушкина стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и вылилось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко...». (С. Леушева утверждает, что эти слова Толстого записаны в дневнике А. Б. Гольденвейзера и относятся к 1900 г.)

Евгений Онегин

(отрывки)

Глава первая

промотаться – spiskati sav imetak

резов = резвый – nestašan

убогой = убогий – bijedan

докучать – dosađivati

бранить – grđiti

мятежный – buntovan

III

Служив отлѣчно благородно,
 Долгами жил его отец,
 Давал три бала ежегодно
 И промотался наконец.
 Судьба Евгенія хранила:
 Сперва *Madame* за ним ходила,
 Потом *Monsieur* её сменил.
 Ребёнок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил
 И в Лѣтний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению порá,
 Порá надежд и грусти нежной,
Monsieur прогна́ли со двора́.
 Вот мой Оне́гин на свободе;
 Остри́жен по последней мо́де,
 Как *dandy* лóндонский одѣт —
 И наконец уви́дел свет.
 Он по-французски совершенно
 Мог изъясняться и писáл;
 Легко мазу́рку танцевáл

И клáнялся непринуждённо;
Чегó ж вам бóльше? Свет реши́л,
Что он умён и о́чень мил.

V

немудрено – jednostavno

знаток – znalac

возбуждать – izazivati

ныне – sad

потолковать – porazgovarati

vale – (lat.) zbogom, pozdrav, zdrav mi budi!

рыться – kopkati, čepkati

бытописание – povijest

Мы все уч́ились понемно́гу
Чему́-нибу́дь и как-нибу́дь,
Так воспитáньем, сла́ва бо́гу,
У нас немудренó блесну́ть.
Онéгин был по мненью мно́гих
(Судей реш́ительных и стрóгих)
Учёный ма́лый, но педáнт:
Имёл он счáстливый талáнт
Без принуждénья в разгово́ре
Косну́ться до всего́ слегкá,
С учёным ви́дом знатокá
Храни́ть молча́нье в ва́жном спо́ре
И возбужда́ть улы́бку дам
Огнём неждáнных эпигра́мм.

VI

Латы́нь из мо́ды вы́шла ны́не:
Так, е́сли пра́вду вам сказа́ть,
Он знал дово́льно по-латы́ни,
Чтоб эпигра́фы разбира́ть,
Потолкова́ть об Ювенáле,
В конце́ письма́ поста́вить *vale*,
Да по́мнил, хоть не без грехá,
Из Эне́йды два стихá.
Он ры́ться не имёл охóты
В хронологическо́й пы́ли
Бытописа́ния земл́и:
Но дней мину́вших анекдóты

От Рóмула до нáших дней
Храни́л он в пáмяти своéй.

VII

Высо́кой стра́сти не имéя
Для звúков жи́зни не щадíть,
Не мог он ямба от хорéя,
Как мы ни бíлись, отличи́ть.
Брани́л Гоméра, Феокри́та;
Зато́ чита́л Ада́ма Сми́та
И был глубóкой эконо́м,
То есть умéл суди́ть о том,
Как госуда́рство богатéет,
И чем живёт, и почему́
Не ну́жно зóлота ему́,
Когда́ *просто́й проду́кт* имéет.
Оте́ц поня́ть его́ не мог
И зéмли отдава́л в залóг.

просто́й проду́кт – dodana vrijednost

залог – hipoteka

VIII

Всего́, что знал ещё Евге́ний,
Пересказа́ть мне недосу́г;
Но в чём он и́стинный был ге́ний,
Что знал он твёрже всех нау́к,
Что бы́ло для него́ измла́да
И труд, и му́ка, и отра́да,
Что занима́ло це́лый день
Его́ тоску́ющую лень, —
Была́ нау́ка стра́сти не́жной,
Кото́рую воспéл Назо́н,
За что страда́льцем ко́нчил он
Свой век блестя́щий и мятéжный
В Молда́вии, в глуши́ степе́й,
Вдали́ Ита́лии своéй.

недосуг – nemanje slobodnog vremena

измлада – od mladih dana

отрада – užitak

воспеть – opjevati

страдалец – patnik

глушь – zabit, zabačeno mjesto, pustoš

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Выберите из правого столбца синонимы словам и выражениям из левого столбца:

промотаться	время
резвый	выражаться
убогий	неспокойный
докучать	нетрудно
бранить	сейчас
мятежный	поговорить
пора	ругать
изъясняться	бедный
непринужденно	жалеть
немудрено	шаловливый
ныне	банкротировать
потолковать	надоедать
щадить	легко

2. Объясните значения данных слов и выражений. В случае затруднений обратитесь к словарю:

Madame, monsieur, dandy, мазурка, эпиграмма, эпиграф, vale, ямб, хорей, простой продукт, залог.

3. Найдите в Интернете информацию о следующих именах собственных:

Летний сад, Ювенал, Энеида, Ромул, Гомер, Феокрит, Адам Смит, Назон, Молдавия, Италия.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:

1. Что вы узнали об отце Евгения? Чем он занимался в молодости, и что привело его семью к финансовым трудностям? 2. Кто занимался воспитанием маленького Онегина? Какое он получил образование в детстве? 3. Опишите внешность юного Евгения. 4. Какими достоинствами он обладал? Было ли этого достаточно, чтобы занять достойное положение в тогдашнем обществе? 5. Каким «счастливым талантом» обладал Евгений? 6. Охарактеризуйте его знание латыни. Насколько глубоко он владел латынью? 7. Отличался ли Евгений любовью к литературе? Много ли читал? 8. Докажите, что Онегин был «глубокой эконо́м». 9. В чём Евгений был «истинным гением»? 10. Знакомы ли вы с поэзией Назона?

2. Подтвердите или опровергните данные ниже суждения:

1. Отец Евгения был очень состоятельным человеком. 2. В детстве Онегина воспитывала няня. 3. Онегин учился в лицее и получил прекрасное образование. 4. Когда Евгений подрос, его отец прогнал гувернанта. 5. Евгений в совершенстве владел французским языком. 6. В свете его считали умным и милым. 7. Онегин прекрасно знал латынь и римскую литературу. 8. У Евгения были большие способности к литературе. 9. Назон был его любимым поэтом.

3. Найдите в тексте глаголы движения в прямом и переносном значении. Прочитайте эти глаголы вместе со словами, которые к ним относятся.

4. Восстановите выражения из текста: слова из скобок поставьте в нужную форму:

(Долги) жил его отец, давал три (бал) ежегодно, не докучал (мораль строгая), слегка за (шалости) бранил, пора (юность мятежная), пора (надежды, грусть нежная), стрижен по (последняя мода), легко (мазурка) танцевал, мы все учились понемногу (что-нибудь), (воспитанье) немудрено у (мы) блеснуть, без (принуждение) в (разговор) коснуться до (всё) слегка, хранить (молчанье) в (важный спор), возбуждать (улыбка) (дамы) (огонь) (нежданные эпиграммы), помнил не без (грех) из (Энеида) два (стих), анекдоты (дни минувшие) от (Ромул) до (наши дни) хранил он в (па-

мать), не мог отличить (ямб) от (хорей), закончил (свой век) в (Молдавия), в (глушь) (степи), вдали (Италия).

5. Найдите в тексте деепричастия, определите их вид. Скажите, от каких глаголов они образованы.
6. Определите, от каких прилагательных или причастий образованы следующие краткие формы. Определите их синтаксическую функцию:
Резов, мил, стрижен, одет, умён.
7. Определите вид следующих глаголов. Дайте их видовую пару:
Давать, промотаться, измучиться, учить, прогнать, увидеть, изъясняться, писать, кланяться, решить, коснуться, возбуждать, сказать, разбирать, потолковать, поставить, отличить, бранить, читать, богатеть, понять, знать, пересказать, занимать, воспеть, кончить.
8. Восьмая строфа представляет собой сложное предложение. Прочитайте его, определите тип сложного предложения, сделайте его синтаксический разбор.
9. Текст обилует предложениями с однородными членами. Прочитайте их и определите их функции в предложении.
10. Скажите, от каких глаголов образованы следующие отглагольные существительные:
Воспитанье, принужденье, молчанье.
11. К какой части речи относятся следующие слова? Проанализируйте их:
Острижен, одет, минувший, тоскующий.
12. Образуйте от глаголов нужные типы причастий:
 - а) действительное причастие прошедшего времени:
Жить, промотаться, ходить, сменить, бранить, учить, выйти.
 - б) действительное причастие настоящего времени:
Писать, танцевать, кланяться, иметь, возбуждать, хранить, щадить.
 - в) страдательное причастие настоящего времени:
Возбуждать, занимать, хранить, судить, читать, разбирать.
 - г) страдательное причастие прошедшего времени:
Понять, прогнать, остричь, одеть, увидеть, поставить, пересказать.

Письмо Татьяны к Онегину

боле = больше

доля – sudbina, udes

молвить – izustiti

нелюдим – samotar, nedruželjubiv čovjek

селенье – naselje, selo

Я к вам пишу — чего же боле?
 Что я могу ещё сказать?
 Теперь, я знаю, в в́ашей во́ле
 Меня презре́ньем наказáть.
 Но вы, к моёй несча́стной до́ле
 Хоть ка́плю жа́лости храня́,
 Вы не оста́вите меня́.
 Снача́ла я молча́ть хоте́ла;
 Повере́йте: моего́ стыда́
 Вы не узна́ли б никогда́,
 Когда́ б наде́жду я имела́
 Хоть ре́дко, хоть в неде́лю раз
 В дере́вне на́шей ви́деть вас,
 Чтоб то́лько слы́шать ва́ши ре́чи,
 Вам сло́во мо́лвить, и пото́м
 Все ду́мать, ду́мать об однё́м
 И день и ночь до но́вой встре́чи.
 Но, говоря́т, вы нелюди́м;
 В глуши́, в дере́вне всё вам ску́чно,
 А мы... ниче́м мы не блести́м,
 Хоть вам и ра́ды простоду́шно.

Заче́м вы посети́ли нас?
 В глуши́ забы́того селе́нья
 Я никогда́ не зна́ла б вас,
 Не зна́ла б го́рького муче́нья.
 Души́ неопы́тной волне́нья
 Смирíв со вре́менем (как знать?),
 По се́рдцу я нашла́ бы дру́га,

добродетельный – čestit

Была́ бы ве́рная супру́га
И добродете́льная мать.

вышний – višnji, najviši

Друго́й!.. Нет, нико́му на све́те
Не отда́ла бы се́рдца я!

зало́г – dokaz, zalog

То в ви́шнем сужде́но сове́те...
То во́ля не́ба: я тво́я;

*незримый – nevidljiv, skriven**томить – mučiti, moriti*

Вся жизнь мо́я была́ зало́гом
Свиданья ве́рного с тобо́й;
Я зна́ю, ты мне по́слан бо́гом,
До гроба́ ты храните́ль мой...
Ты в снови́деньях мне явля́лся
Незри́мый, ты мне был уж мил,
Тво́й чу́дный взгляд ме́ня томи́л,
В душе́ тво́й го́лос раздава́лся

*чуть – čim, tek**вмиг – u tren oka**обомлеть – obamrijeti**слыхать, слышать – čuti*

Давно́... нет, это был не сон!

Ты чу́ть вошёл, я вмиг узнáла,

Вся обомлела́, запыла́ла

И в мы́слях мо́лвила: вот он!

Не пра́вда ль? я тебя́ слы́хала:

Ты говори́л со мной в тиши́,

Когда́ я бе́дным помога́ла

Или моли́твой усажда́ла

Тоску́ волну́емой души́?

И в э́то са́мое мгнове́нье

Не ты ли, ми́лое виде́нье,

В прозра́чной темноте́ мелькну́л,

Прини́кнул ти́хо к изголо́вью?

Не ты ль, с отра́дой и любо́вью,

Слова́ наде́жды мне шепну́л?

Кто ты, мой а́нгел ли храните́ль,

Или кова́рный искуси́тель:

*приникнуть – primaknuti se, sagnuti se**отрада – užitak, radost**коварный – podmukao, lukav**искуситель – zavodnik*

*отныне – odsad**взор – pogled**замирать – obamirati**поруча – jamstvo**верить – povjeravati*

Мой сомнѣнья разреши.
 Быть мѡжет, ёто всё пустѡе,
 Обмѡн неѡпытной души!
 И сужденѡ совсѣм инѡе...
 Но так и быть! Судьбу мою
 Отныне я тебѣ вручаю,
 Перед тобою слѣзы лью,
 Твоей защитѣ умоляю...
 Вообрази: я здесь одна,
 Никтѡ меня не понимает,
 Рассудок мой изнемогает,
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единым взором
 Надѣжды сердца оживи
 Иль сон тяжѣлый перерви,
 Уви, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечѣсть...
 Стыдѡм и страхом замираю...
 Но мне поручкой ваша честь,
 И смѣло ей себя вверяю...

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:

1. Вспомните, когда и при каких обстоятельствах Татьяна написала это письмо. Зачем она это сделала? 2. Какую реакцию на это послание ожидает Татьяна от Онегина? Докажите строками из текста. 3. Сразу ли она решилась написать Онегину? 4. Докажите, что героиня верит в судьбу. 5. Какие сомнения терзают Татьяну? 6. Чего ожидает она от Онегина? 7. В чём обманулась героиня? 8. Письмо обилует вопросами, как по-вашему, почему?

2. Раскройте скобки, поставив слова и выражения в нужный падеж:

Наказать (презрение), жалость к (несчастливая доля), иметь (надежда), видеть в (деревня), думать до (новая встреча), скучно в (глушь), не знать (горькое мучение), волнение (неопытная душа), друг по (сердце), суждено в (вышний совет), быть послан (бог), являться в (сновидения), молвить в (мысли), помогать (бедные), улаживать (молитва) (душевная тоска), мелькнуть в (прозрачная темнота), приникнуть к (изголовье), шепнуть с (отрада и любовь), вручать кому-либо (судьба).

3. Замените выражения синонимами из текста:

Жалеть кого-либо, ненавидеть кого-либо, слышать голос, сказать кому-либо слово, любить одиночество, навестить кого-либо, друг по душе, хорошая мать, преданная супруга, божья воля, хранитель до смерти, сниться кому-либо, невидимый, сразу узнать, зарумяняться, в это самое время, нагнуться над подушкой, с сегодняшнего времени, плакать, представить, рассудок теряет силы, единый взгляд, замирать от страха.

4. Дайте видовую пару следующих глаголов:

Сказать, наказать, оставить, видеть, посетить, найти, отдать, являться, раздаваться, войти, помогать, мелькнуть, приникнуть, шепнуть, разрешить, вручать, лить, понимать, гибнуть, ждать, кончать, перечесть, замирать, верить.

5. Вставьте недостающие предлоги:

Пишу ... вам, жалость ... моей несчастной доле, раз ... неделю, видеть ... деревне, думать ... одном, скучно ... глуши, смирить сомнения ... временем, друг ... сердцу, суждено ... вышнем совете,

хранитель ... гроба, являлся ... сновиденьях, раздавался голос ...
душе, молвила ... мыслях, ты говорил ... мной ... тиши, ... это са-
мое мгновенье, приникнул ... изголовью, шепнул ... отрадой и лю-
бовью, ... тобою слёзы лью.

6. Сделайте синтаксический разбор следующих предложений:

Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

7. Выучите письмо наизусть.

ФАНТАСМАГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Никола́й Васи́льевич Го́голь

(фамилия при рождении Яно́вский,
с 1821 года Го́голь-Яно́вский)

1809, Большие Сорочинцы,
Полтавская губерния – 1852, Москва

Писатель, драматург, поэт, критик, публицист. Именно Гоголь – художественный мир которого сложился к началу 40-х гг. – считается основоположником русского реализма, ранним реалистом, хотя он в своих первых произведениях романтик (даже *Мёртвые души* содержат элементы романтизма). Всё-таки, по словам Р. Лауэра, Гоголь себя никогда не считал «реалистичным», а «метафизическим» автором. В. Розанов, controversial писатель и мыслитель начала XX века, выдвинул тезис, диаметрально противоположный устоявшемуся мнению, что «вся наша новейшая литература всходит из Гоголя», написав, что «русская новейшая литература вся в своём целом явилась отрицанием Гоголя, борьбой против него».

В опусе этого русского писателя украинского происхождения – современника А. Пушкина и М. Лермонтова – обнаруживается постепенный переход от романтических форм к реалистическим.

В творческом развитии Гоголя критики выделяют три периода:

- 1) 1829–1835 гг. – петербургский период. За неудачей (публикация *Ганца Кюхельгартена*) последовал шумный успех сборника романтических повестей *Вечера на хуторе близ Диканьки* (1831–1832). В 1835 году вышли сборники *Миргород* и *Арабески*;

- 2) 1835–1842 гг. – время работы над двумя самыми важными произведениями: комедией *Ревизор* (именно работу над *Ревизором* критики считают поворотным моментом в творческом развитии Гоголя) и поэмой *Мёртвые души*. Начало этого периода – создание первой редакции *Ревизора* (1835–1836), издание первого тома *Похождений Чичикова, или Мёртвых душ* (1842) и подготовка *Сочинений* в 4-х томах (1843);
- 3) 1842–1852 гг. – последний период творчества. Главным его содержанием стала работа над вторым томом *Мёртвых душ*, проходившая под знаком напряжённых религиозно-философских исканий. Важнейшие события этого периода – публикация в 1847 году книги *Выбранные места из переписки с друзьями* и сожжение Гоголем в 1852 году личных бумаг, в числе которых была, очевидно, и рукопись второго тома поэмы.

В петербургских повестях Гоголь дал свою трактовку петербургской темы, «петербургского текста»: он создал образ-символ города, одновременно и реального, и фантастическо-фантазмагорического. В *Портрете* Петербург представлен как город, погубивший художника Чарткова деньгами и лёгкой славой. В *Записках сумасшедшего* город увиден глазами сошедшего с ума титулярного советника Поприщина, который воображает, что именно он испанский король Фердинанд VIII. Сумасшествие Поприщина – гипербола, которой акцентировано маниакальное стремление любого чиновника к чинам и наградам. Гиперболизм вообще свойственен образам Гоголя. (А. Белый даже разработал целую классификацию гоголевских гипербол: «Гиперболы Гоголя можно делить на количественные, качественные, изобразимые, не изобразимые, дифирамбы, гротески, содержательные и пустые [...]».) Именно факт, что герой живёт в постоянном разладе мечты и реальности, по словам одной из ведущих гоголелогов Я. Войводич, представляет собой один из самых важных признаков прозы писателя.

Гоголевская фантастика достигла своей вершины в повести *Нос*, в которой описаны петербургские «приключения» носа майора Ковалёва (Ю. Манн: «По типу фантастики эта повесть Гоголя является ярким примером *фантастического предположения*»). Достигнув зрелости своего таланта, Гоголь пишет повесть *Шинель*. В *Шинели* – в которой «мелодраматический эпизод использован как контраст к комическому сказу», а «комические эффекты достигаются манерой сказа» (Б. Эйхенбаум) – описывается «житие» Акакия Акакиевича Башмачкина, мелкого и бедного чиновника. Призрак, который появляется в городе после его смерти, по словам В. Шкловского, «имеет в этой повести то же значение, какое придано рангу испанского короля в *Записках сумасшедшего*».

Ю. Тынянов подчёркивает, что основной приём Гоголя в живописании людей – приём маски: «Маской может служить, прежде всего, одежда, костюм (важное значение одежды у Гоголя при описании наружности), маской может служить и подчёркнутая наружность». Так, например, в *Носе* метафора реализовалась в маску (здесь эффект сломанной маски), в имени Коробочка вещная метафора стала словесной маской, в имени Акакий Акакиевич словесная маска потеряла уже связь с семантикой, закрепились на звуке, стала звуковой, фонетической. Словесная маска может раздваиваться: Бобчинский и Добчинский, Фома Большой и Фома Меньшой, дядя Митяй и дядя Миняй, сюда же относятся парные имена и имена с инверсиями: 1) *Иван* Иванович и *Иван* Никифорович, *Афанасий Иванович* и *Пульхерия Ивановна* (парные); 2) *Кифа* Мокиевич и *Мокий* Кифович (с инверсией). Имена *Земляника*, *Яичница* представляют собой более сложное развитие приёма – закрепление не совпадающей по роду словесной маски, что производит гораздо более комический эффект. В фамилиях этих героев важна их формальная сторона.

В. Шкловский выделяет, что слова Гоголя об умении Пушкина «извлечь из обыкновенного необыкновенное и так, чтобы это необыкновенное было ... совершенная истина» можно по праву отнести и к самому Гоголю.

В 1836 году Гоголь писал В. Жуковскому: «Я принялся за *Мёртвые души*, которые было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь, обдумал весь план и теперь веду его спокойно, как летопись... какой огромный, какой оригинальный сюжет!.. Вся Русь явится в нём! Мне кажется как будто я в России: передо мной все наши, – наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы... Мне даже смешно, что я пишу *Мёртвых душ* в Париже». В том же самом году – 1836 – зрители впервые увидели театральную постановку комедии *Ревизор*, в которой писатель сатирически изобразил всю царскую Россию и весь бюрократический чиновничий аппарат страны. Одновременно эта пьеса является и аллегорией на человеческую ограниченность.

Петербургские повести и *Мёртвые души* Гоголя служат главным образцом произведений Натуральной школы и исходной точкой реализма. Критики часто называют Гоголя «русским Рабле», «русским Свифтом». Он, действительно, в первой половине XIX века был крупнейшим комическим писателем России. Гоголевский смех представляет собой разрушительное оружие, которое не щадит ни авторитетов, ни дворянство, ни бюрократов. В. Красовский подчёркивает, что смех Гоголя особый, это смех созидателя, моралиста-проповедника: «За его смехом стоят представления о должном – о том, каким должны быть люди, отношения между ними, общество и государство».

Записки сумасшедшего

Октября 3.

Сего́дняшнего дня случи́лось необыкновенное приключе́ние. Я встал поутру́ дово́льно по́здно, и когда́ Ма́вра принесла́ мне вы́чищенные сапоги́, я спроси́л, кото́рый час. Услы́шавши, что уже́ давно́ би́ло де́сять, я поспеши́л поскорее́ оде́ться. Признаю́сь, я бы совсе́м не поше́л в департа́мент, зная́ за́ранее, ка́кую ки́слую ми́ну сде́лает наш нача́льник отде́ления. Он уже́ давно́ мне говори́т: «Что э́то у тебя́, бра́тец, в голове́ всегда́ ерала́ш тако́й? Ты ино́й раз мета́ешься как угоре́лый, де́ло подча́с так спута́ешь, что сам сатана́ не разберёт, в титу́ле поста́вишь ма́ленькую бу́кву, не вы́ставишь ни числа́, ни но́мера». Прокля́тая ца́пля! он, ве́рно, зави́дует, что я сижу́ в дире́кторском кабинёте и очиниваю перья́ для его́ превосходи́тельства. Сло́вом, я не поше́л бы в департа́мент, е́сли бы не наде́жда ви́деться с казначее́м и авось-либо вы́просить у э́того жида́ хоть ско́лько-нибудь из жа́лованья впе́ред. Вот ещё́ создание́! Чтобы́ он вы́дал когда́-нибудь впе́ред за ме́сяц де́ньги – го́споди бо́же мой, да скорее́ Стра́шный суд приде́т. Проси́, хоть трэ́сни, хоть будь в разну́ждё, – не вы́даст, се́дой че́рт. А на кварта́ре со́бственная куха́рка бьёт его́ по щека́м. Э́то все́му све́ту извё́стно. Я не понима́ю вы́год служи́ть в департа́менте. Ника́ких соверше́нно ресу́рсов. Вот в губе́рнском правле́нии, гра́жданских и казе́нных пала́тах совсе́м друго́е де́ло: там, смóтришь, ино́й прижа́лся в са́мом уголку́ и попи́сывает. Фра́чишка на нём га́дкий, ро́жа така́я, что плю́нуть хо́чется, а посмотре́ ты, ка́кую он да́чу нанима́ет! Фарфо́ровой вы́золоченной ча́шки и не неси́ к нему́: «Э́то, говори́т, до́кторский подáрок»; а ему́ дава́й па́ру рысакóв, или дро́жки, или бобёр рубле́й в три́ста. С ви́ду тако́й ти́хенький, говори́т так делика́тно: «Одолжи́те но́жичка почини́ть пё-

мина – izraz lica

ералаш – nered, zbrka

хоть тресни – makar pukao!

казённый – državni

рысак – rasni kasač (konj)

дрожки – kočija, fijaker

рышко», – а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе. Правда, у нас зато служба благородная, чистота во всём такая, какой вовеки не видеть губернскому правлению: столы из красного дерева, и все начальники на вы. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставил департамент.

Я надёл старую шинель и взял зонтик, потому что шёл проливной дождик. На улицах не было никого; одни только бабы, накрывшись полами платья, да русские купцы под зонтиками, да курьеры попадались мне на глаза. Из благородных только наш брат чиновник попался мне. Я увидел его на перекрёстке. Я, как увидел его, тотчас сказал себе: «Эге! нет, голубчик, ты не в департамент идёшь, ты спешишь вон за тою, что бежит вперёд, и глядишь на её ножки». Что это за бестия наш брат чиновник! Ей-богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит. Когда я думал это, увидел подъехавшую карету к магазину, мимо которого я проходил. Я сейчас узнал её: это была карета нашего директора. «Но ему нечем в магазин, – я подумал, – верно, это его дочка». Я прижался к стенке. Лакей отворил дверцы, и она выпорхнула из кареты, как птичка. Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями и глазами... Господи, боже мой! пропал я, пропал совсем. И зачем ей выезжать в такую дождевую пору. Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок. Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался закутаться как можно более, потому что на мне была шинель очень запачканная и притом старого фасона. Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие, один на другом; да и сукно совсем не дегазированное. Собачонка её, не успевши вскочить в дверь магазина, осталась на улице. Я знаю эту собачонку. Её зовут Меджи. Не успел

выпорхнуть – otrpnuti

дегазированный – obrađen, nosiv

фунт – funta (409,5 g)

крепостной – kmet

я пробы́ть мину́ту, как вдруг слы́шу то́ненький голосо́к: «Здра́вствуй, Ме́джи!» Вот тебе́ на! кто э́то говори́т? Я обследо́релся и уви́дел под зóнтиком шéдших двух да́м: одну́ стару́шку, друго́ю моло́денькую; но о́ни уже́ прошли́, а вóзле меня́ о́пять раздало́сь: «Грех тебе́, Ме́джи!» Что за че́рт! я уви́дел, что Ме́джи обню́хивалась с собачо́нкою, шéдшею за да́мами. «Эге́! – сказа́л я сам себе́, – да по́лно, не пьян ли я? То́лько э́то, ка́жется, со мно́ю ре́дко случает́ся». – «Нет, Фиде́ль, ты напрáсно ду́маешь, – я ви́дел сам, что произнесла́ Ме́джи, – я была́, ав! ав! я была́, ав, ав, ав! о́чень больна́». Ах ты ж, собачо́нка! Признаю́сь, я о́чень удиви́лся, услы́шав её говоря́щею по-челове́чески. Но по́сле, ко́гда я сообрази́л всё э́то хороше́нко, то то́гда же переста́л удиви́аться. Действите́льно, на све́те уже́ случи́лось мно́жество подо́бных приме́ров. Говора́т, в Англии вы́плыла ры́ба, кото́рая сказа́ла два сло́ва на тако́м стра́нном языке́, что учёные уже́ три го́да стара́ются опреде́лить и ещё́ до сих пор ниче́го не открýли. Я чита́л то́же в газéтах о двух корóвах, кото́рые пришл́и в ла́вку и спроси́ли себе́ фунт ча́ю. Но, признаю́сь, я горáздо бо́лее удиви́лся, ко́гда Ме́джи сказа́ла: «Я писа́ла к тебе́, Фиде́ль; ве́рно, Полка́н не принёс письма́ моего́!» Да чтоб я не получи́л жа́лованья! Я ещё́ в жи́зни не слы́хивал, что́бы соба́ка могла́ писа́ть. Пра́вильно писа́ть мо́жет то́лько дворя́нин. Оно́, коне́чно, не́которые и кúпчики-контóрщики и да́же крепо́стной наро́д допи́сывает ино́гда; но их писа́ние бо́льшую ча́стью меха́ническое: ни запяты́х, ни то́чек, ни сло́га.

Э́то меня́ удиви́ло. Признаю́сь, с неда́вного вре́мени я начина́ю ино́гда слы́шать и ви́деть такие́ ве́щи, кото́рых никто́ ещё́ не ви́дывал и не слы́хивал. «Пойду́-ка я, – сказа́л я сам себе́, – за э́той собачо́нкою и узна́ю, что она́ и что тако́е ду́мает».

Я разверну́л свой зóнтик и отпра́вился за двумя́ да́мами. Пере́шли в Горóховую, поворо́тили

преминуть – propustiti, zaboraviti

не чета – nije par

каналья – nitkov, gad, hulja

розга – šiba

в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокúшкину мосту́ и остано́вились пе́ред большим до́мом. «Этот дом я зна́ю, – сказа́л я сам себе́. – Это дом Зверко́ва». Эка маши́на! Како́го в нём наро́да не живёт: ско́лько куха́рок, ско́лько прие́зжих! а на́шей бра́тьи чиновников – как соба́к, оди́н на друго́м сиди́т. Там есть и у меня́ оди́н прия́тель, кото́рый хоро́шо игра́ет на трубе́. Да́мы возо́шли в пя́тый эта́ж. «Хоро́шо, – подумал я, – тепе́рь не пойду́, а заме́чу ме́сто и при пе́рвом слúчае не премину́ воспользо́ваться».

Октяб́ря 4.

Сего́дня се́редá, и потому́ я был у на́шего нача́льника в ка́бинете́. Я наро́чно пришёл порáньше и, засе́вши, пере́чинил все пе́рья. Наш дире́ктор до́лжен быть о́чень у́мный челове́к. Весь ка́бинет его́ уста́влен шкафа́ми с кни́гами. Я чита́л назва́ние не́которых: все́ учёность, така́я учёность, что на́шему бра́ту и при́ступа нет: все́ и́ли на францу́зском, и́ли на неме́цком. А посмотре́ть в ли́цо ему́: фу, кака́я ва́жность сия́ет в глаза́х! Я ещё́ нико́гда не слы́шал, что́бы он сказа́л ли́шнее сло́во. То́лько ра́зве, ко́гда пода́шь бума́ги, спрóсит: «Како́во на дво́ре?» – «Сы́ро, ва́ше превосходи́тельство!» Да, не на́шему бра́ту че́та! Госуда́рственный челове́к. Я замеча́ю, одна́ко же, что он меня́ о́собо́нно лю́бит. Если бы́ и до́чка... эх, кана́льство!.. Ниче́го, ниче́го, молча́ние! Чита́л «Пчёлку». Эка глúпый наро́д францу́зы! Ну, че́го хотя́т они́? Взя́л бы, ей-бо́гу, их всех, да и перепоро́б розга́ми! Там же чита́л о́чень прия́тное изображе́ние ба́ла, опи́санное ку́рским поме́щиком. Ку́рские поме́щички хоро́шо пи́шут. По́сле это́го заме́тил я, что уже́ би́ло полови́ну пе́рвого, а наш не выходи́л из сво́ей спа́льни. Но о́коло полови́ны второ́го случи́лось происше́ствие, кото́рого ника́кое перо́ не опи́шет. Отвори́лась

дверь, я думал, что директор, и вскочил со стула с бумагами; но это была она, она сама! Святители, как она была одета! платье на ней было белое, как лебедь: фу, какое пышное! а как глянула: солнце, ей-богу, солнце! Она поклонилась и сказала: «Папá' здесь не было?» Ах, ай, ай! какой голос! Канарейка, право, канарейка! «Ваше превосходительство, – хотел я было сказать, – не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашей генеральскою ручкою». Да, черт возьми, как-то язык не повернулся, и я сказал только: «Никак нет-с». Она поглядела на меня, на книги и уронила платок. Я кинулся со всех ног, подскользнулся на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однако ж удержался и достал платок. Святые, какой платок! тончайший, батистовый – амбра, совершенная амбра! так и дышит от него генеральством. Она поблагодарила и чуть-чуть усмехнулась, так что сахарные губки её почти не тронулись, и после этого ушла. Я ещё час сидел, как вдруг пришёл лакей и сказал: «Ступайте, Аксентий Иванович, домой, барин уже уехал из дому». Я терпеть не могу лакейского круга: всегда развалится в передней, и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчевать табачком. Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник, я благородного происхождения. Однако ж я взял шляпу и надел сам на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадут, и вышел. Дома большею частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение. Вечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду её превосходительства и поджидал долго, не выйдет ли сестра в карету, чтобы посмотреть ещё разик, – но нет, не выходила.

потчевать – gostiti, častiti

холоп – slugan, lakaj

Ноября 6.

Разбесил начальник отделения. Когда я пришёл в департамент, он подозвал меня к себе и начал мне говорить так: «Ну, скажи, пожалуйста, что ты делаешь?» – «Как что? Я ничего не делаю», – отвечал я. «Ну, размысли хорошенько! ведь тебе уже за сорок лет – пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себе? Ты думаешь, я не знаю всех твоих проказ? Ведь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты нуль, более ничего. Ведь у тебя нет ни гроша за душою. Взгляни хоть в зеркало на своё лицо, куды тебе думать о том!» Чёрт возьми, что у него лицо похоже несколько на аптекарский пузырёк, да на голове клочок волос, завитый хохолком, да держит её кверху, да примазывает её какою-то розеткою, так уже думает, что ему только одному всё можно. Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня. Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей – да чёрт его поберёт! я разве из какие-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицёрских детей? Я дворянин. Что ж, и я могу дослужиться. Мне ещё сорок два года – время такое, в которое, по-настоящему, только что начинается служба. Погоди, приятель! будем и мы полковником, а может быть, если бог даст, то чем-нибудь и побольше. Заведём и мы себе репутацию ещё и получше твоей. Что ж ты себе забрал в голову, что, кроме тебя, уже нет вовсе порядочного человека? Дай-ка мне ручёвский фрак, сшитый по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук, – тебе тогда не стать мне и в подмётки. Достатков нет – вот беда.

волочиться – udvarati se*хохолок* – čuperak, ćuba*розетка* – ukras od vrpca složen u krug*надворный советник* – dvorski savjetnik*разночинец* – raznočinas,

intelektualac-neplemić

унтер-офицер – podoficir, dočasnik

тебе мне и в подмётки не стать –
nisi dostojan ni da mi izuješ cipele

стряпчий – dvorski činovnik

дебошничать – praviti izgrede

грош – groš (1/2 koprejke)

Ноября 8.

Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся. Был ещё какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих, особенно на одного коллежского регистратора, весьма вольно написанные, так что я дивился, как пропустила цензура, а о купцах прямо говорят, что они обманывают народ и что сынки их дебошничают и лезут в дворяне. Про журналистов тоже очень забавный куплет: что они любят всё бранить и что автор просит от публики защиты. Очень забавные пьесы пишут нынче сочинители. Я люблю бывать в театре. Как только грош заведётся в кармане – никак не утерпишь не пойти. А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдёт, мужик, в театр; разве уже дашь ему билет даром. Пела одна актриса очень хорошо. Я вспомнил о той... эх, канальство!.. ниче́го, ниче́го... молча́ние.

Ноября 9.

В восемь часов отправился в департамент. Начальник отделения показал такой вид, как будто бы он не заметил моего прихода. Я тоже с своей стороны, как будто бы между нами ничего не было. Пересматривал и сверял бумаги. Вышел в четыре часа. Проходил мимо директорской квартиры, но никого не было видно. После обеда большею частью лежал на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидел в кабинете нашего директора, починил для него двадцать три пера и для её, ай! ай!.. для её превосходительства четыре пера. Он очень любит, чтобы стояло побольше перьев. У! должен быть голова! Всё молчит, а в голове, я думаю, всё обсуживает. Желалось бы мне узнать, о чём он больше всего думает; что

экивок – smicalica, podvala*склянка* – bočica*дрянной* – loš, ništavan*запереть* – zaključati*побожиться* – zakleti se

такое затевается в этой головё. Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки – как они, что они делают в своём кругу, – вот что бы мне хотелось узнать! Я думал несколько раз завести разговор с его превосходительством, только, черт возьми, никак не слушается язык: скажешь только, холодно или тепло на дворе, а больше решительно ничего не выговоришь. Хотелось бы мне заглянуть в гостиную, куда видишь только иногда отворённую дверь, за гостиной ещё в одну комнату. Эх, какое богатое убранство! Какие зеркала и фарфёры! Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где её превосходительство, – вот куда хотелось бы мне! В будуар: как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что идохнуть на них страшно; как лежит там разбросанное её платье, больше похожее на вóздух, чем на платье. Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет. Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она становит, вставая с постели, свою ножку, как надевается на эту ножку белый, как снег, чулочек... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчание.

Сегодня, однако ж, меня как бы светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собачонок, который слышал я на Нёвском проспекте. «Хорошо, – подумал я сам в себе, – я теперь узнаю всё. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянные собачонок. Там я, верно, кое-что узнаю». Признаюсь, я даже подзвал было к себе один раз Мёджи и сказал: «Послушай, Мёджи, вот мы теперь одни; я, когда хочешь, и дверь запру, так что никто не будет видеть, – расскажи мне всё, что знаешь про барышню, что она и как? Я тебе побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонок поджала хвост, съжилась вдвое и вышла тихо в дверь так, как будто бы ничего не слышала. Я давно подозревал, что собака гораздо умнее

человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политик: всё замечает, все шаги человека. Нет, во что бы то ни стало, я завтра же отправлюсь в дом Зверкова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу все письма, которые писала к ней Мэджи.

Ноября 12.

В два часа пополудни отправился с тем, чтобы непременно увидеть Фидель и допросить её. Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелких лавок в Мещанской; к тому же из-под ворот каждого дома несёт такой ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускают копоты и дыму из своих мастерских такое множество, что человеку благородному решительно невозможно здесь прогуливаться. Когда я пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик, вышла девчонка, не совсем дурная собою, с маленькими веснушками. Я узнал её. Это была та самая, которая шла вместе со старушкой. Она немножко покраснелась, и я тотчас смекнул: ты, голубушка, жениха хочешь. «Что вам угодно?» – сказала она. «Мне нужно поговорить с вашей собачонкой». Девчонка была глупа! я сейчас узнал, что глупа! Собачонка в это время прибежала с лаем; я хотел её схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за нос. Я увидел, однако же, в углу её лукошко. Э, вот этого мне и нужно! Я подошёл к нему, перерыл солёму в деревянной коробке и, к необыкновенному удовольствию своему, вытащил небольшую связку маленьких бумажек. Скверная собачонка, увидевши это, сначала укусила меня за икру, а потом, когда пронюхала, что я взял бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказал: «Нет, голубушка, прощай!» – и бросился бежать. Я думаю, что девчонка приняла меня за сумасшедшего, потому что испугалась

мелочная лавка – sitničarska trgovina,
mala trgovina mješovitom robom
бежать во всю прыть –
trčati iz petnih žila
копоты – čađa

лукошко – košarica

связка – svežanj

ластиться = ласкаться

чухонка – musavica

чрезвычайно. Пришедши домой, я хотел было тот же час приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свечах несколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мыть пол. Эти глупые чухонки всегда нестати чистоплотны. И потому я пошел прохаживаться и обдумывать это происшествие. Теперь-то наконец я узнаю все дела, помышления, все эти пружины и доберусь наконец до всего. Эти письма мне все откроют. Собаки народ умный, они знают все политические отношения, и потому, верно, там будет всё: портрет и все дела этого мужа. Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание! К вечеру я пришел домой. Большею частью лежал на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотрим: письмо довольно четкое. Однако же в почерке всё есть как будто что-то собачье. Прочитаем:

мещанский – malogradanski

Милая Фидель, я всё не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени. Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего? Фидель, Роза – какой пошлый тон! Однако ж всё это в сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать друг к другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква *ъ* везде на своём месте. Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения, хотя он и толкуёт, что где-то учился в университете. Посмотрим далее:

Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете.

Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведённого с немецкого. Названия не припомню.

Я говорю это по опыту, хотя и не бегала по свету далее ворот нашего дома. Моя ли жизнь не протекает в удовольствии? Моя барышня,

дичь – divljač

*неучтиво – neuljudno
вздор – besmislica, ludorija*

которую папá назывáет Софí, любит меня без пáмяти.

Ай, ай!..ничегó,ничегó. Молчáние!

Папá' тóже óчень чáсто ласкáет. Я пью чай и кóфей со слíвками. Ах, *ma chère*, я должнá тебе сказáть, что я вóвсе не víжу удовóльствия в больш́их обглóданных костя́х, котóрые жрёт на кúхне наш Полкáн. Кóсти хорошó тóлько из д́ичи, и притóм тогдá, когдá ещё никто не в́ысосал из них мóзга. Óчень хорошó мешáть нéсколько сóусов вмéсте, но тóлько без кáперсов и без зéлени; но я не знáю ничегó хúже обыкновéния давáть собáкам скáтанные из хлéба шáрики. Какóй-нибудь сидя́щий за столóм господíн, котóрый в руках своих держáл всякую дрянь, начнёт мять э́тими рука́ми хлеб, подзовёт тебя́ и сýнет тебе́ в зúбы шáрик. Отказáться как-то неучтíво, ну и ешь; с отвращéнием, а ешь... Чёрт знáет что такóе! Экой вздор! Как б́удто бы нé было предмéта полúчнее, о чём писáть. Посмóтрим на другóй стрáнице. Не б́удет ли чегó подéльнее.

Я с большóю охóтой готóва тебя́ уведомля́ть о всех бывáющих у нас происшéствиях. Я ужé тебе́ кóе-что говорíла о глáвном господíне, котóрого Софí назывáет папá'. Это óчень стрáнный человек.

А! вот наконец! Да, я знал: у них полит́ический взгляд на все предмéты. Посмóтрим, что папá':

...óчень стрáнный человек. Он бóльше молчít. Говорít óчень рéдко; но недéлю назáд беспрестáнно говорíl сам с собóю: «Получú или не получú?» Возьмёт в однú руку́ бумáжку, другúю слóжит пустúю и говорít: «Получú или не получú?» Один раз он обратíлся и ко мне с вопро́сом: «Как ты дúмаешь, Мéджи получú или не получú?» Я рóвно ничегó не моглá поня́ть, поню́хала егó сапо́г и ушлá прочь. Потóм, *ma chere*, чéрез недéлю папá' пришёл в большóй рáдости. Всё úтро ходíли к нему́ господа́ в мунд́ирах и с чéм-то поздравля́ли. За столóм

он был так вёсел, как я ещё никогда не видала, отпуская анекдоты, а после обеда поднял меня к своей шее и сказал: «А посмотри, Меджи, что это такое». Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала её, но решительно не нашла никакого аромата; наконец потихоньку лизнула: солёное немного.

высечь – išibati

Гм! Эта собачонка, мне кажется, уже слишком... чтобы её не высекли! А! так он честолубец! Это нужно взять к сведению. Прощай, та chere, я бегу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. Ну, здравствуй! Я теперь снова с тобой. Сегодня барышня моя Софи...

А! ну, посмотрим, что Софи. Эх, канальство!.. Ничего, ничего... будем продолжать.

суматоха – zbrka, panika

...барышня моя Софи была в чрезвычайной суматохе. Она собиралась на бал, и я обрадовалась, что в отсутствие её могу писать к тебе. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ехать на бал, хотя при одевании всегда почти сердится. Я никак не понимаю, та chere, удовольствия ехать на бал. Софи приезжает с балу домой в шесть часов утра, и я всегда почти угадываю по её бледному и тощему виду, что ей, бедняжке, не давали там есть. Я, признаюсь, никогда бы не могла так жить. Если бы мне не дали соуса с рябчиком или жаркого куриных крылышек, то... я не знаю, что бы со мною было. Хорош также соус с кашкою. А морковь, или репа, или артишоки никогда не будут хорошо...

рябчик – jarebica

Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнёт так, как следует, а кончит собачиной. Посмотрим-ка ещё в одно письмецо. Что-то длинновато. Гм! и числа не выставлено.

Ах, милая! как ощутительно приближение весны. Сердце моё бьётся, как будто всё чего-то ожидает. В ушах у меня вечный шум, так что я часто, поднявши ножку, стою несколько минут, прислушиваясь к дверям. Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне,

аляповатый – nezgrapan
 дворняга – pas bez pedigreea,
 pas pokućar

болван – blesan, tikvan

бакенбарды – zalisci, zulufi

шарканье – struganje, kopkanje

рассмáтриваю их. Ах, ёсли б ты знáла, какие мéжду ними есть урóды. Иной преаляповáтый, дворня́га, глуп стра́шно, на лице на́писана глúпость, превáжно идёт по úлице и вообража́ет, что он презна́тная осо́ба, дúмает, что так на него́ и загля́дятся все. Ничúть. Я да́же и внимáния не обрати́ла, так как бы и не видала его́. А ка́кой стра́шный до́га останáвливается пéред моим окно́м! Если бы он стал на за́дние ла́пы, чегó, грубия́н, он, ве́рно, не уме́ет, – то он бы был це́лою голово́ю вы́ше папа́' моёй Софи́, кото́рый то́же дово́льно вы́сокого ро́ста и толст собо́ю. Этот болва́н, должно́ быть, наглéц преужа́сный. Я поворо́чала на него́, но ему́ и ну́ждочки ма́ло. Хотя́ бы помóрщился! вы́сунул свой язы́к, повеси́л огро́мные у́ши и гляди́т в окно́ – та́кой мужи́к! Но неужели́ ты дúмаешь, та chere, что се́рдце моё равноду́шно ко всем иска́ниям, – ах нет... Если бы ты ви́дела одно́го кавале́ра, перелеза́ющего че́рез забо́р сосе́дного до́ма, и́менем Трезóра. Ах, та chere, ка́кая у него́ мо́рдочка!

ТЬфу, к че́рту!.. Экая дрянь!.. И как мо́жно наполня́ть пи́сьма эдакими глúпостями. Мне подава́йте челове́ка! Я хочú ви́деть челове́ка; я тре́бую пи́щи – той, кото́рая бы пита́ла и услажда́ла мою́ ду́шу; а вме́сто того́ эдакие пустя́ки... переверне́м че́рез страни́цу, не бу́дет ли лу́чше:

...Софи́ сидела́ за сто́ликом и что́-то ши́ла. Я гляде́ла в окно́, потому́ что я люблю́ рассмáтривать прохо́жих. Как вдруг вошёл лаке́й и сказа́л: «Тепло́в» – «Проси́, – закрича́ла Софи́ и бро́силась обнима́ть меня́... – Ах, Ме́джи, Ме́джи! Если б ты знáла, кто э́то: брюне́т, ка́мер-ю́нкер, а глаза́ ка́кие! че́рные и све́тые, как ого́нь», – и Софи́ убежа́ла к себе́. Минúту спустя́ вошёл молодóй ка́мер-ю́нкер с че́рными бакенба́рдами, подошёл к зе́ркалу, попра́вил волоса́ и посмотре́л ко́мнату. Я поворо́чала и се́ла на своё ме́сто. Софи́ ско́ро вы́шла и ве́село поклони́лась на его́ ша́рканье; а я себе́ так, как

бúдто не замечáя ничегó, продолжáла глядéть в окóшко; однáко ж гóлову наклонíла нéсколько нáбок и старáлась услýшать. о чём онí говорíют. Ах, та chère, о какóм вздóре онí говорíли. Онí говорíли о том, как однá дáма в тáнцах вмéсто однóй какóй-то фигúры сдéлала другúю; тáкже, что какóй-то Бобóв был óчень похóж в своём жабó на áиста и чуть бýло не упáл; что какáя-то Лíдина воображáет, что у ней голубýе глазá, мéжду тем как онí зелёные, – и томú подóбное. «Кудá ж, – подúмала я самá в себе, – ёсли сравнítь кáмер-ýнкера с Трезóром!» Нéбо! какáя рáзница! Во-пéрвых, у кáмер-ýнкера совершéнно глáдкое ширóкое лицó и вокрýг бакенбáрды, как бúдто бы он обвязáл его чёрным платкóм; а у Трезóра мóрдочка тóненькая, и на сáмом лбу бéлая лысинка. Тáлию Трезóра и сравнítь нельзá с кáмер-ýнкерскою. А глазá, приёмы, ухвáтки совершéнно не те. О, какáя рáзница! Я не знáю, та chère, что она нашлá в своём Теплóве. Отчегó она так им восхищáется?..

Мне самомú кáжется, здесь чтó-нибудь да не так. Не мóжет быть, чтóбы её мог так обворожítь кáмер-ýнкер. Посмóтрим дáлее:

Мне кáжется, ёсли ýтот кáмер-ýнкер нрáвится, то скóро бúдет нрáвиться и тот чинóвник, котóрый сидít у папá в кабинéте. Ах, та chère, ёсли бы ты знáла, какóй ýто урóд. Совершéнная черепáха в мешкé...

черепаха – kornjača

Какóй же был ýто чинóвник?..

Фамíлия егó престрáнная. Он всегда сидít и чíнит пéрья. Волосá на головé егó óчень похóжи на сéно. Папá' всегда посылáет егó вмéсто слугí. Мне кáжется, что ýта мёрзкая собачóнка мéтит на меня. Где ж у меня волосá как сéно? Софí никак не мóжет удержáться от смéха, когда глядít на негó.

Врёшь ты, проклýтая собачóнка! Экой мёрзкий язýк! Как бúдто я не знáю, что ýто дéло зáвисти. Как бúдто я не знáю, чьи здесь штúки. Это

ненависть – mržnja
вредить – škoditi, nanositi štetu

упоение – ushićenje, zanos

клочок – komadićak

враки – laži, izmišljotine

штúки начальника отделéния. Ведь поклялся же человек непримиримою нéнавистью – и вот вредит да и вредит, на кáждом шагú вредит. Посмóтрит, одна́ко же, ещё одно́ письмó. Там, мóжет быть, дéло раскрóется самó собою.

Ма chère Фидéль, ты извини́ меня, что так давно не писáла. Я была́ в совершенном упоéнии. Пóдлинно справедливо́ сказа́л какой-то писáтель, что любóвь есть вторáя жизнь. Притóм же у нас в дóме тепéрь большие перемены́. Ка́мер-ю́нкер тепéрь у нас кáждый день. Софи́ влюбленá в него́ до безúмия. Папá' очень вéсел. Я дáже слы́шала от нáшего Григóрия, котóрый метёт пол и всегда́ почти́ разговáривает сам с собою́, что скóро бúдет свáдьба; потому́ что папá' хóчет непременно́ вíдеть Софи́ и́ли за генерáлом, и́ли за ка́мер-ю́нкером, и́ли за воéнным полкóвником...

Чёрт возьми́! я не могу́ бо́лее чита́ть... Всё и́ли ка́мер-ю́нкер, и́ли генерáл. Всё, что есть лúчного на свéте, всё достаётся и́ли ка́мер-ю́нкера́м, и́ли генерáлам. Найдёшь себе́ бедное богáтство, дúмаешь достáть его́ руко́ю, – срыва́ет у тебя́ ка́мер-ю́нкер и́ли генерáл. Чёрт побери́! Желáл бы я сам сде́латься генерáлом: не для того́, чтóбы получи́ть рúку и прóчее, нет, хоте́л бы быть генерáлом для того́ то́лько, чтóбы уви́деть, как онí бúдут увивáться и дéлать все э́ти рáзные придворные штúки и экиво́ки, и потóм сказа́ть им, что я плюю́ на вас обо́их. Чёрт побери́. Досáдно! Я изорва́л в клочки́ пи́сьма глúпой собачóнки.

Декаб́ря 3.

Не мóжет быть. Враки! Свáдьбе не бывáть! Что ж из того́, что он ка́мер-ю́нкер. Ведь э́то бо́льше ничегó, крóме досто́инство; не кака́я-нибудь вещь ви́димая, котóрую бы мóжно взять в рúки. Ведь че́рез то, что ка́мер-ю́нкер, не прибáвится трéтий глаз на лбу. Ведь у него́ же нос не из зóлота сде́лан, а так же, как и у меня́, как и у

титулярный советник –
titularni (počasni) savjetnik

вельможа – velikaš

прикидываться – pretvarati se

упразднить – ukinuti

статься – dogoditi se

всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет. Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть, я сам не знаю, кто я таков. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин, – и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь. Когда из мужика да иногда выходит эдакое, что же из дворянина может выйти? Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире: у меня и на правом плече эполета, и на левом плече эполета, через плечо голубая лента – что? как тогда запоёт красавица моя? что скажет и сам папа, директор наш? О, это большой честолюбец! это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тотчас заметил, что он масон: он если даст кому руку, то высовывает только два пальца. Да разве я не могу быть сию же минуту пожалован генерал-губернатором, или интендантом, или там другим каким-нибудь? Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?

Декабрь 5.

Я сегодня всё утро читал газеты. Станные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Писут, что престол упразднён и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднён? Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Не может взойти донна на престол. Никак не может. На престоле должен быть король. Да, говорят, нет короля, – не может статься, чтобы

государство – država

не было короля. Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности. Он, статься может, находится там же, но какие-нибудь или фамильные причины, или опасения со сторон соседственных держав, как-то: Франции и других земель, заставляют его скрываться, или есть какие-нибудь другие причины.

Декабря 8.

Я было уже совсем хотел идти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня всё не могли выйти из головы испанские дела. Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевой? Не позволят этого. И, во-первых, Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь... Признаюсь, эти происшествия так меня убили и потрясли, что я решительно ничем не мог заняться во весь день. Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечён. И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшиблись. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь. Большею частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании.

рассеянность – rastresenost

расшибиться – razbiti se

Год 2000 апреля 43 числа.

Сегодняшний день – есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль? Хорошо, что ещё не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом. Теперь передо мною всё открыто. Теперь я вижу всё как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде всё было передо

сумасбродный – luckast, budalast

милостивый – blagonaklon, dobrohotan

мною в каком-то тумане. И это всё происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он принёсится ветром со стороны Каспийского моря. Сначала я объявил Мавре, кто я. Когда она слышала, что перед нею испанский король, то всплеснула руками и чуть не умерла от страха. Она, глупая, ещё никогда не видела испанского короля. Я, однако же, старался её успокоить и в милостивых словах старался её уверить в благосклонности, и что я вовсе не сержусь за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги. Ведь это чёрный народ. Им нельзя говорить о высоких материях. Она испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капюшина... В департамент не ходил... Чёрт с ним! Нет, приятели, теперь не заманить меня; я не стану переписывать гадких бумаг ваших!

*Мартобря 86 числа
Между днём и ночью.*

сволочь – ološ, šljam

Сегодня приходил наш экзекутор с тем, чтобы я шёл в департамент, что уже более трёх недель как я не хожу на должность. Я для шутки пошёл в департамент. Начальник отделения думал, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я посмотрел на него равнодушно, не слишком гневно и не слишком благосклонно, и сел на своё место, как будто никого не замечая. Я глядел на всю канцелярскую сволочь и думал: «Что, если бы вы знали, кто между вами сидит... Господи боже! какую бы вы ералашь подняли, да и сам начальник отделения начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь кланяется перед директором». Передо мною положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт. Но я и пальцем не притронулся. Через несколько минут всё засуетилось. Сказали, что директор

засуетиться – užurbati se, rastrčati se

пробка – pluto, шер

воцариться – nastupiti, zavladati

подданничество – podaništvo

уборная – garderoba

козни – spletke, intrige

ярус – (kaz.) kat

юлить – iskazivati uslužnost

идёт. Многие чиновники побежали наперерыв, чтобы показать себя перед ним. Но я ни с места. Когда он проходил через наше отделение, все застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за директор! чтобы я встал перед ним – никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот кторую закупают бутылки. Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Они думали, что я напишу на самом кончике листа: столоначальник такой-то. Как бы не так! а я на самом главном месте, где подписывается директор департамента, черкнул: «Фердинанд VIII». Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось; но я кивнул только рукою, сказав: «Не нужно никаких знаков подданничества!» – и вышел. Оттуда я пошёл прямо в директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотел меня не пустить, но я ему такое сказал, что он и руки опустил. Я прямо пробрался в уборную. Она сидела перед зеркалом, вскочила и отступила от меня. Я, однако же, не сказал ей, что я испанский король. Я сказал только, что счастье её ожидает такое, какого она и вообразить себе не может, и что, несмотря на козни неприятелей, мы будем вместе. Я больше ничего не хотел говорить и вышел. О, это коварное существо – женщина! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто ещё не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в чёрта. Да, не шутя. Физики пьшут глупости, что она то и то, – она любит только одного чёрта. Вон видите, из лóжи первого яруса она наводит лорнёт. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездю? Совсем нет, она глядит на чёрта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему во фрак. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и сё: аренды, аренды

булавка – pribadača

повивальная бабка – babica

хотят эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Всё это честолюбие, и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырёк и в нём небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это всё делает какой-то цирюльник, который живёт в Горюховой. Я не помню, как его зовут; но достоверно известно, что он, вместе с одною повивальною бабкою, хочет по всему свету распространить магометанство, и оттого уже, говорят, во Франции большая часть народа признаёт веру Магомета.

Никакого числа.

День без числа.

портной – krojač
 небрегать = пренебрегать –
 zanemarivati
 мостить – porpločavati

покрой – kroj

Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же не подал никакого вида, что я испанский король. Я почёл неприличным открыться тут же при всех; потому, что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотел было заказать портному, но это совершенные ослы, притом же они совсем небрегут своею работою, ударились в аферу и большею частию мостят камни на улице. Я решился сделать мантию из нового вицмундира, который надевал всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я сам решился шить, заперши дверь, чтобы никто не видал. Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой.

Числа не помню. Месяца тоже не было.

Было черт знает что такое.

Мантия совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надел её. Однако же я ещё не решаюсь представляться ко двору. До сих пор нет депутации из Испании. Без депутатов

неприлично. Никакого не будет веса моему достоинству. Я ожидаю их с часа на час.

Числа 1-го

Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов. Какие бы причины могли их остановить. Неужели Франция? Да, это самая неблагоприятствующая держава. Ходил справляться на почту, не прибыли ли испанские депутаты. Но почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает: нет, говорит, здесь нет никаких испанских депутатов, а письма если угодно написать, то мы примем по установленному курсу. Чёрт возьми! что письмо? Письмо вздор. Письма пишут аптекари...

Мадрид. Февуарий тридцатый.

Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские, и я вместе с ними сел в карету. Мне показалась странною необыкновенная скорость. Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ. Впрочем, ведь теперь по всей Европе чугунные дороги, и пароходы ездят чрезвычайно скоро. Странная земля Испания: когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами. Я, однако же, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреют головы. Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вёл меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя королём Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего кроме искушение, отвечал отрицательно, – за что канцлер ударил меня два раза палкою по спине так больно, что я чуть было не вскрикнул, но удержался, вспомнив, что это рыцарский обычай при

шибко – brzo

чугунный – od lijevanog željeza

охота – sklonost

вступлении в высокое звание, потому что в Испании ещё и доньне ведутся рыцарские обычаи. Оставшись один, я решился заняться делами государственными. Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай. Но меня, однако же, чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть завтра. Завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокойство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны.

Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия. Делает её хромой бочар, и видно, что дурак, никакого понятия не имеет о луне. Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос. И оттого самая луна – такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы. И по тому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне. И когда я вообразил, что земля вещество тяжёлое и может, насевши, размолоть в муку носы наши, то мною овладело такое беспокойство, что я, надевши чулки и башмаки, поспешил в залу государственного совета, с тем чтоб дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну. Бритые гранды, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный, и когда я сказал: «Господь, спасём луну, потому что земля хочет сесть на неё», – то все в ту же минуту бросились исполнять моё монаршее желание, и многие полезли на стену, с тем чтобы достать луну; но в это время вошёл великий канцлер. Увидевши его, все разбежались. Я, как король, остался один. Но канцлер, к удивлению моему, ударил

хромой – šerav

бочар – bačvar

канат – uže, копор (debeo)

меня пálкою и прогна́л в мою ко́мнату. Таку́ю
име́ют власть в Испа́нии наро́дные обы́чаи!

*Янва́рь того́ же го́да,
случи́вшийся пóсле февраля́.*

До сих пор не могу́ понять, что это за земля
Испа́ния. Наро́дные обы́чаи и этике́ты дво́ра
соверше́нно необы́кновенны. Не понима́ю, не
пони́маю, решите́льно не понима́ю ниче́го.
Сего́дня вы́брили мне го́лову, несмотря на то
что я крича́л изо всей си́лы о нежела́нии быть
мона́хом. Но я уже́ не могу́ и вспо́мнить, что
бы́ло со мно́ю тогда́, когда́ нача́ли мне на
го́лову ка́пать холо́дною водо́ю. Тако́го а́да я
ещё́ никогда́ не чу́ствовал. Я гото́в был впасть
в бе́шенство, так что едва́ могли́ меня́ удержи́ть.
Я не понима́ю во́все значе́ния э́того стра́нного
обы́чая. Обы́чай глупы́й, бессмы́сленный! Для
меня́ непости́жима безрассу́дность короле́й,
ко́торые до сих пор не уничтожа́ют его́. Су́дя по
всем веро́яниям, дога́дываюсь: не попался ли я
в ру́ки инквизи́ции, и тот, ко́торого я при́нял за
ка́нцлера, не есть ли сам вели́кий инквизи́тор.
То́лько я всё не могу́ понять, как же мог коро́ль
подве́ргнуться инквизи́ции. Оно́, пра́вда, могло́
со сторо́ны Фра́нции, и о́собенно Поли́нияк.
О, э́то бе́стия Поли́нияк! Покля́лся вре́дить
мне по́ смерть. И вот го́нит да и го́нит; но я
зна́ю, прия́тель, что тебя́ во́дит англича́нин.
Англича́нин большо́й поли́тик. Он вездé ю́лит.
Э́то уже́ изве́стно все́му́ све́ту, что когда́ Англия
ню́хает таба́к, то Фра́нция чиха́ет.

Число́ 25

Сего́дня вели́кий инквизи́тор прише́л в мою
ко́мнату, но я, услы́шавши ещё́ издали ша́ги его́,
спря́тался под сту́л. Он, уви́девши, что нет меня́,
нача́л звать. Снача́ла закрича́л: «Попри́щин!»
— я ни сло́ва. Потом: «Аксенти́й Ива́нов!
титуля́рный сове́тник! дворя́нин!» Я всё молчу́.
«Фердина́нд VIII, коро́ль испа́нский!» Я хоте́л

надуть – prevariti koga,
namagarčiti ga

было вы́сунуть го́лову, но по́сле подумал: «Нет, брат, не наду́ешь! зна́ем мы тебя́: о́пять бу́дешь лить хо́лодную во́ду мне на го́лову». Одна́ко же он уви́дел меня́ и вы́гнал па́лкою из-под сту́ла. Чрезвычайно бо́льно бы́ется прокля́тая па́лка. Впро́чем, за всё э́то вознагради́ло меня́ ны́нешнее откры́тие: я узна́л, что у вся́кого петуха́ есть Испа́ния, что она́ у него́ нахо́дится под пе́рьями. Вели́кий инквизи́тор, одна́ко же, ушёл от меня́ разгне́ванный и грозя́ мне ка́ким-то наказа́нием. Но я соверше́нно пренебре́г его́ бессильною зло́бою, зная́, что он де́йствует, как ма́шина, как ору́дие англича́нина.

*Чи 34 сло Мц гдао,
февраль 349.*

сизый – sivkastomodar

Нет, я бо́льше не имéю сил терпе́ть. Бо́же! что они́ де́лают со мно́ю! Они́ льют мне на го́лову хо́лодную во́ду! Они́ не вме́ют, не ви́дят, не слу́шают меня́. Что я сде́лал им? За что они́ му́чат меня́? Чего́ хотя́т они́ от меня́, бе́дного? Что могу́ дать я им? Я ниче́го не имéю. Я не в си́лах, я не могу́ вы́нести всех мук их, голова́ го́рит моя́, и всё кру́жится пре́до мно́ю. Спаси́те меня́! возьми́те меня́! да́йте мне тро́йку бы́стрых, как ви́хорь, коне́й! Сади́сь, мой ямщи́к, звени́, мой колоко́льчик, взвёйте́ся, ко́ни, и неси́те меня́ с э́того све́та! Да́лее, да́лее, что́бы не ви́дно бы́ло ниче́го, ниче́го. Вон не́бо клуби́тся пе́редо мно́ю; звёздочка́ сверка́ет вдали́; лес несёт́ся с те́мными дере́вьями и ме́сяцем; си́зый тума́н сте́лется под нога́ми; струна́ звени́т в тумáne; с одной́ сторо́ны мо́ре, с друго́й Ита́лия; вон и ру́сские изба́ видне́ют. Дом ли то мой синее́т вдали́? Ма́ть ли моя́ сиди́т пе́ред окно́м? Ма́тушка, спаси́ твоего́ бе́дного сы́на! урони́ слези́нку на его́ больну́ю голо́вушку! посмотре́й, как му́чат они́ его́! прижми́ ко груди́ свое́й бе́дного сирóтку! ему́ нет ме́ста на све́те! его́ го́нят! Ма́тушка! пожа́луй о свое́м больно́м ди́тятке!.. А зна́ете ли, что у алжи́рского де́я под са́мым но́сом ши́шка?

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Прочитайте устойчивые выражения, дайте возможные эквиваленты на хорватском языке или объясните их значение. В случае затруднений обратитесь к словарю:

Ералаш в голове; метаться как угорелый; кислая мина; сам сатана не разберёт; Страшный суд; всему свету известно; хоть тресни; что за бестия!; что за чёрт!; ей-богу; вот тебе на!; как собак; не нашему брату чета; чёрт возьми!; пора бы ума набраться; нет ни гроша за душою; если бог даст; и в подмётки не стать; дать даром; бежать во всю прыть; как будто молнией осветило; вижу всё как на ладони; чуть не умерла от страха; пальцем не притронулся.

2. Разберитесь в названиях чинов, представителей профессий и общественных групп. Обратитесь к словарю или в Интернет:

Курьер, чиновник, лакей, директор, начальник, казначей, дворянин, купец-конторщик, помещик, холоп, надворный советник, разночинец, унтер-офицер, полковник, стряпчий, коллежский регистратор, журналист, камер-юнкер, титулярный советник, граф, мещанин, крестьянин, вельможа, государь, масон, генерал-губернатор, интендант, донна, король, королева, император, капутин, почтмейстер, гранд, солдат, государственный канцлер, рыцарь, бочар, монах, цирюльник, инквизитор.

3. Объясните значение историзмов и архаизмов, употребляющихся в тексте:

Департамент, губерния, его превосходительство, жалованье, губернское правление, гражданская палата, дрожки, шинель, карета, дегатированное сукно, розги, нет-с, ввечеру, ручевский фрак, грош, экивоки, будуар, мещанское имя, мундир, эполета, лорнет, мантия, вицмундир, башмак.

4. Речь главного героя не соответствует стандартам русского литературного языка. Приведите её в норму:

Проливной дождик, перевернём через страницу, одолжите ножичка, страсть до всех этих тряпок, дамы взошли в пятый этаж, папа', до'ма, лъзя ли жить мне, я из какие-нибудь разночинцев, забрал в голову, не стать мне и в подмётки, достатков нет, желалось бы мне

узнать, узна'ю, кости хорошо только из дичи, жаркого куриных крылышек, глаза чёрные и светлые как огонь, поправил волоса, услышать. о чём они говорят, кроме достоинство, я за столом был чрезвычайно развлечён, ходил под горы, сегодняшний день – есть день величайшего торжества, взойти в голову, старался ес успокоить, ералашь, побежали наперерыв, обывковенная, он кивает к ней пальцем, они совсем небрегут своею работою, чугунные дороги, это было больше ничего кроме искушение, потому кто, судя по всем вероятиям, вредить мне по смерть, больно бьётся проклятая палка.

5. Прочитайте имена собственные, употребляющиеся в рассказе. Что вы о них знаете?

Англия, Гороховая, Мещанская, Столярная, Кокушкин мост, Пчёлка, Пушкин, Филатка, Невский проспект, Испания, Франция, Европа, Каспийское море, Филипп II, Фердинанд VIII, Магомет, Китай, Веллингтон, Гамбург, Полинияк.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Вспомните правило употребления неопределённых местоимений и наречий. Переведите на хорватский следующие предложения:

Словом, я не пошёл бы в департамент, если бы не надежда видеться с казначеем и авось-либо выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь из жалованья вперёд. Чтобы он выдал когда-нибудь вперёд за месяц деньги – господи боже мой! Ей-богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит. Да, чёрт возьми, как-то язык не поворотился. Там я, верно, кое-что узнаю. Был ещё какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих. Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения, хотя он и толкует, что где-то учился в университете. Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание! Однако же в почерке всё есть как будто что-то собачье. Я уже тебе кое-что говорила о главном господине. Какой-нибудь сидящий за столом господин, который в руках своих держал всякую дрянь, начнёт мять этими руками хлеб, подзовёт тебя и сунет тебе в зубы шарик. Отказаться как-то неучтиво. Мне самому кажется, здесь что-нибудь да не так. Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности. Хотя бы какую-нибудь достать мантию.

2. Обратите внимание на датировку записок. Прочитайте её. Проследите, как менялось душевное состояние героя.
3. От глаголов постройте деепричастия и вставьте их в предложения:

Признаюсь, я бы совсем не пошёл в департамент, (*зная*) заранее, какую кислую мину сделает наш начальник отделения. (*Услышав*), что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться. На улицах не было никого; одни только бабы, (*накрывшись*) полами платья, да русские купцы под зонтиками, да курьеры попадались мне на глаза. Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не (*вставать*) с места, потчевать табачком. Я нарочно пришёл пораньше и, (*засев*), перечинил все перья. Собачонка её, не (*успев*) вскочить в дверь магазина, осталась на улице. Душень-

ки часок не (*видеть*), Думал, год уж не видал. Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она становит, (*вставить*) с постели, свою ножку. Вечеру, (*закутаться*) в шинель, ходил к подъезду её превосходительства. В ушах у меня вечный шум, так что я часто, (*поднять*) ножку, стою несколько минут, (*прислушиваться*) к дверям. (*Остаться*) один, я решился заняться делами государственными.

4. Какую форму представляют собой глаголы *спасите, садись*? От следующих глаголов образуйте императив:

Лить, взять, дать, звенеть, взвиться, нести, уронить, посмотреть, прижать, пожалеть, терпеть, выгнать, уйти, слушать, нюхать, чихать, понять, представить, брить.

5. От имён существительных образуйте соответствующие прилагательные, выделите суффиксы:

Губернатор → губернаторский, директор, дворянин, купец, помещик, полковник, генерал, холуй, мещанин, государь, король, император, гражданин, доктор, офицер, дама, рыба, француз, лакей, барин, журналист, крестьянин, аптекарь.

6. Сделайте анализ словообразовательных и формообразовательных формантов. Какой оттенок значения вносят они в слово?

Братец, фрачишка, ножичек, пёрышко, зонтик, дождик, шляпка, птичка, дочка, собачонка, тоненький, молоденький, купчик, ручка, губки, душенька, разик, баночки, скляночки, скамеечка, чулочек, девчонка, рябчик, крылышки, кашка, письменцо, преужасный, преаляповатый,преважно, нуждочка, мордочка, лысинка, матушка, сиротка, слезинка, головушка, дитятко.

7. Вставьте недостающие предлоги:

Пойти ... департамент, видаться ... казначеем, сидеть ... кабинете, выпросить ... этого жида, бить ... щекам, стол ... красного дерева, чистота ... всём, стоять ... перекрёстке, подъехать ... магазину, плащ ... длинным воротником, идти ... зонтиком, читать ... двух коровах, остановиться ... большим домом, быть ... начальника ... кабинете, шкаф ... книгами, выйти ... спальни, подскользнуться ... паркете, закутаться ... шинель, ни гроша ... душою, волочиться ... директорской дочерью, взглянуть ... зеркало ... лицо, надевать чулок ... ножку, идти вместе ... старушкою, укусить ... икру, кофей ... сливками, шарик ... хлеба, сунуть ... зубы, ... шесть часов утра, угадать ... бледному виду, влюблён ... безумия.

8. Раскройте скобки, поставив существительные в нужный падеж. Падеж определите:

Через несколько (минута) всё засуетилось. Оттуда я пошёл прямо в (директорская квартира). Она сидела перед (зеркало), вскочила и отступила от (я). Женщина влюблена в (чёрт). Вы думаете, что она глядит на (этот толстяк) со (звезда)? (Мать, отец, бог) продадут за (деньги), честолюбцы, хриstopродавцы! Всё это честолюбие, и честолюбие оттого, что под (язычок) находится маленький пузырёк и в (он) небольшой червячок величиною с (булавочная головка), и это всё делает какой-то цирюльник, который живёт в (Гороховая). Странная земля Испания: когда мы вошли в (первая комната), то я увидел множество (люди) с (выбрите головы). Бритые гранды, (которые) я застал в (зал) (государственный совет) великое множество, были народ очень умный. Но канцлер, к (удивление моё), ударил (я) (палка) и прогнал в (моя комната). Сегодня выбрили (я) (голова), несмотря на то что я кричал изо (вся сила) о (нежелание) быть (монах). Однако же он увидел (я) и выгнал (палка) из-под (стул). Я узнал, что у (всякий петух) есть Испания, что она у (он) находится под (перья). Они льют (я) на (голова) (холодная вода). Он, верно, завидует, что я сижу в (директорский кабинет) и очиниваю (перья) для (его превосходительство).

ЛАКОНИЗМ И ТОНКОСТЬ

Антóн Пáвлович Чéхов

1860, Таганрог, Российская империя –
1904, Баденвейлер, Южная Германия

Писатель, драматург, по профессии врач. Почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900–1902). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Сделав своеобразный переворот в литературе, Чехов сегодня признан как автор, определивший развитие рассказа (малой прозы вообще) и драмы в мировой литературе XX века.

Уже как студент медицинского факультета Чехов свои малые повествовательные формы печатает в юмористических журналах, выступая под различными псевдонимами, из которых самый известный – Антоша Чехонте. В повестях *Толстый и тонкий* (1883) и *Светлая личность* (1886) на первый план автор выдвигает комический эффект. Первые сборники юморесок – *Сказки Мельпомены* (1884) и *Пёстрые рассказы* (1886). Р. Лауэр подчёркивает, что Чехов в свои тетрадки записывал впечатления, наблюдения, которые использовал потом как материал для создания, по некоторым подсчётам, 581 (!) прозного произведения.

Юморески и краткие рассказы постепенно сменяются новеллами, и проза с 1880 года постепенно становится психологически всё глубже и сложнее, с особой ролью подтекста, музыки, пейзажа, лирических

дигрессий. По словам А. Флакера, Л. Силард отметила, что «символисты считали Чехова одним из своих предшественников», ссылаясь, в первую очередь, на А. Белого. Близость к символистам особенно видна в повестях *Архиерей* (1902) и *Невеста* (1903).

В творчестве Чехова новелла является доминирующим жанром. Именно благодаря Чехову этот литературный жанр встал вровень с романом. По глубине и тонкости изображения характеров (прозу писателя вообще характеризует тонкая ирония) новеллы Чехова можно приравнять к романам. Примером служат *Попрыгунья* (1892), *Анна на шее*, *Ионыч* (1898), *Душечка* (1898), *Дама с собачкой* (1899), *Палата № 6* (1892) и *Человек в футляре* (1899). В 1898 г. Чехов пишет «маленькую трилогию» – три рассказа: *Человек в футляре*, *Крыжовник*, *О любви*. По словам В. Катаева, каждая из трёх историй, «по существу, повествует об одном – о ложных ориентирах, избираемых различными людьми».

Критики высоко ценили чувство детали у Чехова, ёмкость, лаконичность его слога: «Вообще – слова необходимо употреблять с точностью самой строгой». В. Шкловский считает любопытным отношение Чехова к простейшим описаниям, приводя запись, сохранившуюся у И. Бунина: «Чехов говорит: “Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря я читал недавно в одной ученической тетрадке? ‘Море было большое’ и только. Помоему, очень хорошо»». Дальше В. Шкловский замечает: «Обычные вступления, так сказать, въезд в рассказ, Чехов отбрасывал от своих произведений. Он так и советовал другим новеллистам: написавши рассказ, отрывать начало. Чехову не нужна предварительная характеристика героев, потому что сюжет построен для действительного раскрытия характеров. Не нужна развязка, потому что она для читателя ясна, после того как перед ним раскрыт характер. Событие может даже оказаться происшедшим до времени рассказа или совсем не произошедшим.» Можно сказать, что Чехов отрывает и конец своих новелл, они часто внезапно оканчиваются, их конец остаётся открытым. Читатель должен сам расшифровать и подтекст, и дальнейшую развязку в судьбе героев.

Новаторство Чехова проявляется в описании пейзажа, автор вместо реалистически полного, обстоятельного описания разнообразных подробностей вводит лишь одну наиболее характерную деталь. Принцип своего пейзажа он изложил в одном из частных писем: «Для описания лунной ночи достаточно того, чтобы на плотине блесло горлышко от разбитой бутылки и чернела тень от мельничного

колеса». Тем же приёмом пользуется писатель, рисуя портрет своих героев, – одна деталь заменяет обширное описание подробностей.

«Мирозозерцание у него совершенно свое, – приводит В. Ермилов мнение А. Суворина о Чехове, – крепко сложившееся, гуманное, но без сентиментальности, независимое от всяких направлений, какими бы яркими или бледными цветами они ни украшались... Ничего отравленного какими-нибудь предвзятыми идеями нет у этого талантливого человека... Он сам как будто хочет сказать, что надо жить просто, как все, и вносить свои лучшие намерения в развитие этой простой, обыкновенной жизни, а не тратить их на подвиги несоразмеримые и без пути не стремиться зажигать моря».

Особенно важно его значение для мировой драматургии. Э. Олби, по словам А. Комарова, сказал: «Чехов несёт ответственность за развитие всей мировой драмы в XX веке». Первой его юношеской драмой является *Платонов*, пьеса *Иванов* (1887) всё ещё отвечает традиционным канонам, вместе с одноактными шутками *Медведь*, *Предложение* и *Юбилей* она впервые поставлена на сцене. Первые инновативные драматургические приёмы видны в пьесе *Чайка*, написанной в 1895 году. Год спустя театральная постановка *Чайки* потерпела провал, однако через два года в постановке Московского Художественного театра она постигла триумфальный успех, став позднее символом нового театра. В пьесе *Дядя Ваня* (1897) обнаружены новые тенденции чеховской зрелой драматики. Пьеса *Три сестры* (1900) говорит о постоянной тоске по счастью трёх сестёр, живущих в провинции. И в последней пьесе Чехова, представляющей собой синтез классической и лирической драмы, *Вишнёвый сад* (1903) персонажи погружены в атмосферу грусти, увлечены размышлениями о своих судьбах.

На смену традиционной пьесе, предполагавшей богатство действий, пришёл чеховский театр с его отрицанием театральности, бессюжетностью, медитативностью, лиричностью, богатством переживаний и эмоций. Чехов отошёл от канона русского реализма, дезинтегрировал его, более того, нанёс «смертельный удар по русскому реализму», а также и соцреализму (А. Флакер).

Невеста

I

Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что кончилась всеночная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде – она вышла в сад на минутку – видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своём пышном шелковом платье суежилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чём-то с матерью Наде, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодёй; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреевич, и внимательно слушал.

В саду было тихо, прохладно, и тёмные покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать.

Ей, Наде, было уже 23 года; с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой Андрея Андреевича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!

закуска – *zakuska*, *hladna jela uz piće*
 суежиться – *užurbano trčkarati*
 (baveći se nečim)
 соборный протоиерей –
saborski protojerej

лягушка – *žaba*

подвальный – *podrumski*, *suterenski*

индейка – *purica*, *tuka*

крыльцо – trijem sa
stubama pred kućom

хаживать – dolaziti
подаенье – milostinja

сюртук – vrsta dugog sakoa,
redengot, mundir
парусиновый – od grubog platna

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце: это Александр Тимофеевич, или, попросту, Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. Когда-то давно к бабушке хаживала за подайньем её дальняя родственница, Мária Петровна, обеднёвшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная. У неё был сын Саша. Почему-то про него говорили, что он прекрасный художник, и, когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешёл он в Училище живописи, пробыл здесь чуть ли не пятнадцать лет и кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам, но архитектурой всё-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий. Почти каждое лето приезжал он, обыкновенно очень больной, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться.

На нём был теперь застёгнутый сюртук и поношенные парусиновые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженная, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, тёмный и всё-таки красивый. К Шуминым он привык, как к родным, и у них чувствовал себя, как дома. И комната, в которой он жил здесь, называлась уже давно Сашиней комнатой.

Стоя на крыльце, он увидел Надю и пошёл к ней.

– Хорошó у вас здесь, – сказал он.

– Конечно, хорошó. Вам бы здесь до осени пожить.

– Да, должно, так придётся. Пожалуй, до сентября у вас тут проживу.

Он засмеялся без причины и сел рядом.

– А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, – сказала Надя. – Она кажется отсюда такой молодой! У моей мамы, конечно, есть слабости,

лохмотья – dronjci, prnje

клоп – stjenica

таракан – žohar

небось – valjda, vjerojatno

тощи́й = тонкий

герцогиня – vojvotkinja

досадно – neugodno, mučno

– доба́вила она́, помолча́в, – но всё же она́ необыкнове́нная же́нщина.

– Да, хоро́шая... – согласи́лся Са́ша. – Ва́ша ма́ма по-сво́ему, коне́чно, и о́чень до́брая и ми́лая же́нщина, но... как вам сказа́ть? Сего́дня у́тром ра́но заше́л я к вам в ку́хню, а там четы́ре прислу́ги спят пра́мо на полу́, кровате́й нет, вме́сто постеле́й лохмотья́, вонь, клопы́, тараканы́... То же са́мое, что бы́ло два́дцать лет наза́д, никакóй перемены́. Ну, ба́бушка, бог с ней, на то она́ и ба́бушка; а ведь ма́ма небось по-фра́нцу́зски говори́т, в спекта́клях уча́ствует. Мо́жно бы, ка́жется, понима́ть.

Когда́ Са́ша говори́л, то вытя́гивал пе́ред слу́шателем два дли́нных, то́щих па́льца.

– Мне всё здесь ка́к-то ди́ко с непривы́чки, – продолжа́л он. – Че́рт зна́ет, никто́ ниче́го не де́лает. Мама́ша це́лый день то́лько гуля́ет, как герцогíня кака́я-нибу́дь, ба́бушка то́же ниче́го не де́лает, вы – то́же. И жени́х, Андре́й Андре́ич, то́же ниче́го не де́лает.

На́дя слы́шала э́то и в про́шлом году́ и, ка́жется, в позапро́шлом и зна́ла, что Са́ша ина́че рассу́ждать не мо́жет, и э́то пре́жде смеши́ло её, тепе́рь же поче́му-то ей ста́ло доса́дно.

– Всё э́то ста́ро и давно́ надо́ело, – сказа́ла она́ и вста́ла. – Вы бы приду́мали что́-нибудь понове́е.

Он засмея́лся и то́же встал, и оба пошл́и к до́му. Она́, высо́кая, краси́вая, стро́йная, каза́лась тепе́рь ря́дом с ним о́чень здоро́вой и нарядно́й; она́ чу́вствовала э́то, и ей бы́ло жаль его́ и поче́му-то неловко́.

– И говори́те вы мно́го ли́шнего, – сказа́ла она́. – Вот вы то́лько что говори́ли про моего́ Андре́я, но ведь вы его́ не зна́ете.

– Моего́ Андре́я... Бог с ним, с ва́шим Андре́ем! Мне вот мо́лодости ва́шей жа́лко.

Когда́ вошл́и в зал, там уже́ сади́лись у́жинать. Ба́бушка, и́ли, как её называ́ли в до́ме, бабу́ля, о́чень по́лная, некра́сивая, с густы́ми бровя́ми и

ярмарка – sajam

белокурый – svjetloplav

худощавый – suhonjav

расточить – spiskati

с у́сиками, говори́ла грóмко, и уже́ по её го́лосу и манére говори́ть бы́ло за́мётно, что она́ здесь ста́ршая в до́ме. Ей принадле́жали торго́вые ряды́ на ярмарке и старинный дом с ко́лоннами и са́дом, но она́ ка́ждое у́тро моли́лась, что́бы бог спас её от разоре́ния, и при э́том пла́кала. И её неве́стка, мать На́ди, Ни́на Ива́новна, белоку́рая, си́льно за́тянутая, в рiнсе-пе́з и с бриллианта́ми на ка́ждом па́льце; и оте́ц Андре́й, старик, худо́щавый, беззу́бый и с та́ким выра́жением, бу́дто собира́лся расска́зать что́-то о́чень сме́шное; и его́ сын Андре́й Андре́ич, жени́х На́ди, по́лный и краси́вый, с вы́ющимися волоса́ми, похóжий на арти́ста или худо́жника, – все трóе говори́ли о гипнотизме.

– Ты у меня́ в неде́лю попра́вишься, – сказа́ла бабу́ля, обраща́ясь к Са́ше, – то́лько вот ку́шай побóльше. И на что ты похóж! – вздохну́ла она́. – Стра́шный ты стал! Вот уж по́длинно, как есть, блу́дный сын.

– Оте́ческого да́ра расточи́в бога́тство, – проговори́л оте́ц Андре́й ме́дленно, со сме́ющимися глаза́ми, – с бессмы́сленными скоты́ па́сохся ока́янный...

– Люблю́ я свое́го ба́тьку, – сказа́л Андре́й Андре́ич и потро́гал отца́ за плечо́. – Сла́вный старик. До́брый старик.

Все помолча́ли. Са́ша вдруг засме́ялся и прижа́л ко рту салфе́тку.

– Ста́ло быть, вы ве́рите в гипнотизм? – спроси́л оте́ц Андре́й у Ни́ны Ива́новны.

– Я не могу́, коне́чно, утвержда́ть, что я ве́рю, – отве́тила Ни́на Ива́новна, придава́я своему́ лицу́ о́чень серьёзное, да́же стро́гое выра́жение, – но должна́ созна́ться, что в приро́де есть мно́го тайнственного и непоня́тного.

– Соверше́нно с ва́ми согла́сен, хотя́ до́лжен прибави́ть от себя́, что ве́ра значите́льно сокра́щает нам о́бласть тайнственного.

Подáли большúю, оченъ жирную индéйку. Отéц Андрéй и Нíна Ивáновна продолжáли свой разговóр. У Нíны Ивáновны блестéли бриллиáнты на пáльцах, потóм на глазáх заблестéли слéзы, онá заволновáлась.

– Хотя я и не смéю спóрить с вáми, – сказáла онá, – но согласíтесь, в жизнí так мнóго неразрешíмых загáдок!

– Ни однóй, смéю вас увéрить.

Пóсле úжина Андрéй Андрéич игрáл на скри́пке, а Нíна Ивáновна аккомпани́ровала на роя́ли. Он дéсять лет наза́д кóнчил в университе́те по филологíческому факультéту, но нигдé не служíл, определéнного дéла не имéл и лишь íзредка принимáл учáстие в концéртах с благотворíтельной цéлью; и в гóроде назывáли его́ арти́стом.

Андрéй Андрéич игрáл; все слúшали мóлча. На столé тíхо кипéл самовáр, и тóлько одíн Сáша пил чай. Потóм, когдá пробíло двена́дцать, лóпнула вдруг струна́ на скри́пке; все засмея́лись, засуетíлись и стáли прощáться.

Проводíв женихá, Náдя пошла́ к себе́ навéрх, где жилá с мáтерью (нíжний этáж занимáла ба́бушка). Внизу́, в зáле, стáли тушíть огнí, а Сáша всё ещё сидéл и пил чай. Пил он чай всегда́ подóлгу, по-москóвски, стакáнов по семí в один раз. Náде, когдá онá раздéлась и легла́ в постéль, дóлго ещё бýло слýшно, как внизу́ убирáла прислúга, как сердíлась бабúля. Наконéц всё затíхло, и тóлько слýшалось íзредка, как в своéй кóмнате, внизу́, покашливал бáсом Сáша.

II

Когдá Náдя просну́лась, бýло, должнó быть, часá два, начина́лся рассвёт. Гдé-то далеко́ стучáл стóрож. Спать не хотéлось, лежáть бýло оченъ мýгко, нелóвко. Náдя, как и во все прóшлые ма́йские нóчи, сéла в постéли и стáла дýмать. А мýсли бýли всё те же, что и в прóшлую

ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые, мысли о том, как Андрей Андреевич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало её что-то неопределённое, тяжёлое.

«Тик-ток, тик-ток... – лениво стучал сторож. – Тик-ток...»

куст – grm

В большое старое окно виден сад, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман, белый, густой, тихо подплывает к сирени, хочет закрыть её. На дальних деревьях кричат сонные грачи.

грач – gačas, vrana gakuša

– Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. Кто знает! Или тут влияние Саши? Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит всё одно и то же, как по-писанному, и когда говорит, то кажется наивным и странным. Но отчего же всё-таки Саша не выходит из головы? отчего?

алмаз – dijamant

Сторож уже давно не стучит. Под окном и в саду зашумели птицы, туман ушёл из сада, всё кругом озарилось весенним светом, точно улыбкой. Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый, давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным.

Уже проснулась бабуля. Закашлял густым басом Саша. Слышно было, как внизу подали самовар, как двигали стульями.

Часы идут медленно. Няня давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а всё ещё тянется утро.

Вот Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды. Она занималась спиритизмом, гомеопатией, много читала,

люби́ла погово́рить о сомне́ниях, кото́рым была́ подве́ржена, и всё э́то, каза́лось На́де, заключа́ло в себе́ глубо́кий, тайнственны́й смы́сл. Тепе́рь На́дя поцелова́ла мать и пошла́ с ней ря́дом.

– О чём ты пла́кала, ма́ма? – спроси́ла она́.

– Вчере́ на ночь ста́ла я чита́ть пове́сть, в кото́рой опи́сывается оди́н стари́к и его́ дочь. Стари́к служи́т где́-то, ну, и в дочь его́ влюби́лся нача́льник. Я не дочита́ла, но там есть тако́е одно́ ме́сто, что тру́дно было́ удержа́ться от слёз, – сказа́ла Ни́на Ива́новна и отхлебну́ла из стака́на. – Сего́дня у́тром вспо́мнила и то́же всплакну́ла.

– А мне все э́ти дни так невесе́ло, – сказа́ла На́дя, помолча́в. – Отче́го я не сплю́ по нача́м?

– Не зна́ю, ми́лая. А когда́ я не сплю́ по нача́м, то закрыва́ю глаза́ кре́пко-кре́пко, вот э́так, и рису́ю себе́ Анну Каре́нину, как она́ ходит и как говори́т, и́ли рису́ю что́-нибудь истори́ческое, из дре́внего ми́ра...

На́дя почу́ствовала, что мать не понима́ет её и не мо́жет поня́ть. Почу́ствовала э́то пе́рвый раз в жи́зни, и ей да́же стра́шно ста́ло, захоте́лось спрятаться́; и она́ ушла́ к себе́ в ко́мнату.

А в два часа́ се́ли обе́дать. Была́ среда́, день по́стный, и потому́ ба́бушке пода́ли по́стный борщ и леща́ с ка́шей.

Что́бы подрази́ть ба́бушку, Са́ша ел и свой скоро́мный суп и по́стный борщ. Он шути́л всё вре́мя, пока́ обе́дали, но шу́тки у него́ выходили́ громоз́дкие, непреме́нно с расче́том на мора́ль, и выходило́ совсе́м не смешно́, когда́ он пе́ред тем, как состри́ть, поднима́л вверх свои́ о́чень дли́нные, исхудале́е, то́чно ме́ртвые, па́льцы и когда́ приходи́ло на мысль, что он о́чень бо́лен и, пожа́луй, недолго́ ещё́ протя́нет на э́том све́те; тогда́ становило́сь жаль его́ до слёз.

лещ – sinj (vrsta šarana)

скоромный – mrsan, mastan

громоздкий – glomazan

состричь – izreći duhovitost

протянуть – proživjeti

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать, Нина Ивановна недолго поиграла на рояли и потом тоже ушла.

– Ах, милая Надя, – начал Саша свой обычный послеобеденный разговор, – если бы вы послушали меня! если бы!

Она сидела глубоко в старинном кресле, закрыв глаза, а он тихо ходил по комнате, из угла в угол.

– Если бы вы поехали учиться! – говорил он. – Только просвещённые и святые люди интересны, только они и нужны. Ведь чем больше будет таких людей, тем скорее настанет царствие божие на земле. От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне – всё полетит вверх дном, всё изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет верить и каждый будет знать, для чего он живёт, и ни один не будет искать опоры в толпе. Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам. Покажите это хоть себе самой!

– Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

– Э, полно! Кому это нужно?

Вышли в сад, прошлись немного.

– И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, как нечисто, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, – продолжал Саша. – Поймите же, ведь если, например, вы и ваша мать и ваша бабушка ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь; а разве это чисто, не грязно?

толпа – gomila, masa

праздный – besposlen, dokon

Надя хотела сказать: «да, это правда»; хотела сказать, что она понимает; но слёзы показались у неё на глазах, она вдруг притихла, сжалась вся и ушла к себе.

Перед вечером приходил Андрей Андреевич и по обыкновению долго играл на скрипке. Вообще он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать её лицо, плечи, руки.

– Дорогая, милая моя, прекрасная!.. – бормотал он. – О, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

восторг – ushićenje, zanos

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, обрванном, давно уже заброшенном.

В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонёк в лампадке, и всё, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе навёрх, легла и тотчас же уснула. Но, как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было неспокойно, тяжело. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о свадьбе... Вспомнила она почему-то, что её мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули. И Надя, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины.

забрезжить – zarudjeti

И Саша не спал внизу – слышно было, как он кашлял. Это странный, наивный человек, думала Надя, и в его мечтах, во всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновенных чувствуется что-то нелёпое; но почему-то в его наивности, даже в этой нелёпости столько

прекрасного, что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как всё сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга.

– Но лучше не думать, лучше не думать... – шептала она. – Не надо думать об этом.

«Тик-ток... – стучал сторож где-то далеко. – Тик-ток... тик-ток...»

III

Саша в середине июня стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

– Не могу я жить в этом городе, – говорил он мрачно. – Ни водопровода, ни канализации! Я есть за обедом брезгаю: в кухне грязь невозможнейшая...

– Да погоди, блудный сын! – убеждала бабушка почему-то шепотом, – седьмого числа свадьба!

– Не желаю.

– Хотел ведь у нас до сентября пожить!

– А теперь вот не желаю. Мне работать нужно!

Лето выдалось сырое и холодное, деревья были мокрые, всё в саду глядело неприветливо, уныло, хотелось в самом деле работать. В комнатах, внизу и наверху, слышались незнакомые женские голоса, стучала у бабушки швейная машина: это спешили с приданым. Одних шуб за Надей давали шесть, и самая дешёвая из них, по словам бабушки, стоила триста рублей! Суета раздражала Сашу; он сидел у себя в комнате и сердился; но всё же его уговорили остаться, и он дал слово, что уедет первого июля, не раньше.

Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреевич пошёл с Надей на Московскую улицу, чтобы ещё раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был

брезгать – gaditi se, gnušati se

уныло – turobno, mračno, tužno

приданое – miraz

muonup – stalak za note

пока только верхний этаж. В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки. Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около неё лиловая ваза с отбитой ручкой.

– Чудесная картина, – проговорил Андрей Андреевич и из уважения вздохнул. – Это художника Шишмачевского.

талиа – struk

Дальше была гостиная с круглым столом, диваном и креслами, обитыми ярко-голубой материей. Над диваном большой фотографический портрет отца Андрея в камилávке и в орденах. Потом вошли в столовую с буфетом, потом в спальню; здесь в полумраке стояли рядом две кровати, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имели в виду, что всегда тут будет очень хорошо и иначе быть не может. Андрей Андреевич водил Надю по комнатам и всё время держал её за талию; а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, её мучило от нагой дамы. Для неё уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреевича или, быть может, не любила его никогда; но как это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя думала об этом все дни, все ночи... Он держал её за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире; а она видела во всём одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость, и его рука, обнимавшая её талию, казалась ей жесткой и холодной, как обруч. И каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно. Андрей Андреевич привёл её в ванную и здесь дотронулся до краёв, сделанного в стену, и вдруг потекла вода.

пошлость – banalnost, nepostojanje
duhovnih interesa, vulgarnost

чердак – tavan
бак – rezervoar

– Каково? – сказал он и засмеялся. – Я велел сделать на чердаке бак на сто ведер, и вот мы с тобой теперь будем иметь воду.

извозчик – fižakerist

Прошлись по дворѹ, потѹм вѣшли на ѹлицу, взяли извѹзчика. Пыль носѣлась густѣми тѹчами, и казалось, вот-вот пойдѣт дождѹ.

– Тебѣ не хѹлодно? – спросѣл Андрѣй Андрѣич, щѹрясь от пыли.

Она промолчала.

упрекнуть – predbaciti, prigovoriti

– Вчера Саша, ты помнишь, упрекнул меня в том, что я ничего не делаю, – сказал он, помолчав немного. – Что же, он прав! бесконечно прав! Я ничего не делаю и не могу делать. Дорогая моя, отчего это? Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить? Отчего мне так не по себе, когда я вижу адвоката, или учителя латинского языка, или члена управы? О матушка Русь! О матушка Русь, как ещё много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!

И то, что он ничего не делал, он обобщал, видел в этом знамение времени.

клочок – komadićak

– Когда женимся, – продолжал он, – то пойдѣм вмѣсте в деревню, дорогая моя, будем там работать! Мы купим себе небольшой клочок земли с садом, рекой, будем трудиться, наблюдать жизнь... О, как это будет хорошо!

Он снял шляпу, и волосы развевались у него от ветра, а она слушала его и думала: «Бѹже, домѹй хочѹ! Бѹже!» Почти ѹколо самого дома они обогнали отца Андрея.

– А вот и отец идёт! – обрадовался Андрѣй Андрѣич и замахал шляпой. – Люблю я своего батѹку, право, – сказал он, расплываясь с извѹзчиком. – Славный старик. Дѹбрый старик.

занимать – zabavljati, razonoditi

вздор – besmislica, glupost

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их, улыбаться, слушать скрипку, слушать всякий вздор и говорить только о свадьбе. Бабушка, важная, пышная в своём шёлковом платье, надменная, какою она всегда

казáлась при гостях, – сидела у самовара. Вошёл отец Андрей со своей хитрой улыбкой.

– Иméю удовóльствие и благодáтное утешение видетъ вас в дóбром здорóвье, – сказа́л он ба́бушке, и тóдно б́ло понять, шóтит ёто он или говорít серьёзно.

IV

домовой – domovoj (kućni duh)

чуваться – činiti se, pričinjavati se

ставня – карак (prozorski)

Бéтер стучáл в óкна, в крýшу; слýшался свист, и в печí домовóй жáлобно и угрýмо напевáл свою пёсенку. Был пёрвый час нóчи. В дóме все ужé легли́, но никто́ не спал, и Нáде всё чýялось, что внизú игра́ют на скри́пке. Послы́шался рёзкий стук, должнó быть, сорвалáсь стáвня. Чéрез минúту вошла́ Нíна Ивáновна в однóй сорóчке, со свечóй.

– Что ёто застучáло, Нáдя? – спросíла она́.

Мать, с волосáми, заплетёнными в однú косú, с рóбкой улыбкой, в эту́ бúrную ночь казáлась стáрше, некрасíвее, мёньше рóстом. Нáде вспóмнилось, как ещё недáвно она́ счита́ла свою́ мать необыкновенной и с гóрдостью слóшала словá, какíе она́ говорíла; а тепёрь никак не могла́ вспóмнить ётих слов; всё, что приходíло на пáмять, б́ло так слáбо, ненúжно.

В пёчке раздалóсь пёние нёскольких басóв и дáже послýшалось: «А-ах, бо-о-же мой!» Нáдя сёла в постёли и вдруг схватíла себя́ крёпко за вóлосы и зарыдáла.

– Мáма, мáма, – проговорíла она́, – роднáя моя́, ёсли б ты знáла, что со мной дёлается! Прошú тебя́, умоляю, позволъ мне уёхать! Умоляю!

– Кудá? – спросíла Нíна Ивáновна, не понимáя, и сёла на кровáть. – Кудá уёхать?

Нáдя дóлго плакала и не могла́ в́говорить ни слóва.

– Позволъ мне уёхать из гóрода! – сказа́ла она́ наконёц. – Свадьбы не должнó быть и не б́дет –

пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нём не могу.

– Нет, родная моя, нет, – заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись. – Ты успокойся – это у тебя от нерасположения духа. Это пройдёт. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем; но милые бранятся – только тешатся.

– Ну, уйди, мама, уйди! – зарыдала Надя.

– Да, – сказала Нина Ивановна, помолчав. – Давно ли ты была ребёнком, девочкой, а теперь уже невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня.

– Милая, добрая моя, ты ведь умная, ты несчастна, – сказала Надя, – ты очень несчастна, – зачем же ты говоришь пошлости? Бога ради, зачем?

Нина Ивановна хотела что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, всхлипнула и ушла к себе. Басы опять загудели в печке, стало вдруг страшно. Надя вскочила с постели и быстро пошла к матери. Нина Ивановна, заплаканная, лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

– Мама, выслушай меня! – проговорила Надя. – Умоляю тебя, подумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унижительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь всё вижу. И что такое твой Андрей Андреевич? Ведь он же неумён, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села.

– Ты и твоё бабка мучаете меня! – сказала она, вспыхнув. – Я жить хочу! жить! – повторила она и раза два ударила кулачком по груди. – Дайте же мне свободу! Я ещё молодая, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показала такой

милые бранятся – только тешатся

– tko se svada taj se voli (posl.)

строптивый – buntovnički,

hirovit, neposlušan

свернуться калачиком –

saviti se u klupko

мáленькой, жáлкой, глúпенькой. Нáдя пошлá к себé, одéлась и, сéвши у окнá, стáла поджидáть утрá. Онá всю нóчь сидéла и дúмала, а ктó-то со дворá всё стучáл в стáвню и насвíстывал.

Утром бáбушка жáловалась, что в садú нóчью вéтром посбивáло все яблoки и сломáло однú старую слíву. Бýло сéро, тýскло, безотрáдно, хоть огóнь зажига́й; все жáловались на хóлод, и дождь стучáл в óкна. Пóсле чáю Нáдя вошлá к Сáше и, не сказа́в ни слóва, стáла на колéни в углу́ у крéсла и закрýла лицó рукáми.

– Что? – спросíл Сáша.

– Не могу́... – проговорíла онá. – Как я могла́ жить здесь рáньше, не понимáю, не постига́ю! Женихá я презира́ю, себя́ презира́ю, презира́ю всю éту прáздную, бессмы́сленную жизнь...

– Ну, ну... – проговорíл Сáша, не понимáя ещё, в чём дéло. – Это ничегó... Это хорошó.

– Эта жизнь опостýблела мне, – продолжáла Нáдя, – я не вынесу здесь и одногó дня. Зáвтра же я уéду отсю́да. Возьми́те меня́ с собо́й, бо́га рáди!

Сáша мину́ту смотре́л на неё с удивлénием; наконец он пóнял и обра́довался, как ребёнок. Он взмахну́л рукáми и нáчал притóпывать туфл́ями, как бы танцу́я от рáдости.

– Великолéпно! – говорíл он, потира́я рúки. – Бо́же, как éто хорошó!

А онá глядéла на него́ не мига́я, больш́ими, влюблénными глазáми, как очарóванная, ожида́я, что он то́тчас же ска́жет ей чтó-нибудь значíтельное, безграницóное по своéй вáжности; он ещё ничегó не сказа́л ей, но уже́ ей казáлось, что пéред нéю открывáется нéчто нóвое и ширóкое, чегó онá рáньше не знáла, и уже́ онá смотре́ла на него́, пóлная ожида́ний, готóвая на всё, хотя́ бы на смерть.

– Зáвтра я уезжа́ю, – сказа́л он, подúмав, – и вы поéдете на вокзáл провожа́ть меня́... Ваш бага́ж я заберу́ в свой чемодáн и билéт вам возьму́;

опостылеть – dozlogrditi, dojaditi

а во время третьего звонка вы войдёте в вагон – мы и поедём. Проводите меня до Москвы, а там вы один поедете в Петербург. Паспорт у вас есть?

– Есть.

– Клянусь вам, вы не пожалёте и не раскаетесь, – сказал Саша с увлечением. – Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба. Когда перевернёте вашу жизнь, то всё изменится. Главное – перевернуть жизнь, а всё остальное не важно. Итак, значит, завтра поедём?

– О да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у неё тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придётся страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе навёрх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.

V

Послали за извозчиком. Надя, уже в шляпе и пальто, пошла навёрх, чтобы ещё раз взглянуть на мать, на всё своё; она постояла в своей комнате около постели, ещё тёплой, осмотрелась, потом пошла тихо к матери. Нина Ивановна спала, в комнате было тихо. Надя поцеловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты две... Потом не спеша вернулась вниз.

На дворе шёл сильный дождь. Извозчик с крытым вёрхом, весь мокрый, стоял у подъезда.

– Не поместишься с ним, Надя, – сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы. – И охота в такую погоду провожать! Оставалась бы дома. Ишь ведь дождь какой!

Надя хотела сказать что-то и не могла. Вот Саша посадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом.

– В добрый час! Господь благословит! – кричала с крыльца бабушка, – Ты же, Саша, пиши нам из Москвы!

– Ладно. Прощайте, бабуля!

– Сохрани тебя царьца небесная!

– Ну, погодка! – проговорил Саша.

Нadia теперь только заплакала. Теперь уже для неё ясно было, что она уедет непременно, чему она всё-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И всё ей вдруг припомнилось: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой; и всё это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило всё назад и назад. А когда сели в вагон и поезд тронулся, то всё это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно. Дождь стучал в окна вагона, было видно только зелёное поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проводах, и радость вдруг перехватила её дыхание: она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это всё равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась, и плакала, и молилась.

– Ничего-о! – говорил Саша ухмыляясь. – Ничего-о!

VI

Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Саше. Письма из дому приходили тихие, добрые, и, казалось, всё уже было прощено и забыто. В мае после экзаменов она, здоровая, веселая, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был всё такой же, как и прошлым летом: бородатый, со всклокоченной головой, всё в том же сюртуке и парусиновых

тяготить – tištati, mučiti

сжаться – stisnuti se, stegnuti se
комочек – grumen, grudica

мелькать – promicati
провода – žica

всклокоченный – raščupan

брюках, всё с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и всё покашливал. И почему-то показался он Наде серым, провинциальным.

– Бóже мой, Надя приехала! – сказал он и весело рассмеялся. – Родная моя, голубушка!

Посидели в литографии, где было накурено и сильно, до духоты пахло тушью и красками; потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух. И тут было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроил неряшливо, жил как придется, с полным презрением к удобствам, и если бы кто-нибудь заговорил с ним об его личном счастье, об его личной жизни, о любви к нему, то он бы ничего не понял и только бы засмеялся.

неряшливо – neuredno

*всё обошлось благополучно –
sve se sretno svršilo*

– Ничего, всё обошлось благополучно, – рассказывала Надя торопливо. – Мама приезжала ко мне осенью в Петербург, говорила, что бабушка не сердится, а только всё ходит в мою комнату и крестит стены.

Саша глядел весело, но покашливал и говорил надтреснутым голосом, и Надя всё вглядывалась в него и не понимала, болен ли он на самом деле серьезно или ей это только так кажется.

– Саша, дорогой мой, – сказала она, – а ведь вы больны!

– Нет, ничего. Болен, но не очень...

– Ах, бóже мой, – заволновалась Надя, – отчего вы не лечитесь, отчего не бережете своего здоровья? Дорогой мой, милый Саша, – проговорила она, и слёзы брызнули у неё из глаз, и почему-то в воображении её выросли и Андрей Андреевич, и голая дама с вазой, и всё её прошлое, которое казалось теперь таким же далёким, как детство; и заплакала она оттого,

что Саша уже не казался ей таким новым, интеллигентным, интересным, как был в прошлом году. – Милый Саша, вы очень, очень больны. Я бы не знаю что сделала, чтобы вы не были так бледны и худы. Я вам так обязана! Вы не можете даже представить себе, как много вы сделали для меня, мой хороший Саша! В сущности для меня вы теперь самый близкий, самый родной человек.

Они посидели, поговорили; и теперь, после того как Надя провела зиму в Петербурге, от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу.

– Я послезавтра на Волгу поеду, – сказал Саша, – ну, а потом на кумыс. Хочу кумыса попить. А со мной едет один приятель с женой. Жену удивительный человек; всё сбиваю её, уговариваю, чтоб она учиться пошла. Хочу, чтобы жизнь свою перевернула.

Поговоривши, поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками; а когда поезд тронулся и он, улыбаясь, помакивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен и едва ли проживёт долго.

Приехала Надя в свой город в полдень. Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми; людей не было, и только встретился немец-настройщик в рыжем пальто. И все дома точно пылью покрыты. Бабушка, совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к её плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но всё ещё по-прежнему была затянута, и бриллианты блестели у неё на пальцах.

– Милая моя! – говорила она, дрожа всем телом.
– Милая моя!

веять – zračiti, odisati čim

могила – grob

кумыс – kumis (kiselo kobilje mlijeko)

сбивать – skretati s puta

настройщик – ugađač (glasovira)

осунуться – omršavjeti

нагрязнать – upasti

Потом сидели и молча плакали. Видно было, что и бабушка и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и безвозвратно: нет уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости; так бывает, когда среди лёгкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, делает обыск, и хозяин дома, окажется, растратил, подделал, – и прощай тогда навеки лёгкая, беззаботная жизнь!

Нadia пошла навёрх и увидела ту же постель, те же окна с белыми, наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, весёлый, шумный. Она потрогала свой стол, постель, посидела, подумала. И обедала хорошо, и пила чай со вкусными, жирными сливками, но чего-то уже не хватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки. Вечером она легла спать, укрылась, и почему-то было смешно лежать в этой тёплой, очень мягкой постели.

Пришла на минутку Нина Ивановна, села, как садятся виноватые, робко и с оглядкой.

– Ну, как, Надя? – спросила она, помолчав. – Ты довольна? Очень довольна?

– Довольна, мама.

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

– А я, как видишь, стала религиозной, – сказала она. – Знаешь, я теперь занимаюсь философией и всё думаю, думаю... И для меня теперь многое стало ясно, как день. Прежде всего надо, мне кажется, чтобы вся жизнь проходила как сквозь призму.

– Скажи, мама, как здоровье бабушки?

– Как будто бы ничего. Когда ты уехала тогда с Сашей и пришла от тебя телеграмма, то бабушка, как прочла, так и упала; три дня лежала без движения. Потом всё богу молилась и плакала. А теперь ничего.

Она встала и прошлась по комнате.

«Тик-ток... – стучал сторож. – Тик-ток, тик-ток...»

– Прежде всего надо, чтобы вся жизнь проходила как бы сквозь призму, – сказала она, – то есть, другими словами, надо, чтобы жизнь в сознании делилась на простейшие элементы, как бы на семь основных цветов, и каждый элемент надо изучать в отдельности.

Что ещё сказала Нина Ивановна и когда она ушла, Надя не слышала, так как скоро уснула.

хлопотать – brinuti se,
truditi se oko čega

приживалка – muktašica, parazitka

двугривенный – novčić od 20 kopjeji

Прошёл май, настал июнь. Надя уже привыкла к дому. Бабушка хлопотала за самоваром, глубоко вздыхала; Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она по-прежнему проживала в доме, как приживалка, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным. Было много мух в доме, и потолок в комнатах, казалось, становились всё ниже и ниже. Бабуля и Нина Ивановна не выходили на улицу из страха, чтобы им не встретились отец Андрей и Андрей Андреевич. Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе всё давно уже состарилось, отжило и всё только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где всё так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, – будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нём забудут, никто не будет помнить. И Надю развлекали только мальчишки из соседнего двора; когда она гуляла по саду, они стучали в забор и дразнили её со смехом:

– Невеста! Невеста!

Пришло из Саратова письмо от Саша. Своим весёлым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне, но что в Саратове он прихворнул немного, потерял голос и уже две недели лежит в больнице. Она поняла, что это значит, и предчувствие, похожее на уверенность, овладело ею. И ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саше не волновали её так, как раньше. Ей страстно хотелось жить, хотелось в Петербург, и знакомство с Сашей представлялось уже милым, но далёким, далёким прошлым! Она не спала всю ночь и утром сидела у окна, прислушивалась. И в самом деле, слышались голоса вниз; встревоженная бабушка стала о чём-то быстро спрашивать. Потом заплакал кто-то... Когда Надя сошла вниз, то бабушка стояла в углу и молилась, и лицо у неё было заплакано. На столе лежала телеграмма.

чахотка – sušica, tuberkuloza

Надя долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка, потом взяла телеграмму, прочла. Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеевич, или, попросту, Саша.

панихида – misa zadušnica, podušje

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго ещё ходила по комнатам и думала. Она ясно сознавала, что жизнь её перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что всё ей тут ненужно, всё прежнее оторвано от неё и исчезло, точно сгорело и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут.

«Прощай, милый Саша!» – думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её.

Она пошла к себе навёрх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, весёлая, покинула город – как полагала, навсегда.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Проверьте по словарю значение данных слов:

Всеношная, соборный протоиерей, подвальный этаж, крыльцо, подаенье, дворянка, литография, сюртук, парусинковые брюки, сорочка, прислуга, небось, герцогиня, ринсе-пез, гипнотизм, спиритизм, гомеопатия, алмаз, бриллиант, постный, скоромный, праздная жизнь, пасьянс, приданое, пюпитр, камилавка, пошлость, чердак, кокарда, домовой, ставня, строптивый, извозчик, кумыс, настройщик, приживалка, двугривенный, чахотка, панихида.

2. Объясните значение устойчивых выражений. Дайте эквиваленты на хорватском языке, где это возможно. В случае затруднений обратитесь к словарю или Интернету:

С грехом пополам, ради спасения души, чувствовать себя как дома, бог с ней, на то она и бабушка, блудный сын, Отеческого дара расточив богатство с бессмысленными скоты пасохся окаянный, мало-помалу, говорит как по-писанному, не выходит из головы, не останется камня на камне, приходить на память, милые бранятся – только тешатся, хоть огонь зажигай, В добрый час!, Сохрани тебя царица небесная!, уходить в казачество, жизнь проходит как сквозь призму.

3. Из правого столбца подберите синонимы к словам и выражениям из левого:

накрывать на стол	пополнить
поправиться	взять в аренду
разорение	предложить руку и сердце
бабка	немного поплакать
сделать предложение	сервировать стол
всплакнуть	надоесть
нанять дом	обнищание
опостылеть	скучать
тосковать	отец

4. В группе слов найдите слово, тематически не связанное с другими:

Всенощная, панихида, служба, завтрак, месса, литургия.

Закуска, чай, самовар, тостер, жареная индейка, маринованная вишня, борщ.

Бабушка, родственница, вдова, мама, сын, батька, отец, родные, свекровь.

Вера, гипнотизм, гомеопатия, спиритизм, оккультизм, коммунизм.

Артист, настройщик, извозчик, художник, прислуга, жених, сторож.

Стулья, ванная, рояль, пюпитр, стол, диван, кресла, буфет, кровать, картина.

Книга, пальто, шляпа, сюртук, брюки, платок, платье, сорочка, шуба.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Вставьте в предложения недостающие предлоги:

Видно было, как ... зале накрывали ... стол ... закуски, как ... своём пышном шёлковом платье суежилась бабушка. Мать ... вечером освещении ... окно почему-то казалась очень молодой. ... 16 лет Надя страстно мечтала ... замужестве. Когда ... него умерла мать, бабушка, ... спасения души, отправила его ... Москву ... Комиссаровское училище. Нина Ивановна, сильно затянута, ... ринсе-пез и ... бриллиантами ... каждом пальце; и отец Андрей, беззубый и ... таким выражением, будто собирался рассказать что-то смешное; и его сын Андрей Андреич, ... выючимися волосами, похожий ... артиста или художника, – все трое говорили ... гипнотизме. ... окном и ... саду зашумели птицы, туман ушёл ... сада. ... обеда бабушка ушла ... себе ... комнату отдыхать, Нина Ивановна недолго поиграла ... рояли и потом тоже ушла. ... зале Саша сидел ... стола и пил чай, поставив блюдечко ... свои длинные пять пальцев. ... Петров день ... обеда Андрей Андреич пошёл ... Надей ... Московскую улицу, чтобы ещё раз осмотреть дом.

2. Преобразуйте прямую речь в косвенную:

– Хорошо у вас здесь, – сказал он. – А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, – сказала Надя. – Ты у меня в неделю поправишься, – сказала бабуля Саше, – только вот кушай побольше. – Вы верите в гипнотизм? – спросил отец Андрей у Нины Ивановны. – О чём ты плакала, мама? – спросила она. – Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам, – призывал Надю Саша. Он бормотал: – О, как я счастлив! Я безумствую от восторга! – Не могу я жить в этом городе, – говорил он мрачно. – Тебе не холодно? – спросил Андрей Андреич Надю. – Когда женимся, – продолжал он, – то пойдём вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать! – Что это застучало, Надя? – спросила она. – Позволь мне уехать из города! – сказала Надя наконец. – Ну, уйди, мама, уйди! – зарыдала Надя.

3. Замените деепричастные обороты придаточными предложениями:

Ответила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьёзное, даже строгое выражение. Проводив жениха, Надя пошла к себе на-

верх. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать её лицо, плечи, руки. В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе. Он держал её за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире. Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости. – Нет, родная моя, нет, – заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись. Поговоривши, поехали на вокзал.

4. Раскройте скобки, поставив существительные в нужный падеж. Падеж определите:

Он десять лет назад кончил в (университет) по (филологический факультет), но нигде не служил, (определённое дело) не имел и лишь изредка принимал участие в (концерты) с (благотворительная цель); и в (город) называли его (артист). А мысли были о (то), как Андрей Андреич стал ухаживать за (она) и сделал (она) (предложение), как она согласилась и потом мало-помалу оценила (этот добрый, умный человек). Капли (роса), как алмазы, засверкали на (листья); и старый, давно запущенный сад в (это утро) казался (такой молодой, нарядный). Потом вошли в (столовая) с (буфет), потом в (спальня); здесь в (полумрак) стояли рядом две (кровать). Андрей Андреич водил (Надя) по (комнаты) и всё время держал (она) за (талию).

5. Подчёркнутые глаголы замените причастиями:

В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка. Теперь наконец она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго ещё было слышно, как внизу убирала прислуга. Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь. На Петров день Андрей Андреич пошёл с Надей на Московскую улицу, чтобы ещё раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. В зале блестящий пол, который выкрасили под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки. Его рука, которой он обнимал её талию, казалась ей жёсткой и холодной, как обруч. Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова. В воображении её выросли и Андрей Андреич, и голая дама с вазой, и всё её прошлое, которое казалось теперь таким же далёким, как детство.

6. Вставьте глагол совершенного или несовершенного вида:

Надя долго ещё (*ходила/шла*) по комнатам и думала. Потолки в комнатах, казалось, (*становились/стали*) всё ниже и ниже. Когда она (*ехала/приехала*) с вокзала домой, то улицы (*казались/показались*) ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми. В мае после экзаменов она, здоровая, весёлая, (*ехала/поехала*) домой и на пути (*останавливалась/остановилась*) в Москве, чтобы повидаться с Сашей. А когда (*садились/сели*) в вагон и поезд (*трогался/тронулся*), то всё это прошлое, такое большое и серьёзное, (*сжималось/сжалось*) в комочек. Дождь (*стучал/постучал*) в окна вагона, (*мелькали/промелькнули*) телеграфные столбы да птицы на проводах, и радость вдруг (*перехватывала/перехватила*) ей дыхание. Едва она (*приходила/пришла*) к себе наверх и (*ложилась/легла*) на постель, как тотчас же (*засыпала/заснула*). Саша минуту (*смотрел/посмотрел*) на неё с удивлением; наконец он (*понимал/понял*) и (*радовался/обрадовался*), как ребёнок.

7. Определите, от каких существительных и с помощью каких формантов образованы следующие имена прилагательные:

Весенний, таинственный, грешный, бородатый, здоровый, нарядный, беззубый, страшный, бессмысленный, благотворительный, умный, молодой, глубокий, послеобеденный, старинный, чудесный, безнравственный, неразговорчивый, несчастный, неприветливый, двухэтажный, верхний, нижний, блестящий, виноватый, холодный, многострадальный, шёлковый, глупенький, безграничный, мучительный, небесный, провинциальный, личный, интересный, родной, близкий, удивительный, беззаботный, шумный, вкусный, религиозный, просторный.

8. Составьте план рассказа. Перескажите содержание от имени главной героини новеллы.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Исаák Эммануýлович Ба́бель

(семейная фамилия – *Бобель*)
1894, Одесса – 1940, Москва

Писатель-прозаик. Родился в Одессе в семье торговца, еврея по происхождению. Владел идишем, русским и французским языками. Первые его (несохранившиеся) произведения написаны на французском языке, а первые рассказы на русском. Бабель с 1916 года начал публиковаться в журнале «Летопись» (два рассказа: *Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна* и *Мама, Рима и Алла*). В 1920 году был бойцом и политработником конной армии Будённого, работал корреспондентом армейской газеты. В 1924 году опубликовал ряд рассказов, позднее составивших циклы *Конармия* (1923–1925) и *Одесские рассказы* (1921–1924). Стилистику литературы, написанной на идише, Бабель мастерски передал на русском языке (в *Одесских рассказах* прямая речь его героев часто является как бы построчным переводом с идиша).

Конармия, по мнению Л. Силард, – «кровавый карнавал Бабеля» – построена на контрастах. В ней описывается жизнь, в которой переплетаются героизм и жестокость, чистота и уродливость, смешное и трагическое, высокое и низкое, художественное и реальное, новое и старое, лирически-милостивое и документально-достоверное. Бабель изобразил конармейцев такими, какими они были на самом деле, без всяких прикрас и преувеличений, с противоречивыми характерами,

непредсказуемым поведением в неожиданных, неординарных ситуациях. О бойцах и командирах конной армии, о мире военных действий, приводящем к бестиализации человека, повествует герой-рассказчик – еврей. С его точки зрения, советская идеология неприемлема, а гражданская война всем приносит бедствие.

Тогдашняя советская критика упрекала Бабеля в «романтизации бандитизма». Свои тексты в армейской газете Бабель подписывал псевдонимом Кирилл Васильевич Лютов. Лютов также имя повествователя и связующее звено всех рассказов *Конармии*. Сам командарм Будённый, оценив *Конармию* с точки зрения сложившегося в советской литературе стереотипа героя Гражданской войны, выступил с обвинениями в печати, заявив, что книга Бабеля «клевета» и «бабы сплетни», что автор намеренно развенчал миф о героизме советской истории и конармии, показав их в отрицательном свете. Некоторые критики, по словам О. В. Быстровой, всё-таки были благосклонны к Бабелю, к примеру, В. Полонский говорил, что «само существование *Конармии* является одним из факторов, определяющих развитие литературного искусства». Также и М. Горький встал на защиту писателя: «[...] я не нахожу в книге Бабеля ничего карикатурально-пасквильного; наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам Конармии и любовь, и уважение, показав мне их действительно героями. [...] Такого красочного и живого изображения единичных бойцов, которое давало бы мне ясное представление о психике всего коллектива, [...] я не знаю в русской литературе».

А. Флакер пишет о «поэтике разнородных кусков», характеризующих *Конармию*, с удивлением подчёркивая «бабелевскую живописную яркость красок» и его «колористическую насыщенность», уже давно замеченных критиками.

О. В. Быстрова приводит, что в еженедельной газете «Звено» в рецензии на рассказы Бабеля Г. Адамович отметил: «Простодушные вымышленного рассказчика и печальная ирония подлинного автора сплетаются в нечто, напоминающее Гоголя».

конармия = конная армия

Конармия

Письмо

забвение – zaborav

сие = это
уведомить – priopćiti

политотдел = политический отдел
ЦИК = центральный
исполнительный комитет

шляхта = здесь поляки

рябой – žaren
кабанчик – svinjica

дюже = очень

Вот письмó на рóдину, продиктóванное мне мáльчиком нáшей экспеди́ции Курдюко́вым. Оно́ не заслу́живает забвения́. Я переписáл его́, не приукра́шивая, и передаю́ дослóвно, в согласи́и с и́стиной.

«Любёзная ма́ма Евдоки́я Фёдоровна. В пёрвых строка́х сего́ письма́ спешу́ вас уве́домить, что, благода́ря го́спода, я есть жив и здоро́в, чего́ желаю́ от вас слы́хать то же са́мое. А та́кже нижáюще вам кла́няюсь от бе́ла лица́ до сыро́й земли́...»

(Сле́дует перечисле́ние ро́дственников, крёстных, кумовьёв. Опустим э́то. Переидём ко второ́му абза́цу.)

«Любёзная ма́ма Евдоки́я Фёдоровна Курдюко́ва. Спешу́ вам написа́ть, что я нахожусь́ в кра́сной Ко́нной а́рмии това́рища Будённого, а та́кже тут нахо́дится ваш кум Ни́кон Васи́льич, кото́рый есть в настоя́щее вре́мя кра́сный геро́й. Онí взяли́ меня́ к себе́, в экспеди́цию Политотде́ла, где мы разво́зим на по́зиции литерату́ру и газе́ты – Моско́вские Извёстия ЦИК, Моско́вская Пра́вда и родну́ю беспоща́дную газету́ Кра́сный кавале́рист, кото́рую вся́кий бое́ц на передово́й по́зиции жела́ет прочита́ть, и опосля́ э́того он с геро́йским ду́хом руба́ет по́длую шля́хту, и я живу́ при Ни́кон Васи́льиче о́чень великолéпно.

Любёзная ма́ма Евдоки́я Фёдоровна. Пришли́те чего́ мо́жете от ва́шей си́лы-возмо́жности. Просю́ вас заколо́ть рябо́го каба́нчика и сде́лать мне посы́лку в Политотде́л това́рища Будённого, получи́ть Васи́лию Курдюко́ву. Ка́ждые су́тки я ложусь́ отды́хать не э́вши и бе́зо вся́кой оде́жды, так что дю́же хо́лодно. Напи́шите мне письмó за моего́ Стёпу, живо́й он или нет, просю́ вас досма́тривайте до него́ и

засекаться – ranjavati nogu pri hodu
чесотка – šuga, svrab

образ – svetačka slika, ikona

здесь = здесь
хорониться – čuvati se, skrivati se

самогон – nepročišćena domaća rakija

шкура – sebičnjak, lopov

пымали = поймали

потаскуха – uličarka
брюхатить – parumpavati, pumpati

наган – tip revolvera

напишите мне за него – засекается он ещё или перестал, а также насчёт чесотки в передних ногах, подковали его или нет? Просю вас, любезная мама Евдокия Фёдоровна, обмывайте ему беспременно передние ноги с мылом, которое я оставил за образами, а если папаша мыло истребили, так купите в Краснодаре, и бог вас не оставит. Могу вам описать также, что здесь страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы, видать, мало и она ужасно мелкая, мы с ней смеёмся. Хозяева сеют рожь и то же самое овёс. На палках здесь растёт хмель, так что выходит очень аккуратно; из него гонют самогон.

Во-вторых строках сего письма спешу вам описать за папашу, что они порубали брата Фёдора Тимофееча Курдюкова тому назад с год времени. Наша красная бригада товарища Павличенки наступала на город Ростов, когда в наших рядах произошла измена. А папаша были в то время у Деникина за командира роты. Которые люди их видали, – то говорили, что они носили на себе медали, как при старом режиме. И по случаю той измены, всех нас побрали в плен и брат Фёдор Тимофееч попались папаше на глаза. И папаша начали Фёдю резать, говоря – шкура, красная собака, сукин сын и разное, и резали до темноты, пока брат Фёдор Тимофееч не кончился. Я написал тогда до вас письмо, как ваш Фёдя лежит без креста. Но папаша пымали меня с письмом и говорили: вы – материны дети, вы – ейный корень, потаскухин, я вашу матку брюхатил и буду брюхатить, моя жизнь погибшая, изведу я за правду своё семя, и ещё разное. Я принимал от них страдания как спаситель Иисус Христос. Только вскорости я от папашы ушёл и приёлся до своей части товарища Павличенки. И наша бригада получила приказание идти в город Воронеж пополняться, и мы получили там пополнение, а также коней, сумки, наганы, и всё,

фунт = 409,5 гр.

вечерять = ужинать

апосля = после

справный – u dobrom stanju, ispravan

одежда = odeжда

барахло – starudija

таперича = теперь

тыща = тысяча

вороной – crn

в вольной одеже – u civilu

старый режим = царский режим

хата – trošna seljačka kuća

верста = 1 066,781 метров

станция – veliko kozačko selo

что до нас принадлежало. За Воронеж могу вам описать, любезная мама Евдокия Фёдоровна, что это городок очень великолёпный, будет поболее Краснодара, люди в нём очень красивые, речка способная до купанья. Давали нам хлеба по два фунта в день, мяса полфунта и сахара подходяще, так что вставши пили сладкий чай, то же самое вечеряли и про голод забыли, а в обед я ходил к брату Семён Тимофеечу за блинами или гусятиной и апосля этого лягал отдыхать. В тоё время Семён Тимофееча, за его отчаянность весь полк желал иметь за командира и от товарища Будённого вышло такое приказание, и он получил двух коней, справную одежду, телегу для барахла отдельно и орден Красного Знамени, а я при нём считался братом. Таперича какой сосед вас начнёт забижать – то Семён Тимофееч может его вполне зарезать. Потом мы начали гнать генерала Деникина, порезали их тыщи и загнали в Чёрное море, но только папаша нигде не было видеть, и Семён Тимофееч их разыскивали по всех позициях, потому что они очень скучали за братом Фёдей. Но только, любезная мама, как вы знаете за папашу и за его упорный характер, так он что сделал – нахально покрасил себе бороду с рыжей на вороную и находился в городе Майкопе, в вольной одеже, так что никто из жителей не знали, что он есть самый что ни на есть стражник при старом режиме. Но только правда – она себе окажет, кум ваш Никон Васильич случаем увидал его в хате у жителя и написал до Семён Тимофееча письмё. Мы посадили на коней и пробегли двести верст – я, брат Сенька и желающие ребята из станции.

И что же мы увидали в городе Майкопе? Мы увидали, что тыл никак не чувствует фронта и в нём повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме. И Семён Тимофееч в городе Майкопе с жидами здорово спорился, которые не выпускали от себя папашу и засадили его в тюрьму под замок, говоря – пришёл приказ

не серчайте = не сердитесь

плетить = бить плетью

не рубать плённых, мы сами его будем судить, не серчайте, он своё получит. Но только Семён Тимофёич своё взял и доказал, что он есть командир полка и имеет от товарища Будённого все ордена Красного Знамени, и грозился всех порубать, которые спорятся за папашину личность и не выдадут её, а также грозились ребята со станицы. Но только Семён Тимофёич папашу получи́ли, и онí стали папашу плетить и выстроили во дворе всех бойцов, как принадлежит к военному порядку. И тогда Сенька плеснул папаше Тимофёй Родио́нычу воды на бороду, и с бороды потекла краска. И Сенька спросил Тимофёй Родио́ныча:

– Хорошó вам, папáша, в мо́их рука́х?

– Нет, – сказа́л папáша, – ху́до мне.

Тогда́ Сенька спроси́л:

– А Фёде, когда́ вы его́ ре́зали, хорошó было́ в ва́ших рука́х?

– Нет, – сказа́л папáша, – ху́до было́ Фёде.

Тогда́ Сенька спроси́л:

– А ду́мали вы, папáша, что и вам ху́до бу́дет?

– Нет, – сказа́л папáша, – не ду́мал я, что мне ху́до бу́дет.

Тогда́ Сенька поворо́тился к наро́ду и сказа́л:

– А я так ду́маю, что е́сли попаду́сь я к ва́шим, то не бу́дет мне поща́ды. А тепе́рь, папáша, мы бу́дем вас конча́ть...

И Тимофёй Родио́ныч за́чал наха́льно руга́ть Сеньку по ма́тушке и в богоро́дицу и бить Сеньку по мо́рде, и Семён Тимофёич усла́ли меня́ со дво́ра, так что я не могу́, любёзная ма́ма Евдоки́я Фёдоровна, описа́ть вам за то, как конча́ли папáшу, потому́ я был у́сланный со дво́ра.

Опосля́ э́того мы получи́ли стоя́нку в го́роде в Новоросси́йском. За э́тот го́род мо́жно расска́зать, что за ним никако́й су́щи бо́льше нет, а одна́ вода́. Чёрное мо́ре, и мы там

трепать – drmati

почём зря – kako god bilo, bez reda

за пазуху – u njedra

фамилия – (устар., прост.)

семья, члены семьи

картуз – кара sa šiltom

оставались до самого мая, когда выступили на польский фронт и треплем шляхту почём зря...

Остаюсь ваш любезный сын Василий Тимофееч Курдюков. Мамка, доглядайте до Стёпки, и бог вас не оставит”.

Вот письмó Курдюкова, ни в одном слове не изменённое. Когда я кончил, он взял испísанный листóк и спрятал его за пáзуху, на гóлое тéло.

– Курдюков, – спросил я мальчика, – злой у тебя был отец?

– Отец у меня был кобель, – ответил он угрюмо.

– А мать лучше?

– Мать подходящая. Если желаешь – вот наша фамилия...

Он протянул мне слóманную фотографию. На ней был изображён Тимофёй Курдюков, плечистый стражник в фóрменном картузе и с расчёсанной бородой, недвижный, скуластый, со сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз. Рядом с ним, в бамбúковом кресице, сидела крохотная крестьянка в выпущенной кофте, с чахлыми светлыми и застенчивыми чертами лица. А у стены, у этого жалкого провинциального фотографического фона, с цветами и голубями, виселись два парня – чудовищно огромные, тупые, широколицые, лупоглазые, застывшие, как на учёне, два брата Курдюковых – Фёдор и Семён.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Выберите из текста лексические единицы, характеризующие историческое время рассказа.
2. Что вы знаете о Гражданской войне начала XX века в России? Кто такие «белые» и «красные», Будённый, Деникин? В случае затруднений обратитесь к энциклопедическим или Интернет-источникам.
3. Покажите на карте местоположение следующих географических объектов:
Краснодар, Ростов, Воронеж, Чёрное море, Майкоп, Новороссийск.
4. Продолжите ряд слов, обозначающих родственные отношения:
Мама, родственники, крёстные...
5. Разговорным просторечным словам и выражениям дайте эквиваленты из стандартного современного русского литературного языка:

Слыхать, благодаря господу, нижающе, опосля этого, просю, дюже холодно, напишите за него, беспременно, смеемся с неё, гонют, побрали в плен, брат кончился, пымали, ейный, убёг, принадлежало до нас, за Воронеж описать, в ём, способная до купанья, апосля этого, лягал, при ём, одёжа, таперича, забижать, скучали за братом, посадили, пробегли, не выпускали, не серчайте, как принадлежит к военному порядку, поворотился к народу, зачал, усланный со двора, доглядайте до Стёпки.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:

1. Как зовут мальчика, который пишет письмо? 2. Как вы думаете, почему письмо «не заслуживает забвения»? 3. На какие две части разделено письмо? 4. О чём сообщает герой в первых строках своего письма? 5. Какие чувства проявляет Василий к своему коню? 6. О чём говорит во вторых строках письма? 7. Есть ли определённый смысл в том, что история о том, как «кончали» сначала брата Федю, а потом папашу занимает лишь второе место? 8. Что вы думаете о иерархии жизненных ценностей? 9. Проанализируйте чувства, которые проявляет Василий по отношению к коню, и его отношение к смерти брата и отца. К кому он проявляет трогательную заботу и любовь? 10. Каким образом повлияла война на психологию ребёнка? 11. Кем и чем особенно восхищается подросток? По-человечески ли восторгаться способностью «отчаянно рубать», убивать, резать? 12. Какую, на ваш взгляд, идею вложил Бабель в этот рассказ?

2. Какой стилистический приём использует рассказчик в выражениях: *очень великолепный, очень великолепно*? С какой целью?

3. Проанализируйте, какой частью речи являются следующие слова. Определите тип причастия:

Продиктованный, погибший, желающий, усланный, изменённый, исписанный, сломанный, изображён, расчёсанный, сверкающий, выпущенный, застывший.

4. Следующие существительные поставьте в форму им. и род. падежей множественного числа:

Письмо, строка, родственник, крёстный, кум, герой, газета, боец, конь, лес, брат, семья, корень, полк, сосед, хозяин, медаль, часть, сумка, блин, товарищ, море, житель, жид, пленный, краска, рука, фотография.

5. Употребите глаголы в повелительном наклонении:

(Написать) мне письмо за моего Стёпу. Попрошу вас (досматривать) до него и (написать) мне за него. (Обмывать) ему беспре-

менно передние ноги с мылом. (Купить) мыло в Краснодаре. (Доглядать) до Стёпки.

6. Раскройте скобки, поставив существительные в нужный падеж, падеж определите:

Вот письмо на (родина), продиктованное (я) (мальчик) (наша экспедиция) (Курдюков). Спешу (вы) написать, что я нахожусь в (красная Конная армия) (товарищ Будённый). Прошу вас заколоть (рябой кабанчик) и сделать (я) (посылка) в (Политотдел) (товарищ Будённый). Мужики со (их кони) хоронятся от (наши красные орлы) по (леса). Только вскорости я от (папаша) убёг и прибился до (моя часть) (товарищ Павличенко). Папаша нахально покрасил себе (борода) с (рыжая) на (вороная) и находился в (город Майкоп) в (вольная одежда). Тыл никак не сочувствует (фронт) и в (он) повсюду измена и полно (жиды), как при (старый режим). На (она) был изображён Тимофей Курдюков в (форменный картуз) и с (расчёсанная борода), со (сверкающий взгляд) (бесцветные и бессмысленные глаза).

Берестечко

Мы дѣлали переходъ из Хѳтина в Берестѣчко. Бойцы дремали в высокихъ сѣдлахъ. Пѣсня журчала, какъ пересыхающий ручей. Чудовищные трупы валялись на тысячелѣтнихъ курганахъ. Мужики в бѣлыхъ рубѣхахъ ломали шапки передъ нами. Бурка начдѣва Павличѣнки вѣяла надъ штабомъ, какъ мрачный флагъ. Пуховый башлыкъ его былъ перекинутъ черезъ бурку, кривая сабля лежала сбоку.

Мы проѣхали казачьи курганы и вышку Богдана Хмельницкого. Из-за могильного камня выползъ дедъ с бандурой и дѣтскимъ голосомъ спелъ про былую казачью славу. Мы прослушали пѣсню молча, потомъ развернули штандарты и подъ звуки гремящего марша ворвались в Берестѣчко. Жители заложили стѣвни желѣзными пѣлками, и тишина, полномѣстная тишина взошла на местечковый свой тронъ.

Квартира мне попалась у рыжей вдовы, пропахшей вдовымъ горемъ. Я умѣлся съ дороги и вышелъ на улицу. На столбахъ висѣли объявленія о томъ, что военкомдѣвъ Виноградовъ прочтѣтъ вечеромъ докладъ о Второмъ конгрессѣ Коминтерна. Прямо передъ моими окнами нѣсколько казаковъ расстрѣливали за шпионажъ старого еврея с серебряной бородой. Старикъ взвизгивалъ и вырывался. Тогда Кудря изъ пулемѣтной команды взялъ его голову и спряталъ её у себя подъ мышкой. Еврей затѣхъ и расставилъ ноги. Кудря правой рукойъ вытащилъ кинжалъ и осторожно зарѣзалъ старика, не забрызгавшись. Потомъ онъ стукнулъ в закрытую раму.

– Если кто интересуется, – сказалъ онъ, – нехай приберѣтъ. Это свободно...

И казаки завернули за уголъ. Я пошелъ за ними слѣдомъ и сталъ бродить по Берестѣчку. Больше всего здѣсь евреевъ, а на окраинахъ расселились русские мещане-кожевники. Онѣ

курган – nadgrobni brežuljak
начдѣв = начальник дивизии

башлык – vrsta kukuljice
бурка – ogrtač od čohе

бандура – ukrajinsko žičano glazbalo

штандарт – zastava, barjak

Коминтерн = Коммунистический
интернационал

нехай = пускай

чубук – čibuk, drvena šipka
na koju se stavlja lula

капот – kućna haljina
хедер – židovska vjerska škola

цадик – duhovni hasidski vođa

живу́т чи́сто, в бе́лых до́миках за зеле́ными ста́внями. Вме́сто во́дки ме́щане пьют пи́во и́ли ме́д, разво́дят таба́к в палиса́дничках и ку́рят его́ из дли́нных гну́тых чубуко́в, как галици́йские крестья́не.

Сосе́дство трёх пле́мён, де́ятельных и делови́тых, разбудило́ в них упря́мое трудолю́бие, сво́йственное иногда́ ру́сскому челове́ку, когда́ он ещё не обовши́вел, не отча́ялся и не упи́лся.

Быт вы́ветрился в Бересте́чке, а он был про́чен здесь. Отрóстки, кото́рым перевали́ло за три столе́тия, всё ещё зеленели́ на Во́лыни тёплой гни́лью старины́. Евре́и связы́вали здесь ни́тями нажи́вы ру́сского мужика́ с по́льским па́ном, че́шского колони́ста с ло́дзинской фа́брикой. Это бы́ли контрабанди́сты, лу́чшие на гра́нице, и почти́ всегда́ воители́ за ве́ру. Хасиди́зм держал в уду́шливом плену́ это́ суетли́вое населе́ние из корчма́рей, разно́счиков и ма́клеров. Ма́льчики в капо́тиках всё ещё топта́ли векову́ю доро́гу к хаси́дскому хе́деру, и стару́хи по-пре́жнему вози́ли невесток к ца́дику с я́ростной мо́льбой о плодороди́и.

Евре́и живу́т здесь в простóрных дома́х, вы́мазанных бе́лой или водяни́сто-голубо́й кра́ской. Традицио́нное убо́жество это́й архитекту́ры насчи́тывает столе́тия. За до́мом тя́нется сара́й в два, иногда́ в три этажа́. В нём нико́гда не быва́ет со́лнца. Сара́и э́ти, неопи́суемо мра́чные, заменя́ют на́ши дворо́ы. Потайны́е ходы́ веду́т в подва́лы и коню́шни. Во вре́мя войны́ в э́тих катако́мбах спаса́ются от пу́ль и грабеже́й. Здесь ско́пляются за мно́го дней челове́чьи отбро́сы и наво́з скоти́ны. Уны́ние и у́жас заполня́ют катако́мбы е́дкой во́нью и проту́хшей кисло́той испражне́ний.

Бересте́чко неру́шимо воня́ет и до сих пор, от всех люде́й несёт за́пахом гнило́й селе́дки. Месте́чко смерди́т в ожида́нии но́вой эры́, и вме́сто люде́й по нему́ ходят слиня́вшие схе́мы пограни́чных несча́стий. О́ни надо́ели мне к

*муаровый – svileni**кучер – kočijaš**шпора – ostruga, mamuza**хоровод – kolo*

пан – gospodar, gazda (u Ukrajini)
Ревком = Революционный комитет

концú дня, я ушёл за городскую чертú, поднялся в гóру и пронíк в опустошённый зáмок гра́фов Рацибо́рских, неда́вних владéтелей Берестéчка.

Споко́йствие за́ката сде́лало травú у зáмка голубóй. Над прудóм возошлá луна́, зелёная, как ящерица. Из окнá мне вíдно поме́стье гра́фов Рацибо́рских – лугá и плантáции из хмёля, скрýтые муáровыми лéнтами сýмерек.

В зáмке жилá рáньше поме́шанная девяно-столéтняя графíня с сы́ном. Она́ досаждáла сы́ну за то, что он не дал наслéдников угасáющему рóду, и – мужикí рассказы́вали мне – графíня бýла сы́на кучерскíм кнутóм.

Внизу́ на пло́щадке собрáлся мíтинг. Пришлí крестья́не, еврёи и ко́жéвники из предме́стья. Над нíми разгорéлся востóрженный гóлос Виногра́дова и звон его́ шпор. Он говорíл о Вторóм конгрéссе Коминтёрна, а я бродíл вдоль стен, где нímфы с вýколотыми глазáми вóдят старíнный хоровóд. Потóм в углу́, на затóптанном полú я нашёл обрýвок пожелтévшего письмá. На нём вýлиявшими чернíлами бýло напíсано:

«Berestetchko, 1820. Paul, mon bien aimé, on dit que l'empereur Napoléon est mort, est-ce vrai? Moi, je me sens bien, les couches ont été faciles, notre petit héros achève sept semaines...» [«Берестéчко, 1820. Поль, мой любíмый, говорýт, что имперáтор Наполеóн úмер, прáвда ли éто? Я чýвствую себя́ хорошó, рóды бýли лё́гкие, нáшему мáленькому геро́ю исполня́ется семь неде́ль» (фр.)].

Внизу́ не умолкáет гóлос военкомдíва. Он стра́стно убеждáет озада́ченных ме́щан и обворóванных еврёев: – Вы – вла́сть. Всё, что здесь, – ва́ше. Нет панóв. Приступáю к вýборам Ревко́ма...

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Определите, как образованы следующие сложные слова:

Тысячелетний, начдив, полновластный, военкомдив, Коминтерн, девяностолетний, Ревком.

2. Дайте толкование лексических единиц, рисующих специфическое пространство действия. В случае затруднений обратитесь к энциклопедическим или Интернет-источникам:

Курган, бурка, кривая сабля, Богдан Хмельницкий, бандура, казаки, кинжал, евреи, жида, чубук, галицийские крестьяне, Волынь, польский пан, хасидизм, хасидский хедер, цадик.

3. Словам из левого столбца подберите синонимы из правого:

делать переход	мертвец
труп	бедность
ломать шапки	переходить
убожество	смердить
муаровый	сумасшедший
помешанный	шёлковый
вонять	снимать шапки

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Какие стилистические приёмы использованы в следующих лексических оборотах:

Песня журчала, как пересыхающий ручей. Бурка начдива Павличенки веяла над штабом, как мрачный флаг. Тишина, полная тишина взошла на местечковый свой трон. Квартира мне попала у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем. Старый еврей с серебряной бородой. Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой. Мальчики в капотиках всё ещё топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру. Местечко смердит в ожидании новой эры, и вместо людей по нему ходят слинявшие схемы пограничных несчастий. Над прудом взошла луна, зелёная, как ящерица. ... луга и плантации из хмеля, скрытые муаровыми лентами сумерек. Над ними разгорелся восторженный голос Виноградова и звон его шпор.

2. Приведите примеры контрастных по стилю предложений. Какой эффект они вносят в рассказ?
3. Подчёркнутые глаголы замените причастиями, внеся необходимые изменения в предложение:

Песня журчала, как ручей, который пересыхал. Мы под звуки марша, который гремел, ворвались в Берестечко. Квартира мне попала у рыжей вдовы, которая пропахла вдовьим горем. Евреи живут здесь в просторных домах, которые вымазали белой или водянисто-голубой краской. Уныние и ужас заполняют катакомбы едкой вонью и кислотой испражнений, которая протухла. Я проник в замок графов Рациборских, который опустошили. Из окна мне видно луга и плантации из хмеля, которые скрыли муаровые ленты сумерек. Она досаждала сыну за то, что он не дал наследников роду, который угасал. Я бродил вдоль стен, где нимфы с глазами, которые выкололи, водят старинный хоровод. Потом в углу я нашёл обрывок письма, которое уже пожелтело. На нём чернилами, которые вылиняли, было написано... Он страстно убеждает евреев, которых обворовали.

4. Выберите подходящую форму глагола в соответствии со смыслом рассказа:

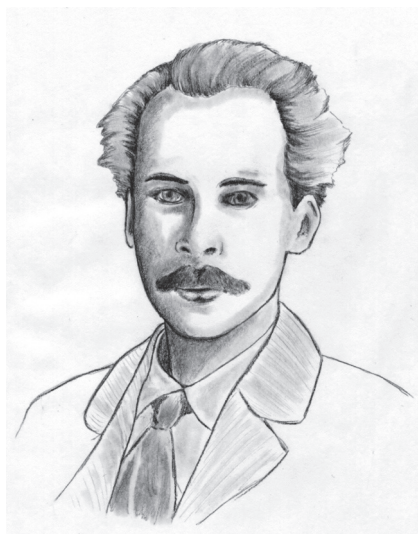
Из-за могильного камня (*выползал/выполз*) дед с бандурой и детским голосом (*пел/спел*) про былую казачью славу. Мы (*слушали/прослушали*) песню молча, потом (*разворачивали/развернули*) штандарты и под звуки гремящего марша (*врывались/ворвались*) в Берестечко. Квартира мне (*попадалась/попалась*) у рыжей вдовы, пропахшей вдовьим горем. Старик (*взвизгивал/взвизгнул*) и (*вырывался/вырвался*). Кудря правой рукой (*вытаскивал/вытащил*) кинжал и осторожно (*резал/зарезал*) старика, не забрызгавшись. В замке (*жила/прожила*) раньше помешанная девяностолетняя графиня с сыном. Она досаждала сыну за то, что он не (*давал/дал*) наследников угасающему роду, и – мужики рассказывали мне – графиня (*била/избила*) сына кучерским кнутом. Потом в углу, на затоптанном полу я (*находил/нашёл*) обрывок пожелтевшего письма.

5. Выберите из рассказа ключевые предложения. Перескажите текст, используя ключевые предложения в качестве опоры.

ИННОВАТИВНОСТЬ И ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСТВО

Андрей Белый

(литературный псевдоним
Бориса Николаевича Бугаева)
1880, Москва – 1934, Москва

Поэт, прозаик, критик, стиховед, теоретик культуры; один из ведущих деятелей русского символизма, представитель «младшего» поколения поэтов-символистов. В младенческие, гимназические годы обнаружили гуманитарные склонности автора, особенно его привлекают литература и философия. Он занимается русскими классиками, выделяя Н. Гоголя и Ф. Достоевского, читает философов: А. Шопенгауэра, И. Канта, Г. Спенсера, Ф. Ницше, Вл. Соловьёва. Белый познакомился и с новейшим искусством (творчеством М. Метерлинка, Г. Ибсена, О. Уайльда, живописью прерафаэлитов, музыкой Р. Вагнера).

Писатель начал печататься в 1902 году, когда выходит его *Симфония (2-я, драматическая)* под псевдонимом «Андрей Белый», придуманным М. Соловьёвым. Существенные характеристики авторского творческого метода – стремление к синтезу слова и музыки: система лейтмотивов, перенесение структурных законов музыкальной формы в словесные композиции, ритмизация и поэтизация прозы, дробление сюжета на отдельные сегменты и др. – проявились в созданном им литературном жанре «симфонии». По словам А. Лаврова, философ С. Аскольдов описал этот жанр следующим образом: «[...] По форме это нечто

среднее между стихами и прозой. Их отличие от стихов в отсутствии рифмы и размера. Впрочем, и то и другое, словно непроизвольно, вливается местами. От прозы – тоже существенное отличие в особой напевности строк. Эти строки имеют не только смысловую, но и звуковую, музыкальную подобранность друг к другу и по ритму слов, и по ритму образов и описаний. Этот ритм наиболее выражает переливчатость и связность всех душевностей и задушевностей окружающей действительности». При жизни автора опубликованы *Северная симфония (1-я, героическая)*, 1904; *Возврат*, 1905; *Кубок метелей*, 1908.

Перелом, кризис в мироощущении Белого происходит во 2-й половине 1900-х, когда идеи Вл. Соловьёва сменяются рационалистической теорией познания И. Канта и неокантианцев. Главнейшей его теоретической работой является книга *Символизм* (1910), не менее важны его критические и теоретические тексты *Луг зелёный* (1910) и *Арабески* (1911).

Белый выступает как мемуарист; он пишет *Воспоминания о Блоке* (1922–1923), трилогию *На рубеже двух столетий* (1930), *Начало века* (1933), *Между двух революций* (1934). Он автор теоретико-литературных исследований *Ритм как диалектика*, *Медный всадник* (1929) и *Мастерство Гоголя* (1934).

Более значительное место, чем поэзия, у него занимала художественная проза – Белый написал повесть *Серебряный голубь* (1909), романы *Петербург* (1916, переработанная сокращённая редакция 1922) и *Котик Летаев* (1922).

Роман *Петербург*, над стилистической формой которого автор напряжённо работал в течение десяти лет, – высшее достижение прозы русского символизма. Более того, по словам А. Флакера, у Белого обнаруживаем структурные сдвиги – от символизма к авангарду. Несмотря на существенно переработанный вариант произведения из 1922 г., сохранилась его первоначальная структура: 8 глав, пролог и эпилог. Роман оказал сильное влияние на выдающихся романистов XX века (М. Пруст, Дж. Джойс и др.). Н. Бердяев (*Астральный роман*) пишет: «Эфемерность Петербурга – чисто русская эфемерность, призрак, созданный русским воображением. Петр Великий был русский до мозга костей. [...] Немецкая прививка к петербургской бюрократии создаёт специфически русский бюрократический стиль. [...] Петербургская Россия есть другой наш национальный образ наряду с образом московской России. Роман о Петербурге мог написать лишь писатель, обладающий совсем особым ощущением космической жизни, ощущением эфемерности бытия. Такой писатель

есть у нас, и он написал роман *Петербург*, написал перед самым концом Петербурга и петербургского периода русской истории, как бы подводя итог столь странной столице нашей и странной её истории. В романе *Петербург*, быть может самом замечательном русском романе со времён Достоевского и Толстого, нельзя найти полноты, не весь Петербург в нём нашёл себе место, не всё доступно его автору. Но что-то характерно петербургское в этом изумительном романе подлинно узнано и воспроизведено. Это – художественное творчество гоголевского типа [...]».

Петербург основан на антитезе: миру упорядоченности и интеллектуальных схем противопоставлен мир грядущей русской стихии. Место действия романа и «главный герой» – город Петербург. По словам самого автора, «подлинное местодействие романа» – это «душа некоего не данного в романе лица, переутомлённого мозговой работой». Героями и событиями владеет повествователь через свою «мозговую игру». Петербург – столица российской империи и место встречи Востока и Запада. По мнению Д. Лихачёва, Петербург в романе – «не между Востоком и Западом, а Восток и Запад одновременно, т. е. весь мир. Так ставит проблему России Белый впервые в русской литературе». Так как проблема Востока и Запада представляет собой выражение противоречий мирового исторического процесса, а тот процесс является проекцией космических сил на поверхность земной истории, оказывается, что Петербург есть точка касания космических сил, «математическая точка», как её называет Л. Силард. Однако понятие «математическая точка» – пишет Л. Силард – обладает и другими признаками, например, отсутствием пространственных параметров: «[...] если Петербург – “математическая точка”, он не обладает признаками пространства, значит его пространства мнимые». Петербург призрак, и все обыватели его призраки (К. Мочульский: «Петербург – театр гротескных масок»). В символике города находим образность кубизма (Н. Бердяев: «А. Белого можно назвать кубистом в литературе. Формально его можно сопоставить с Пикассо в живописи»). По словам Л. Долгополова, Петербург «не столько образ конкретного города (как это было у Достоевского), сколько обобщённый символ, создаваемый на основе реальных примет и деталей, очень точно подмеченных, но используемых в таких произвольных сочетаниях, что всякая достоверность на проверку оказывается призрачной». В *Петербурге* обнаруживаем интертекстуальную связь с почти всей классической русской литературой «петербургского периода» («петербургский текст» – термин В. Топорова), в том числе с выдающимися авторами: А. Пушкиным, Н. Гоголем, Ф. Достоевским.

Время действия романа охватывает 9 дней октября 1905 г. В фантазмагорическом Петербурге сталкиваются силы, желающие повлиять на дальнейшую судьбу России. Одна из них представлена сенатором, крупным имперским чиновником Аполлоном Аполлоновичем Аблеуховым, образ которого построен на гротескном сочетании мотивов геометрии и бюрократии. Сын сенатора, Николай Аполлонович Аблеухов, связан с противостоящей силой, партией террористов. Обе силы в одинаковой степени бесплодны, бездушны. Центральной точкой фабулы романа является обещание молодого Аблеухова убить отца. Убийство всё-таки не совершается, потенциальная трагедия становится гротескно-комической, пародийной, так как бомба – «сардинница ужасного содержания» – взорвавшись, не причиняет существенного вреда.

В романе А. Белый разработал обновлённые принципы повествования, позднее названные общим словом – «орнаментальная проза». Как выразилась Л. Силард, эти принципы проявляются в функциональном преобладании речи повествователя над характерами и событиями, в близости прозаической речи к стихотворной, переменной ритмизованности, повышенной роли эвфонии, специфической инверсии.

Д. Лихачёв написал, что в *Петербурге* Белого «главное [...] – постоянные искания, неудовлетворённость «глаткописью», которой так много было в русской литературе XIX в. [...] Проза Белого – это проза оратора, проза Демосфена».

Петербург (отрывки)

Пролог

Что есть Рूसкая Имперія наша?

червоный – crven

Рूसкая Имперія наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Рूसкая Имперія заключает: во-первых – великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых – грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она заключает... Но – прочая, прочая, прочая.

Рूसкая Имперія наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных; и далее: – из первопрестольного града и матери градов русских.

Град первопрестольный – Москва; и мать градов русских есть Киев.

проспект – bulevar

Петербур́г, или Санкт-Петербур́г, или Пётр (что – то же) по́длинно принадлежит Российской Империи... На основании тех же суждений Невский Проспéкт есть петербургский Проспéкт.

Невский Проспéкт обладает разительным свойством: он состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его; нумерация идёт в порядке домов – и по́иски нужного дома весьма облегчаются. Невский Проспéкт, как и всякий проспéкт, есть публичный проспéкт; то есть: проспéкт для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть – гм... да: ... для публики. Невский Проспéкт по вечерам освещается электричеством. Днём же Невский Проспéкт не требует освещения.

Невский Проспéкт прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспéкт; всякий же европейский проспéкт есть не

куча – hrpa

почтенный – časni

благородно – plemenito

орда – horda

доблестно – junački

выходец – došljak, doseljenik

недра – utroba

изморось – hladna sitna kišica

низвергаться – stropoštati se

струйка – mlazić

просто проспеќт, а (как я уже сказа́л) проспеќт европе́йский, потому́ что... да... Потому́ что Не́вский Проспе́кт – прямолине́йный проспеќт.

Не́вский Проспе́кт – немалова́жный проспеќт в се́м не ру́сском – столи́чном – гра́де. Проче́е ру́сские города́ представля́ют собо́й деревя́нную ку́чу домішек.

И рази́тельно от них всех отлича́ется Петербу́рг.

Глава́ пе́рвая

Аполло́н Аполло́нович Аблеу́хов был ве́сьма почте́нного ро́да: он имёл своим пре́дком Ада́ма. И э́то не гла́вное: несравне́нно ва́жнее здесь то, что благо́родно ро́ждённый пре́док был Сим, то есть сам прароди́тель се́мйтских, хе́сйтских и красноко́жих наро́дностей.

Здесь мы сде́лаем перехо́д к пре́дкам не столь уда́ленной эпо́хи.

Эти пре́дки (так ка́жется) прожи́вали в киргизкайса́цкой орде́, откуда́ в ца́рствование импе́ратрицы Анны Иоа́нновны до́блестно поступи́л на ру́сскую службу́ мирза́ Аб-Лай, прапраде́д сенато́ра, получи́вший при христиа́нском креще́нии и́мя Андре́я и про́звище Ухова́. Так о сем вы́ходце из недр монго́льского пле́мени распро́страняется Гербо́вник Росси́йской Импе́рии. Для кра́ткости по́сле был превращё́н Аб-Лай-Ухов в Аблеу́хова просто́.

Этот прапраде́д, как гово́рят, оказа́лся исто́ком ро́да.

Каре́та полете́ла в тума́н

Изморось полива́ла у́лицы и проспеќты, тротуа́ры и кры́ши; низверга́лась холо́дными стру́йками с жести́ных желобо́в.

Изморось полива́ла прохо́жих: награжда́ла их гри́ппами; вме́сте с то́нкою пы́лью дождя́ инфлуэ́нцы и гри́ппы заполза́ли под припо́днятый воро́тник: гимнази́ста, студе́нта,

обыватель – malograđanin; stanovnik
озираться – osvrtati se

преодолевать – nadvladavati, svladavati
ропот – roptanje
грохот – lupnjava
пролётка – otvorena kola
рулада – koloratura (muz.)
гул – buka
окрик – povik

мелодичный – blagozvučan

муть – mutež

хлынуть – briznuti

планомерность – sustavnost,
 planska izgrađenost

разительно – zapanjujuće

чинóвника, офицёра, субъекта; и субъект (так сказать, обыватель) озира́лся тоскливо; и гляде́л на проспеќт стёрто-се́рым лицóм; циркули́ровал он в бесконе́чность проспектов, преодолева́л бесконе́чность, без вся́кого рóпота – в бесконе́чном то́ке таки́х же, как он, – среди́ лёта, грóхота, трепета́нья, пролё́ток, слúшая издали́ мелоди́чный го́лос автомоби́льных рула́д и нараста́ющий гул жёлто-кра́сных трамва́ев (гул потóм убыва́ющий снóва), в непрерýвном óкрике голосо́стых газéтчиков.

Из однёй бесконе́чности убега́л он в друго́ю; и потóм спотыка́лся о на́бережную; здесь прика́нчивалось всё: мелоди́чный глас автомо́бильной рула́ды, жёлто-кра́сный, трамва́й и всевозмо́жный субъект; здесь был и край земл́и, и конéц бесконе́чностям.

А та́м-то, та́м-то: глубина́, зеленова́тая муть; изда́лека-далёка, бу́дто да́льше, чем сле́дует, опу́стились испуганно и прин́зились острова́; прин́зились зéмли; и прин́зились зда́ния; ка́залось – опу́стятся во́ды, и хлы́нет на них в э́тот миг: глубина́, зеленова́тая муть; а над э́тою зеленова́тою му́тью в тумáне греме́л и дрожа́л, вон тудá бе́гая, чёрный, чёрный тако́й Никола́евский Мост...

Квадра́ты, паралле́лепипе́ды, кубы́

Каре́та же пролетéла на Не́вский.

Плано́мерность и симме́трия успоко́или нёрвы сенáтора, возбу́ждённые и нерóвно́стью жи́зни дома́шней, и беспóмощным кру́гом вращéния на́шего госуда́рственного колеса́.

Гармони́ческой простото́й отлича́лись его́ вку́сы.

Бо́лее всего́ он любил прямолине́йный проспеќт; э́тот проспеќт напомина́л ему́ о течéнии вре́мени ме́жду двух жи́зненных то́чек; и ещё́ об однё́м: ин́ые все города́ представля́ют собо́й деревя́нную кúчу домйшек, и рази́тельно от них всех отлича́ется Петербу́рг.

Мо́крый, ско́льзкий проспéкт: там дома́ слива́лись кубáми в планоméрный, пятиэ́тажный ряд; э́тот ряд отличáлся от ли́нии жи́зненной лишь в однё́м отноше́нии: не́ было у э́того ря́да ни конца́, ни нача́ла...

Вся́кий раз вдохнове́ние овладева́ло душо́ю сенáтора, как стрело́ю ли́нию Не́вского разреза́л его́ лакиро́ванный куб: там, за о́кнами, видне́лась домовáя нумера́ция; и шла циркуля́ция; там, оттúда – в я́сные дни изда́лека-далё́ка, сверка́ли слепи́тельно: золотáя игла́, облака́, луч багро́вый за́ката; там, оттúда, в тумáнные дни, – ниче́го, никогó.

А там бы́ли – ли́нии: Нева́, остро́ва. Ве́рно в те далё́кие дни, как встава́ли из мши́стых боло́т и высо́кие кры́ши, и ма́чты, и шпи́цы, проница́я зубца́ми сво́ими промóзглый, зеленова́тый тумáн – на тенево́х сво́их паруса́х полете́л к Петербу́ргу оттúда Лету́чий Голла́ндец из свинцо́вых пространств балти́йских и неме́цких море́й, что́бы здесь воздвигну́ть обма́ном сво́й тумáнные зе́мли и назва́ть остро́вами волну́ набегáющих облако́в; áдские огонё́к каба́чкóв двухсотле́тие зажига́л отсю́да Голла́ндец, а наро́д правосла́вный ва́лил и ва́лил в э́ти áдские каба́чкí, разнося́ гнилу́ю зара́зу...

По́сле ли́нии всех симметри́чностей успокаивала его́ фигу́ра – квадра́т.

Он, бывáло, подóлгу предава́лся безду́мному созерца́нию: пирами́д, треуго́льников, паралле́лепипе́дов, кубо́в, трапе́ций. Беспоко́йство овладева́ло им лишь при созерца́нии усече́нного ко́нуса.

Зига́гообрази́ной же ли́нии он не мог выно́сить.

Мо́крый, ско́льзкий проспéкт пересéкся мо́крым проспéктом под прямы́м, девяностогра́дусным углу́м; в то́чке пересече́ния ли́ний стал городо́вой...

И та́кже же то́чно там возвыша́лись дома́, и та́кие же се́рые проходи́ли там то́ки людские́,

мишустый – mahovinast

промозглый – vlažan i hladan

свинцовый – olovan

кабак, кабачок – krčma

шаркать – strugati
растираться – istrljavati se
калоша – kaljača

и такой же стоял там зелёно-жёлтый туман. Сосредоточенно побежали там лица; тротуары шептались и шаркали; растирались калошами; плыл торжественно обывательский нос. Носы протекали во множестве: орлиные, утиные, петушиные, зеленеватые, белые; протекало здесь и отсутствие всякого носа. Здесь текли одиночки, и пары, и тройки – четвёрки; и за котёлком котёлки: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо.

Но параллельно с бегущим проспектом был бегущий проспект с всё таким же рядом коробок, нумерацией, облаками; и тем же чиновником.

Есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов с бесконечностью в бесконечность бегущих пересекающихся теней. Весь Петербург – бесконечность проспекта, возведённого в энную степень.

За Петербургом же – ничего нет.

Жители островов поражают вас

Линии!

Только в вас осталась память петровского Петербурга.

Параллельные линии на болотах некогда провёл Пётр; линии те обросли то гранитом, то каменным, а то деревянным забориком. От петровских правильных линий в Петербурге следá не осталось; линия Петра превратилась в линию позднейшей эпохи: в екатерининскую округлённую линию, в александровский строй белокаменных колоннад.

раскидаться – rasipati se

Лишь здесь, меж громадин, остались петровские домики; вон бревенчатый домик; вон – домик зелёный; вот – синий, одноэтажный, с ярко-красною вывеской «Столовая». Точно такие вот домики раскидались здесь в стародавние времена. Здесь ещё, прямо в нос, бьют разнообразные запахи: пахнет

канат – uže

брезент – cerada

непопырь = крупная летучая мышь

хлестать – šibati

солью морскою, селёдкой, канатами, кожаной курткой и трубкой, и прибережным брезентом. Линии! Как они изменились: как их изменили эти суровые дни!..

Незнакомец мой с острова Петербург давно ненавидел: там, оттуда вставал Петербург в волне облаков; и парили там здания; там над зданиями, казалось, парил кто-то злобный и темный, чье дыхание крепко обковывало льдом гранитов и камней некогда зеленые и кудрявые острова; кто-то темный, грозный, холодный оттуда, из воющего хаоса, уставился каменным взглядом, бил в сумасшедшем парении непопыриными крыльями; и хлестал ответственным словом островную бедноту, выдаваясь в тумане: черепом и ушами; так недавно был кто-то изображен на обложке журнальчика...

Петербургская улица осенью проникает весь организм: леденит костный мозг и щекает дрогнувший позвоночник; но как скоро с ней попадешь ты в теплое помещение, петербургская улица в жилах течет лихорадкой...

Мокрая осень

мерцать – treperiti

Мокрая осень летела над Петербургом; и невесело так мерцал сентябрьский денек.

сталь – čelik

Зеленоватым роем проносились там облачные клочки; они сгущались в желтоватый дым, припадающий к крышам угрозой. Зеленоватый рой поднимался безостановочно над безысходною далью невских просторов; темная водная глубина сталью своих чешуин билась в граниты; в зеленоватый рой убежал шпиц... с петербургской стороны.

Описав в небе траурную дугу, темная полоса копоты высоко встала от труб пароводных; и хвостом упала в Неву.

бурлить – klokatati

И бурлила Невá, и кричала отчаянно там свистком загудевшего пароводика, разбивала

морок – mrak, sumrak
 выситься – uzdzitati se
 переменный – izmjeničan,
 nestalan, promjenjiv

искриться – svjetlucati

пасть – ralje

свой водяные, стальные щиты о каменные быки; и лизала граниты; натиском холодных невских ветров срывала она картузы, зонты, плащи и фуражки. И повсюду в воздухе взвесилась бледно-серая гниль; и оттуда, в Неву, в бледно-серую гниль, мокрое изваяние Всадника со скалы всё так же кидало тяжёлую, позеленевшую медь...

Огненным мороком вечером залит проспект. Ровно висятся яблоки электрических светов посередине. По бокам же играет переменный блеск вывесок; здесь, здесь и здесь вспыхнут вдруг рубины огней; вспыхнут там – изумруды. Мгновение: там – рубины; изумруды же – здесь, здесь и здесь.

Огненным мороком вечером залит Невский. И горят бриллиантовым светом стены многих домов: ярко искрятся из алмазов сложенные слова: «Кофейня», «Фарс», «Бриллианты Тэта», «Часы Омега». Зеленоватая днём, а теперь лучезарная, разевает на Невский витрина свою огненную пасть; всюду десятки, сотни адских огненных пастей: эти пасти мучительно извергают на плиты ярко-белый свой свет; мутную мокроту изрыгают они огневою ржавчиной. И огнём изгрызан проспект. Белый блеск падает на котелки, на цилиндры, на перья; белый блеск ринется далее, к середине проспекта, отпихнув с тротуара вечернюю темноту: а вечерняя мокрота растворится над Невским в блистаниях, образуя тусклую желтоватокровавую муть, смешанную из крови и грязи. Так из финских болот город тебе покажет место своей безумной оседлости красным, красным пятном: и пятно то беззвучно издали зрится на темноцветной на но́чи. Странствуя вдоль необъятной родины нашей, издали ты увидишь красной крови пятно, вставшее в темноцветную ночь; ты испуганно скажешь: «Не есть ли там местонахождение геёнского

пéкла?» Ска́жешь, – и вдалё поплетёшься: ты геéннское мéсто постарáешься обойти́.

Но е́сли бы ты, безúмец, дерзну́л пойти́ навстрéчу Геéнне, я́рко-кровоáвый, издали тебя́ ужасну́вший блеск ме́дленно раство́рился бы в белесова́тую, не во́все чи́стую свéтлость, многоогневы́ми обста́л бы дома́ми, – и то́лько: наконéц распáлся бы на мно́гое мно́жество огонько́в.

Никако́й Геéнны и не́ было б...

Так бывáет всегда́

Петербúрг, Петербúрг!

осажда́ться – taložiti se

жестокосерды́й – nemilosrdan

Осажда́ясь тумáном, и меня́ ты преслéдовал прáздную мозговóю игро́й: ты – мучи́тель жестокосерды́й; ты – непоко́йный при́зрак; ты, бывáло, годá на меня́ напада́л; бéгал я на тво́их ужáсных проспеќтах и с разбе́га взлетáл на чугу́нный тот мост, начина́вшийся с кра́я земно́го, чтобвести́ в бескра́йнюю даль; за Невóй, в потусвётной, зелёной там да́ли – повосста́ли при́зраки острово́в и домо́в, обольща́я тщётной наде́ждою, что тот край есть действи́тельность и что он – не во́ющая бескра́йность, кото́рая выгоня́ет на петербúргскую у́лицу блéдный дым облако́в.

От острово́в та́щатся непоко́йные те́ни; так рой видéний повто́ряется, отражённый проспеќтами, прогоня́ясь в проспеќтах, отражённых друг в дру́ге, как зéркало в зéркале, где и са́мое мгновéние врéмени расширя́ется в необъя́тности э́онов: и бредя́ от подъёзда к подъёзду, переживáешь века́.

О, большо́й, электри́чеством блéщущий мост!

Помню́ я одно́ роково́е мгновéнье; чрез твой сы́рые пери́ла сентябрёвскою но́чью перегну́лся и я: миг, – и те́ло моё пролетéло б в тумáны.

О, зелёные, кишáщие баци́ллами во́ды!

Ещё миг, обернули б вы и меня в свою тень.
Непокойная тень, сохраняя вид обывателя,
двусмысленно замаячила б в сквозняке сырого
канальца; за своими плечами проходжий бы
ви́дел: котелок, трость, пальто, уши, нос и усы...

Проходил бы он далее... до чугунного моста́.

На чугунном мосту́ обернулся бы он; и он
ничего́ не уви́дел бы: над сырыми перилами,
над кишáщей баци́ллами зеленова́той водо́й
пролетели бы лишь в сквозняки́ принёвского
вётра – котелок, трость, уш́и, нос и усы́.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Прочитайте геометрические и математические термины. Дайте их хорватские эквиваленты:

Точка, симметрия, квадрат, параллелепипед, куб, прямолинейный, линия, фигура, пирамида, треугольник, трапеция, цилиндр, усечённый конус, зигзагообразная линия, округлённая линия, прямой девяностоградусный угол, точка пересечения, параллельно, бесконечность, возведённая в энную степень, десятки, сотни.

2. Что вы знаете о следующих названиях территориальных единиц:

Русская Империя, Российская Империя, великая Русь, малая Русь, белая Русь, грузинское царство, астраханское царство, польское царство, казанское царство, киргиз-кайсацкая орда.

3. Что вы знаете о упоминающихся в отрывке лицах:

Анна Иоанновна, Адам, Сим, Пётр, Летучий Голландец.

4. Найдите в энциклопедиях или Интернете объяснение разницы между следующими понятиями:

Города столичные, губернские, уездные, заштатные, первопрестольные.

5. Приведите примеры народностей, относящихся к следующим группам:

Семитские народности, хесситские народности, краснокожие народности, монгольские племена.

6. Дайте эквиваленты на хорватском языке обозначений цвета:

Белый, червонный, жёлто-красный, стёрто-серый, зеленоватый, чёрный, золотой, багровый, свинцовый, зелёно-жёлтый, зелёный, синий, ярко-красный, желтоватый, бледно-серый, позеленевшая медь, ярко-белый, желтовато-кровавая, красный, темноцветный, ярко-красный, белесоватый.

7. Разберитесь в многообразии головных уборов, встречающихся в тексте:

Котелок, перо, фуражка, треуголка, цилиндр, платочек, картуз.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Определите, как образованы следующие слова:

Первопрестольный, прямолинейный, немаловажный, краснокожий, киргиз-кайсацкий, стёрто-серый, жёлто-красный, планомерность, пятиэтажный, двухсотлетие, зигзагообразный, девяностоградусный, зелёно-жёлтый, стародавний, белокаменный, бледносерый, темноцветный, местонахождение, двусмысленно.

2. От каких глаголов образованы следующие причастия? Определите их тип:

Нумерованный, рождённый, получивший, превращённый, приподнятый, нарастающий, убывающий, возбуждённый, лакированный, усечённый, бегущий, пересекающийся, возведённый, воющий, изображённый, дрогнувший, припадающий, позеленевший, залитый, сложенный, смешанный, вставший, ужаснувшийся, начинавшийся, воющий, отражённый, кишащий.

3. Повторите глагольное управление. Поставьте существительные в нужный падеж:

Состоять из (столичные, губернские, уездные, заштатные города); принадлежать (Российская Империя); обладать (разительное свойство); представлять собой (деревянная куча домишек); поступить на (русская служба); награждать кого-либо (гриппы); отличаться (гармоническая простота); напоминать (он) о (течение времени); предаваться (бездумное созерцание); не выносить (зигзагообразная линия); провести (параллельные линии); обрасти (деревянный заборик); превратиться в (закруглённая екатерининская линия); пахнуть (кожаная куртка, морская соль); распадаться на (многое множество); выгонять на (петербургская улица).

4. Какие стилистические приёмы лежат в основе следующих выражений:

Изморось поливала улицы и проспекты; изморось поливала прохожих; инфлуэнцы и гриппы заползали под приподнятый воротник; издалека-далёка; опустились испуганно и принизились острова; принизились земли; принизились здания; дрожал Николаевский Мост; карета пролетела на Невский; вставали из болот крыши и мачты; тротуары шептались и шаркали; плыл нос; про-

текали носы; парили здания; кудрявые острова; мокрая осень летела над Петербургом; Нева разбивала свои водяные щиты и лизала граниты; яблоки электрического света; рубины и изумруды огней; бриллиантовый свет; сложенные из алмазов слова; витрина разевает свою огненную пасть; десятки, сотни адских огненных пастей; гееннское место; Петербург преследовал меня; Петербург – мучитель жестокосердый.

5. В группе слов найдите слово, тематически не связанное с другими:

Уши, нос, усы, голова, тело, череп, душа.

Пасть, хвост, чешуя, борода, крылья.

Котелок, пальто, фуражка, цилиндр, платочек, картуз, треуголка.

Зеленоватый, зелёный, изумруд, позеленевший, ярко-красный, зелёно-жёлтый.

Плащ, пальто, воротник, кожаная куртка, калоши, бациллы.

Организм, костный мозг, волосы, позвоночник, жилы, нервы.

Куб, линейка, линия, квадрат, цилиндр, конус, параллелепипед, трапеция.

6. Синтаксис А. Белого ни с чем не сравнить, он не руководствуется правилами пунктуации русского литературного языка. Запятые, двоеточия, точки с запятой, тире расставлены у него не в соответствии с правилами школьной грамматики, а с тем «скрытым» смыслом, с той «затекстовой» семантикой, которая так много значит в этом необычном романе. Проанализируйте следующие примеры:

Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя включает: во-первых – великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых – грузинское, польское, казанское и астраханское царство. ...образующие его боковые границы дома суть – гм... да: ... для публики. Аполлон Аполлонович Аблеухов был весьма почтенного рода: он имел своим предком Адама. А там-то, там-то: глубина, зеленоватая муть; издавека-далёка, будто дальше, чем следует, опустились испуганно и принизились острова; принизились земли; и принизились здания. Мокрый, скользкий проспект: там дома сливались кубами в планомерный, пятиэтажный ряд;... там, за окнами, виднелась домовая нумерация; и шла циркуляция; там, оттуда – в ясные дни издавека-далёка, сверкали слепительно: золотая игла, облака, луч багровый заката; там, оттуда, в туманные дни, – ничего, никого. Здесь текли одиночки, и пары, и тройки – чет-

вёрки; и за котелком котелок: котелки, перья, фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо. ...там над зданиями, казалось, парил кто-то злобный и тёмный... ...кто-то тёмный, грозный, холодный оттуда, из воющего хаоса, уставился каменным взглядом, бил в сумасшедшем парении нетопыриными крыльями; и хлестал ответственным словом островную бедноту, выдаваясь в тумане: черепом и ушами; так недавно был кто-то изображён на обложке журнальчика...

7. Автор широко использует инверсию в романе. Сделайте синтаксический разбор следующих предложений:

...издалека-далёка, будто дальше, чем следует, опустились испуганно и принизились острова... . Гармонической простотой отличался его вкус. Всякий раз вдохновение овладевало душою сенатора, как стрелою линию Невского разрезал его лакированный куб...там, оттуда – в ясные дни издалека-далёка, сверкали слепительно: золотая игла, облака, луч багровый заката... . Параллельные линии на болотах некогда провёл Пётр... . Незнакомец мой с острова Петербург давно ненавидел... . Зеленоватым роем проносились там облачные клоки... . Огненным мороком вечером залит Невский. Зеленоватая днём, а теперь лучезарная, разевает на Невский витрина свою огненную пасть...за Невою, в потускневшей, зелёной там дали – повосстали призраки островов и домов...через твои сырые перила сентябрёвскою ночью перегнулся и я... .

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА В БЫТОВЫХ СЦЕНАХ

Миха́йл Миха́йлович Зо́щенко

1894, Петербург – 1958, Сестрорецк

Автор комических рассказов и повестей. Зощенко поступил на юридический факультет Петербургского университета, но не закончил его (он был отчислен «за невзнос платы за весеннее полугодие в 1914 г.»). Участвовал в Первой мировой войне и Гражданской войне. Прежде чем найти свой путь в литературу, с 1920 г. по 1922 г., Зощенко работал милиционером, счетоводом, сапожником, столяром, инструктором по птицеводству, агентом уголовного розыска, телефонистом пограничной охраны, секретарём суда, делопроизводителем. Он входил в состав группы «Серапионовы братья» (вместе с К. Фединым, М. Слонимским, Всеволодом Ивановым и др.), первое собрание которой состоялось в начале 1921 года. Н. Малыгина пишет: «Участники этого “братства” писателей стремились отстоять своё право каждого на творческую свободу. Среди начинающих литераторов Зощенко был едва ли не самой яркой индивидуальностью».

Писатель выработал свой особый стиль, ориентируясь на реально существующих читателей: «Им нужно то, что похоже на классику... Это сделать весьма легко. Но я не собираюсь писать для читателей, которых нет. У народа иное представление о литературе. [...] Я знаю, что я прав». Зощенко мастерски овладел языком улицы, т. е. бытовой

лексикой послереволюционного времени. Только такой лексикой он мог описать бытовые сцены советского мещанина, невежественного и нахального человека, плохо осознающего и понимающего окружающую среду, регулярно попадающего в странные, гротескные и комические ситуации.

Свой главный литературный приём – контраст между маской рассказчика и трагикомическими жизненными ситуациями, о которых ведётся повествование – Зощенко использует уже в начале творчества. В. Шкловский о своеобразии сказовой формы у Зощенко замечает: «[...] получается два плана: 1. То, что рассказывает человек. 2. То, что как бы случайно прорывается в его рассказе. Человек проговаривается. [...] Вот почему для сказа обычно берётся ограниченный человек. Не понимающий события». М. Чудакова выделяет, что Зощенко выстраивает образ автора, освобождённого от всякой культуры – и спародированного в этом качестве с помощью сказовых форм истинным автором. В своей книге, посвящённой поэтике Зощенко, исследовательница раскрыла проповеднический характер прозы писателя.

В 1920-е годы в сатирических журналах публикуются рассказы писателя: *Рыбья самка*, *Любовь*, *Война*, *Старуха Врангель*, *Лялька Пятьдесят*. В 1921 г. Зощенко пишет цикл *Рассказы господина Синеврохова*. Подлинными шедеврами жанра короткого комического рассказа являются: *Аристократка* (1923), *Баня* (1924), *Нервные люди* (1924). В 1930-е годы настанут *Возвращённая молодость* (1933), *История одной жизни* (1934), *Голубая книга* (1935). Основной мотив *Голубой книги* – в которую вошли циклы рассказов, объединённых следующими темами: деньги, любовь, коварство, неудачи, удивительные события, – тревога за судьбу человечества.

Особенно интересна повесть *Перед восходом солнца* (1943), представляющая собой сочетание автобиографии Зощенко, мемуаров, философского трактата и публицистики. 1940-ые годы – самый сложный период в жизни писателя: *Перед восходом солнца* ЦК Коммунистической партии называет «политически вредным и антихудожественным произведением» (повесть впервые полностью публикуется в 1973 году, нью-йоркским «Издательством имени Чехова»). В послевоенное время травля на Зощенко усиливается – рассказ *Приключение обезьяны* назван «вредным рассказом». В 1946 году ЦК КПСС определяет творчество Зощенко и Анны Ахматовой как «идеологически чуждое», а Союз писателей исключает их из своих рядов. Восстановление Зощенко в Союз писателей происходит в 1953 году. Три года спустя его книги начинают вновь издаваться.

Всенародно любимый и ценимый писатель – для власти долгое время «подонок и хулиган» – умирает летом 1958 года.

Аристократка

Григорій Ива́нович шүмно вздохну́л, вы́тер подборо́док рукаво́м и на́чал расска́зывать:

– Я, бра́тцы мои́, не люблю́ баб, кото́рые в шля́пках. Ежели ба́ба в шля́пке, ежели чуло́чки на ней фильдекосовые, и́ли мо́псик у ней на рука́х, и́ли зуб золоти́й, то така́я аристокра́тка мне и не ба́ба во́все, а гла́дкое ме́сто.

А в своё время я, коне́чно, увлека́лся одной аристокра́ткой. Гуля́л с ней и в теа́тр води́л. В теа́тре-то всё и вы́шло. В теа́тре она и разверну́ла свою́ идеоло́гию во все́м объёме.

А встрети́лся я с ней во дворе́ до́ма. На собра́нии. Гляжу́, стои́т э́такая фря. Чуло́чки на ней, зуб золоти́й.

– Отку́да, – говорю́, – ты, гражда́нка? Из како́го но́мера?

– Я, – говори́т, – из седьмо́го.

– Пожа́луйста, – говорю́, – живи́те.

И сра́зу как-то она́ мне ужа́сно понра́вилась. Зачасты́л я к ней. В седьмо́й но́мер. Быва́ло, приду́, как лицо́ официа́льное. Де́скачь, как у вас, гражда́нка, в смы́сле по́рчи водопрово́да и убо́рной? Де́йствует?

– Да, – отвеча́ет, – де́йствует.

И сама́ ку́тается в ба́йковый плато́к, и ни мур-му́р бо́льше. То́лько глаза́ми стриже́т. И зуб во рте блести́т. Походи́л я к ней ме́сяц – приви́кла. Ста́ла подро́бней отвеча́ть. Де́скачь, де́йствует водопрово́д, спаси́бо вам, Григорій Ива́нович.

Да́льше – бо́льше, ста́ли мы с ней по у́лицам гуля́ть. Вы́йдем на у́лицу, а она́ вели́т себя́ по́д руку приня́ть. Приму́ её по́д руку и волочу́сь, что щу́ка. И чего́ сказа́ть – не зна́ю, и пе́ред наро́дом со́вестно.

Ну, а раз она́ мне и говори́т:

ежели = *если*

фильдекосовый – *od svilasta konca*

гладкое место – *nitko i ništa*

фря – *velika zvjerka*

номер = *ovdje stan*

зачастить – *početi često zalaziti kamo*

дескачь – *navodno, tobože*

порча – *kvar*

уборная – *nužnik, zahod*

кутаться – *zomotavati se*

байковый – *od flanela*

велеть – *zapovijediti*

волочиться – *vući se*

комячейка = коммунистическая
ячейка ячейка – ćelija

галёрка – galerija

верхотурье – gornji kat

антракт – pauza u
kazališnoj predstavi

стойка – šank

цоп – cap, hop

кот наплакал – ni za šuplji zub

шарить – tražiti pipajući
с гулькин нос – koliko ima crno
ispod nokta

– Что вы, говорít, меня всё по ўлицам вóдите? Аж головá закрутілась. Вы бы, говорít, как кавалёр и у вла́сти, своділи бы меня, наприме́р, в теа́тр.

– Мо́жно, – говорю́.

И как раз на друго́й день присла́ла комяче́йка биле́ты в о́перу. Оди́н биле́т я получи́л, а друго́й мне Ва́ська-сле́сарь пожéртовал.

На биле́ты я не посмотре́л, а они́ ра́зные. Кото́рый мой – внизú сиде́ть, а кото́рый Ва́скин – аж на са́мой гале́рке.

Вот мы и пошли́. Се́ли в теа́тр. Она́ се́ла на мой биле́т, я – на Ва́скин. Сижú на верхоту́рье и ни хренá не ви́жу. А е́жели нагну́ться че́рез барье́р, то её ви́жу. Хотя́ пло́хо. Поскучáл я, поскучáл, вниз соше́л. Гляжú – антра́кт. А она́ в антра́кте хóдит.

– Здра́вствуйте, – говорю́.

– Здра́вствуйте.

Интересно́, – говорю́, – де́йствует ли тут водопровóд?

– Не зна́ю, – говорít.

И сама́ в буфе́т. Я за ней. Хóдит она́ по буфе́ту и на сто́йку смóтрит. А на сто́йке блéдо. На блéде пирóжные.

А я э́таким гусём, э́таким буржу́ем нерéзанным вьюсь вокрúг её и предлага́ю:

– Е́жели, говорю́, вам охóта ску́шать одно́ пирóжное, то не стесня́йтесь. Я заплачу́.

– Мерси́, – говорít.

И вдруг подхóдит развратной похóдкой к блю́ду и цоп с кре́мом и жрёт.

А де́нег у меня́ – кот напла́кал. Са́мое большо́е, что на три пирóжных. Она́ кúшает, а я с беспокóйством по карма́нам ша́рю, смотре́ю руко́й, ско́лько у меня́ де́нег. А де́нег – с гу́лькин нос.

крякнуть – graknuti

Съела она́ с кре́мом, цоп друго́е. Я аж кря́кнул. И молчу́. Взяла́ меня́ э́такая буржу́йская стыдлив́ость. Де́скать, кавале́р, а не при деньга́х.

Я хожу́ вокру́г неё, что пету́х, а она́ хохоче́т и на комплиме́нты напра́шивается. Я говорю́:

– Не порá ли нам в теа́тр сесть? Звони́ли, мо́жет быть.

А она́ говори́т:

– Нет.

И берёт тре́тье.

Я говорю́:

– Натоща́к – не мно́го ли? Мо́жет в́ытошнить.

А она́:

– Нет, – говори́т, – мы приви́кшие.

И берёт четвёртое.

Тут уда́рила мне кровь в го́лову.

– Ложí, – говорю́, – взад!

испужаться = *испугаться*

А она́ испужа́лась. Откры́ла рот, а во рте зуб блести́т.

вожжа попала под хвост – ne da
mu vrag mira, pobjesnio je

А мне бу́дто попа́ла вожжа́ под хвост. Всё равно́, ду́маю, тепе́рь с ней не гуля́ть.

– Ложí, – говорю́, – к че́ртовой ма́тери!

Положи́ла она́ назáд. А я говорю́ хозя́ину:

– Ско́лько с нас за ску́шанные три пирожные?

ваньку валять – praviti
budalaštine, glupirati se

А хозя́ин де́ржится индиффе́рентно – ва́ньку валя́ет.

– С вас, – говори́т, – за ску́шанные четы́ре шту́ки сто́лько-то.

– Как, – говорю́, – за четы́ре?! Когда́ четвёртое в блю́де нахо́дится.

надкус – zagrizak

– Не́ту, – отвеча́ет, – хотя́ оно́ и в блю́де нахо́дится, но надку́с на ём сде́лан и па́льцем смя́то.

рожа – njuška

барахло – trice, starudije

в обрез – u dlaku, jedva dovoljno

конфузиться – zbunjivati se

сволочь – hulja, gad, nitkov

– Как, – говорю, – надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно – перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорят – надкус сделан, другие – нету.

А я вывернул карманы – всякое, конечно, барахло на пол вывалилось, народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги – в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

– Докрушайте, говорю, гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докрушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

– Давай, – говорит, – я докрушаю.

И докрушал, сволочь. За мой-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

– Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездят с дамами.

А я говорю.

– Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

1923 г.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Замените стилистически окрашенные слова и выражения нейтральными. В случае затруднений обращайтесь к словарю:

Баба, ежели, фря, ни мур-мур, аж, глазами стриждёт, ни хрена не вижу, волочусь что щука, верхотурье, галёрка, व्यюсь вокруг неё, буржуй, мерси, жрёт, крикнул, по карманам шарить, кавалер, денег в обрез, держится индифферентно, рожа, конфузится докушивать.

2. Объясните значение устойчивых выражений. В случае затруднений обращайтесь к словарю:

Гладкое место, денег кот наплакал, денег с гулькин нос, буржуй нерезаный, ударила кровь в голову, вожжа под хвост попала, ваньку валяет.

3. Просторечным словам и выражениям подберите эквиваленты, соответствующие нормам современного русского языка:

Зуб во рте, голова закрутилась, вокруг её, мы привыкшие, ложи взад!, вытошнить, испужалась, пирожное в блюде находится, на ём, не ездют, которые без денег.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:

1. Кем работал Григорий Иванович? 2. Каких женщин не любил? 3. Где он встретился с аристократкой? 4. По какому поводу Григорий Иванович стал приходить к аристократке? 5. Когда они стали вместе гулять? 6. Нравилось ли Григорию Ивановичу гулять с аристократкой по улицам? А ей? 7. Как Григорий Иванович достал билеты в театр? 8. Сидели ли наши герои вместе в театре? 9. Куда пошли герои в антракте? 10. Что предложил Григорий Иванович аристократке? 11. Сколько пирожных съела и сколько хотела съесть аристократка? 12. Из-за чего волновался Григорий Иванович? 13. Почему хозяин буфета хотел взять плату за четыре пирожных? 14. Считал ли это Григорий Иванович справедливым? 15. Почему аристократка не захотела доесть четвёртое пирожное? Кто его доел? 16. Как аристократка объяснила своё нежелание продолжать отношения с Григорием Ивановичем? 17. А как Григорий Иванович отреагировал на её слова? 18. Почему он не влюбил аристократок?

2. Прямую речь замените косвенной:

1. Григорий Иванович начал рассказывать: «Я не люблю баб, которые в шляпках». 2. Григорий Иванович спросил аристократку: «Откуда ты, гражданка? Из какого номера?» 3. «Я из седьмого», – ответила она. 4. Григорий Иванович спрашивает аристократку: «Не пора ли нам в театр сесть?» 5. Григорий Иванович говорит хозяину: «Сколько с нас за скушанные три пирожные?» 6. Он обратился к даме: «Докушайте, гражданка, заплачено». 7. «Ложи пирожное, – закричал Григорий Иванович аристократке, – к чёртовой матери!»

3. Вставьте пропущенные предлоги, имена существительные поставьте в нужный падеж:

Ежели баба ... (шляпка), ежели чулочки ... (она) фильдекосовые, или мопсик ... (она) ... (руки), ... то такая аристократка (я) и не баба вовсе. Гулял ... (она) и ... (театр) водил. А встретился я ... (она) ... (двор) дома. И как раз ... (другой день) прислала комачейка (билеты) ... (опера). Ходит она ... (буфет) и ... (стойка) смотрит. А я (этакий гусь), (этакий буржуй нерезанный) вьюсь ... (она).

И вдруг подходит (развратная походка) ... (блюдо) и цоп ... (крем) и жрёт. Она кушает, а я ... (беспокойство) ... (карманы) шарю, смотрю (рука), сколько у меня (деньги). Хотя оно и ... (блюдо) находится, но надкус ... (оно) сделан и (палец) смято. Которые ... (деньги) – не ездют ... (дамы).

4. Определите вид следующих глаголов. Дайте их видовую пару:

Вздохнуть, вытереть, рассказывать, увлекаться, водить, развернуть, встретиться, понравиться, привыкнуть, стать, принять, прислать, получить, нагнуться, подходить, ударить, открыть, брать, положить, собраться, вывернуть, досмотреть, говорить.

5. Сделайте синтаксический разбор сложноподчинённых предложений. Определите тип придаточных предложений:

Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место. А ежели нагнуться через барьер, то её вижу. Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Хотя оно и в блюде находится, но надкус на ём сделан и пальцем смято.

Нервные люди

Неда́вно в на́шей коммуна́льной кварти́ре дра́ка произошлá. И не то что дра́ка, а це́лый бой. На углу́ Гла́зовой и Борово́й.

башка – glava, tikva
оттяпать – odrubiti, odsjeći

горячиться – uzrujavati se, žestiti se

Драли́сь, коне́чно, от чи́стого се́рдца. Инвали́ду Гаври́лову последнюю́ башку́ чуть не оття́пали.

Гла́вная причи́на – наро́д о́чень уж не́рвный. Расстра́ивается по ме́лким пустяка́м. Горячи́тся. И че́рез э́то дерётся гру́бо, как в тумáне.

Онó, коне́чно, по́сле гражда́нской войны́ не́рвы, говоря́т, у наро́да завсегда́ расша́тываются. Мо́жет, о́но и так, а то́лько у инвали́да Гаври́лова от э́той идеоло́гии башка́ поскорее́ не зарасте́т.

жили́чка – stanarka

примус – petrolejsko kuhalo

А прихо́дит, наприме́р, одна́ жили́чка, Ма́рья Васи́льевна Щипцо́ва, в де́вять часо́в ве́чера на ку́хню и разжигáет прímус. Она́ всегда́, зна́ете, об э́то вре́мя разжигáет прímус. Чай пьёт и компре́ссы ста́вит.

провались совсем – neka te vrag nosi!

закоптить – začaditi

Так прихо́дит она́ на ку́хню. Ста́вит прímус пе́ред собо́й и разжигáет. А он, прова́лился совсе́м, не разжигáется.

Она́ ду́мает: «С чего́ бы он, дя́вол, не разжигáется? Не закопте́л ли, прова́лился совсе́м!»

ёжик – četka u obliku ježa

И берёт она́ в ле́вую ру́ку ёжик и хо́чет чи́стить. Хо́чет она́ чи́стить, берёт в ле́вую ру́ку ёжик, а друго́я жили́чка, Да́рья Петро́вна Кобы́лина, чей ёжик, посмотре́ла, чего́ взя́то, и отве́чает:

промежду прочим = между прочим

– Ёжик-то, уважа́емая Ма́рья Васи́льевна, проме́жду прóчим, наза́д поло́жьте.

Щипцо́ва, коне́чно, вспы́хнула от э́тих слов и отве́чает: – Пожа́луйста, отве́чает, подави́тесь, Да́рья Петро́вна, своим ёжи́ком. Мне, говоря́т, до ва́шего ёжика дотро́нуться проти́вно, не то что его́ в ру́ку взять.

Тут, коне́чно, вспы́хнула от э́тих слов Да́рья Петро́вна Кобы́лина. Ста́ли они́ ме́жду собо́й

грохот – tutnjava, treskanje

пузатый – trbušat

отвешивать – vagati,

mjeriti na vagi

гроши – malo novca

нипочём – nipošto

поднапереть – nahrupiti

хлопотать – brinuti se,

truditi se oko čega

впереться – utrpati se

харя – gubica

смазать – maznuti, tresnuti

крыть – pokrivati

чёртова перечница – stara vještica

гуща – gomila, sredina

пуцай = пускай = пусть

теперича = теперь

амбиция – здесь лицо

морда – njuška, gubica

накидываться – napadati

разговáривать. Шум у них поднялся, грóхот, треск.

Муж, Ивáн Степáныч Кобýлин, чей ёжик, на шум является. Здорóвый таóкой мужчýна, пузáтый дáже, но, в свою óчередь, нёрвный.

Так является это Ивáн Степáныч и говорít:

– Я, говорít, ну, рóвно слон рабóтаю за тридцать два рубля с копéйками в кооперáции, улыбáюсь, говорít, покупáтелям и колбасú им отвéшиваю, и из éтого, говорít, на трудовые грошú ёжики себе покупáю, и нипочём то есть не разрешú посторóннему чужбóму персоналу éтими ёжиками воспóльзоваться.

Тут снóва шум, и дискúссия поднялáсь вокрúт ёжика. Все жильцы, конéчно, поднапёрли в кúхню. Хлопóчут. Инвалíд Гаврýлыч тóже является.

– Что éто, – говорít, – за шум, а дрáки нéту?

Тут срáзу пóсле éтих слов и подтвердýлась дрáка. Началóсь.

А кúхонька, знáете, úзкая. Дрáться неспосóбно. Тéсно. Кругóм кастрюли и примусá. Повернúться нéгде. А тут двенáдцать человек впёрлось. Хóчешь, напóришь, одногó по хáре смáзать – трóих крбéшь. И, конéчное дéло, на всё натыкáешься, пáдаешь. Не то что, знáете, безнóгому инвалíду – с тремá ногáми устоять на полú нет никакóй возмóжности.

А инвалíд, чёртова пéречница, несмотрý на éто, в сáмую гúщу впёрся. Ивáн Степáныч, чей ёжик, кричít емý:

– Ухóди, Гаврýлыч, от грехá. Глядú, послéднюю нóгу оборвúт.

Гаврýлыч говорít:

– Пуцáй, говорít, ногá пропадáет! А тóлько, говорít, не могу я теперича уйтú. Мне, говорít, сейчáс всю амбúцию в кровь разбúлили.

А емý, действúтельно, в éту минúту ктó-то по мóрде съездил. Ну, и не ухóдит, накúдывается.

кумпол = башка

брык – tras

кинуться – jurnuti

мильтон = милиционер

очухаться – doći k sebi

вот те клюква – eto ti na!

нарсудья = народный судья

прописать ижицу – dati iŝibati

Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по кумполу. Инвалид – брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся. Является мильтён. Кричит:

– Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам.

«Вот те, – думают, – клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?»

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу.

1924 г.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Что вы знаете о следующих понятиях? В случае затруднений обращайтесь к словарю или в Интернет:

Коммунальная квартира, гражданская война, бой, драка, кооперация, дискуссия, безногий инвалид, компресс, персонал, милиция, мильтон, нарсудья, прописать ижицу.

2. Какую часть тела обозначают следующие имена существительные:

Башка, рожа, харя, амбиция, морда, кумпол.

3. Выберите из правого столбца синонимы словам и выражениям из левого столбца:

оттяпать	набрасываться
горячиться	упасть на пол
жиличка	оторвать
поднапереть	ударить по лицу
впереться	нервничать
смазать по харе	жительница
накидываться	войти вопреки желанию других
брык на пол	навалиться

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:
 1. Как рассказчик объясняет причину драки в коммунальной квартире?
 2. Когда произошла драка?
 3. Что её вызвало?
 4. Перечислите участников драки.
 5. Опишите место драки.
 6. Кто оказался жертвой драки?
 7. Кто и как остановил драку?
 8. Знали ли участники ссоры, почему дерутся?
 9. Какой приговор вынес нарсудья по поводу драки?
2. Вставьте в предложения глагол нужного вида:
 1. Недавно в нашей коммунальной квартире драка... (*происходила/произошла*).
 2. Тут, конечно, ... от этих слов Дарья Петровна Кобылина (*вспыхивала/вспыхнула*).
 3. Шум у них ..., грохот, треск (*поднимался/поднялся*).
 4. Тут сразу после этих слов и ... драка (*подтверждалась/подтвердилась*).
 5. Тут какой-то паразит за милицией ... (*кидался/кинулся*).
 6. ... народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не ... (*бросался/бросился*).
 7. А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – ... ижицу (*прописывал/прописал*).
3. В каком времени ведётся рассказ? Какой эффект достигается употреблением настоящего времени для рассказа о прошлом событии?
4. Просторечным словам и выражениям подберите эквиваленты, соответствующие нормам современного русского языка:

Завсегда, об это время, промежду прочим, положьте, не разрешу ёжиками воспользоваться, драться неспособно, конечное дело, чего взято, нету, пущай, теперича.
5. Проверьте по словарю значение устойчивых выражений. Объясните, какую цель преследует их употребление в тексте:

От чистого сердца, провались совсем!, дьявол!, подавитесь (своим ёжиком), на трудовые гроши, Что за шум, а драки нет?, чёртова перечница, уходи от греха, прописать ижицу.
6. Определите, какие стилистические приёмы использованы в следующих выражениях:

Дрались от чистого сердца; по мелким пустякам; дерётся грубо, как в тумане; мужчина пузатый, но нервный; работаю ровно слон; постороннему чужому персоналу; с тремя ногами устоять; инвалид – брык на пол; лежит на полу, скучает.

Баня

Говорят, граждане, в Америке бани отличные.

Тудá, напริมёр, граждáнин придёт, скинет бельё в особóый ящик и пойдёт себе мыться. Беспоко́иться да́же не бу́дет – мол, кра́жа и́ли пропа́жа, номерка́ да́же не возьмёт.

Ну, мо́жет, инóй беспокóйный америкáнец и ска́жет ба́нщику:

– Гут бай, де́скать, присмотрí.

То́лько и всегó.

Помóется э́тот америкáнец, наза́д придёт, а ему́ чистое бельё пода́ют – сти́раное и гла́женое. Портя́нки небóсь белее́ сне́га. Подштáнники зашíты, заплáтаны. Житы́шко!

А у нас ба́ни то́же ничегó. Но ху́же. Хотя́ то́же мы́ться мо́жно.

У нас то́лько с номерка́ми беда́. Про́шлую суббо́ту я пошёл в ба́ню (не е́хать же, ду́маю, в Аме́рику), – да́ют два номерка́. Оди́н за бельё, друго́й за пальто́ с ша́пкой.

А го́лому челове́ку куда́ номерки́ деть? Пря́мо сказа́ть – не́куда. Карма́нов не́ту. Круго́м – живóт да но́ги. Грех оди́н с номерка́ми. К бороде́ не привя́жешь.

Ну, привя́зал я к нога́м по номерку́, чтоб не враз поте́рять. Вошёл в ба́ню.

Номерки́ тепériча по нога́м хло́пают. Ходи́ть скучно́. А ходи́ть на́до. Потому́ ша́йку на́до. Без ша́йки како́е же мытьё? Грех оди́н.

Ищу́ ша́йку. Гляжу́, оди́н граждáнин в трёх ша́йках мо́ется. В одно́й стои́т, в друго́й башку́ мылит, а тре́тью ле́вой руко́й приде́рживает, чтоб не спёрли.

Потяну́л я тре́тью ша́йку, хоте́л, ме́жду про́чим, её себе́ взять, а граждáнин не выпущáет.

ба́нщик – kupališni službenik

портя́нка – obojak

подштáнники – gaće

Житы́шко! – Е, to ti je život !

враз – u isti mah

ша́йка – kablica, vedro (vjedro)

спереть – vješto ukrasti

– Ты что ж это, – говорит, – чужие шайки воруют? Как ляпну, говорит, тебе шайкой между глаз – не зарадуешься.

Я говорю:

– Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо же, говорю, и другим помываться. Не в театре, говорю.

А он задом повернулся и мбется.

«Не стоять же, – думаю, – над его душой. Теперича, думаю, он нарочно три дня будет мыться».

Пошёл дальше.

зазеваться – zagledati se,
zablenuti se u što

Через час гляжy, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался – не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть нeгде. А стоя мыться – как же мытьё? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

батюшки-светы – za boga miloga!
ako boga znaš!
самосильно – samostalno,
svojim snagama

А кругом-то, батюшки-свeты, стирка самосильно идёт. Один штаны мбет, другой подштанники трёт, третий ещё что-то крутит. Только, скажем, вымылся – опять грязный. Брызжут, дьяволы. И шум такой стоит от стирки – мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

«Ну их, – думаю, – в болото. Дома домойсь».

предбанник – svlačionica ispred
parnog kupališta

Иду в предбанник. Выдают на номер бельё. Гляжу – всё моё, штаны не мой.

эвон = вон

– Граждане, – говорю. – На моих тут дырка была. А на этих эвон где. А банщик говорит:

– Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают – номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок – нету номерка. Верёвка тут, на ноге, а бумажки нет. Смылась бумажка.

обождать = подождать

дрянь – smeće

гривенник – grivenik,
novčić od 10 kopjejski

Подаю банщику верёвку – не хочет.

– По верёвке, – говорит, – не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижёт верёвок – полт не напасёшься. Обожди, говорит, когда публика разойдётся – выдам, какое останется.

Я говорю:

– Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рваный, другого нету. Что касается пуговиц, – то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Всё-таки выдал. И верёвки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл.

Вернулся снова. В пальто не пускают.

– Раздевайтесь, – говорят.

Я говорю:

– Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дадут.

Не дадут – не надо. Пошёл без мыла.

Конечно, читатель может любопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник. 1924 г.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Объясните значение следующих слов и выражений:

Гут бай, банщик, пропажа, портянки, подштанники, заплатаны, шайка, башка, предбанник, ляпнуть между глаз, зазеваться, само-сильно, царский режим, болото, публика, дрянь, гривенник.

2. Выберите из правого столбца синонимы словам из левого столбца:

враз	поинтересоваться
спереть	не хочется
ляпнуть	специально
нарочно	цена
зазеваться	подождать
настричь	украсть
неохота	нарезать
напасть	ударить
обождать	накопить
стоимость	задуматься
полюбопытствовать	одновременно

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Ответьте на вопросы:

1. Какие бани хвалит рассказчик? 2. Как он оценивает русские бани? 3. На какой недостаток указывает? 4. Какие неудобства вызывают номерки в банях? 5. Как наш герой вышел из положения? 6. Какая следующая проблема возникла у него? 7. Когда и как он достал шайку? 8. Удалось ли ему вымыться и почему? 9. Выдали ли герою его бельё? Пальто? 10. По каким приметам герою выдали пальто? 11. Почему он опять вернулся в баню? 12. Выдали ли ему мыло?

2. Образуйте инфинитив от следующих глаголов:

Придёт, скинет, пойдёт, возьмёт, скажут, помоемся, подадут, привяжешь, ищу, гляжу, спёрли, воруеться, зарадуешься, трёт, брызжут, домоюсь, смылась, настрижёт, разойдётся.

3. Вставьте подходящий глагол движения:

1. В баню, например, гражданин ..., скинет белье в особый ящик и ... себе мыться. 2. Помоемся этот американец, назад ..., а ему чистое бельё подадут – стирное и глаженое. 3. Прошлую субботу я ... в баню (не ... же, думаю, в Америку), – дают два номерка. 4. ... я в баню. 5. Номерки по ногам хлопают, ... скучно. 6. Надеваю эти штаны, ... за пальто. 7. Обожди, говорит, когда публика ... – выдам, какое останется. 8. Одедся я, ... на улицу. 9. Не дают – не надо. ... без мыла.

4. Просторечным разговорным словам и выражениям подберите эквиваленты, соответствующие нормам современного русского литературного языка:

Дескать, небось, (карманов) нету, (чтобы не) враз (потерять), теперича, (чтоб) не спёрли, башка, не выпускает, тую шайку, эвон где, полтъ не напасёшься, обожди, что касасемо пуговиц, (в пальто) не впускают.

5. Определите, к какому типу относятся следующие причастия, от какого глагола образованы:

Стиранный, глаженный, зашиты, заплатаны, забытый.

6. Сгруппируйте данные слова в семантические гнёзда:

мытьё

потеря

одежда

Баня, бельё, портянки, подштанники, кража, мыться, пропажа, стираный, банщик, пальто, шапка, потерять, шайка, помыться, чистый, мылить, спереть, выпустить из рук, воровать, мыло, стирка, штаны, тереть, вымыться, брызгать, грязный, раздеваться, предбанник, смыться, взять, одеться.

7. В следующих глаголах выделите приставки. Объясните, какой оттенок они вносят в значение глагола:

Придёт, пойдёт, беспокоиться, присмотри, подают, выдаю, защиты, заплатаны, привязал, вошёл, придерживает, не выпускает, потянул, не зарадуешься, замечтался, зазевался, домоюсь, надеваю, раздеваться, смылась, вымыться, настрижёт, любопытствовать.

РАЦИОНАЛЬНАЯ И СХЕМАТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ РОМАНА

Борис Андреевич Пильняк

(наст. фамилия Bogáу)
1894, Можайск – 1938, Москва

Автор повестей и романов. Окончил Московский коммерческий институт (1920). Борис Пильняк вошёл в литературные круги в самом начале 1910-х годов: в марте 1909 г. был опубликован его первый текст, а настоящая карьера началась в 1915 г., когда в журналах печатается ряд рассказов (*Юра*, *Нохм*, *ишъ-гамъ-зу*, *Земское дело*), уже под псевдонимом Пильняк.

Идея «соборности», лежащая в основе культурологической концепции Пильняка, была воспринята им через русскую философскую традицию (философию Вяч. Иванова и Н. Бердяева).

Голый год (1922), представляющий собой монтаж разнородных прозаических фрагментов, до сегодняшнего дня считается моделью русского авангардистского романа, который обеспечил Пильняку место классика русской литературы XX века. По словам А. Флакера, *Голый год* был крупной попыткой охватить новой формой романа историческую тотальность революционной России 1919 года: «Созданный Пильняком тип романа вроде бы соответствовал динамике истории: по отношению к традиционному русскому роману *Голый год* создавал впечатление осколочности, неувязанности,

“распадения” привычных форм, господствовавших в русском романе эпохи реализма». В тематических рядах романа появляются дегенерированная, старая княжеская семья Ордыниных, анархистская коммуна, большевик Архипов и «кожаные куртки», Китай-город и деревенская стихия. Кульминационными главами центральной части романа являются два «триптиха». Первый триптих – «Смерти» – заканчивается «самой тёмной» частью на станции Разъезда Мар. Второй триптих – «Большевикам» – заканчивается «самой светлой» частью. В этой части развивается мотив встречи большевика с дворянкой, выносится идея о гуманном будущем (что, по словам А. Флакера, представляет собой «оптимальную проекцию»). Последняя часть – «Заключение», с подзаголовком «Материал, в сущности» – вновь строится как триптих.

В. Шкловский, по словам А. Флакера, писал о конструктивности романа Пильняка: «В *Голый год* вошла большими кусками новелла из первой книги Пильняка *Быльё*. [...] Роман Пильняка – сожителство нескольких новелл. Можно разобрать два романа и склеить из них третий. Пильняк иногда так и делает. Для Пильняка основной интерес построения вещей состоит в фактической значимости отдельных кусков и в способе их склеивания». А. Флакер подчёркивает, что «способ их склеивания» или, по Гофману, «сшивания», обозначает то же самое, что и термин, присущий искусству кино, – *монтаж*. О связывании фрагментов произведения образно выразился Е. Замятин: «Повести Пильняка можно разрезать на куски как дождевого червя, и каждый кусок поползёт своей дорогой».

Роман отличается орнаментальным стилем, стилем, характеризующимся особой экспрессией и метафоричностью. А. Флакер пишет, что в статье «Новая русская проза» Е. Замятин выделил композиционные приёмы автора *Голого года*: «В композиционной технике Пильняка есть очень своё и новое – это постоянное пользование приёмом “смещения плоскостей”. Одна сюжетная плоскость – внезапно, разорванно – сменяется у него другой иногда по несколько раз на одной странице».

Из-за *Повести непогашенной луны*, напечатанной в 1926 году в журнале «Новый мир», произошёл шумный скандал. Повесть представляет собой версию гибели М. Фрунзе (в тексте неименованного), военачальника Красной армии (автор всё-таки подчёркивал, что не это явилось поводом для написания, а «желание поразмышлять»). Главное лицо – командарм Гаврилов – обязан выполнить приказ самого «Верховного»: он должен подвергнуться (ненужной, как оказывается) операции. Гаврилов выполняет приказ, твёрдо зная, что этот приказ приведёт его к смерти.

Гротескный образ Пильняк рисует в повести *Красное дерево* (1929, за рубежом), показывая как человек-волк вытесняет из жизни честных и духовных людей. Советская критика резко отозвалась о повести.

А. Ауэр подчёркивает, что идея, ставшая повелительницей творческого сознания Пильняка, – объединение людей в жизни «духа»: «Не случайно именно она обретает особую значимость в уже написанном романе *Голый год* и в будущих романах *Машины и волки* (1923–1924), *Волга впадает в Каспийское море* (1930)».

Пильняк стал жертвой сталинских репрессий.

ГОЛЫЙ ГОД (отрывки)

Вступление. Ордынин-город

томиться – mučiti se
удушье – gušenje

В 1914 году, в июне, в июле горели красными пожарами лес и травы, красным диском вставало и опускалось солнце, томились люди в безмерном удушьи.

В 1914 году загорелась Война и за ней в 1917 году – Революция.

В древнем городе собирали людей, учили их ремеслу убивать и отсылали – на Беловежские болота, в Галицию, на Карпаты – убивать и умирать...

взятка – mito
несуразно – nerazmjerno
почесть долгом – smatrati obvezom
верста – 71 km
как угорелые – kao ludi

В девятьсот шестнадцатом году провели мимо Ордынина к заводу железную дорогу, – и последний раз схитрили купцы, «отцы города»: инженеры предложили городу дать взятку, и отцы города изъявили на то полное своё согласие, но назначили столь несуразно мало, что инженеры почли долгом поставить станцию в десяти верстах, на заводе. Поезда пробегали мимо города, как угорелые, – и все же первый поезд встречали обыватели, как праздник, – вываливали к Вблоге, а мальчишки для удобства залезали на крыши и ветлы.

ветла – bijela vrba

И первый поезд, который остановился около самого Ордынина, – это был революционный поезд...

канонный – kanonski, uzorni

По древнему городу, по мёртвому Кремлю ходили со знамёнами, пели красные песни, – пели песни и ходили толпами, когда раньше древний, канонный купеческий город, с его монастырями, соборами, башнями, обульженными улицами, глухо спал, когда раньше жизнь теплилась только за каменными стенами с волкодавами у ворот. Кругом Ордынина лежали леса, – в лесах загорались красные петухи барских усадеб, из лесов потянулись мужики с мешками и хлебом...

волкодав – vučjak

В городе – голод, в городе скорбь и радость, в городе слёзы и смех. Над городом идут весны, осени и зимы. По новой дороге ползут мешочники, оспа и тиф...

Изложение

Глава I. Здесь продаются пѣматоры

В городе, городское, по-городскому. Древний город мёртв. Городу тысяча лет.

марево – sumaglica

Знойное небо льёт знойное марево, и вечером долго будут жёлтые сумерки. Знойное небо залито голубым и бездонным, церкви, монастырские переходы, дома, земля – горят. Сон наяву. В пустынной тишине бьют стеклянным звоном колокола в соборе: – дон, дон, дон! – каждые пять минут. Этими днями – сны наяву.

На монастырских воротах красная вывеска с красной звездой: –

Совдеп = Совет депутатов

– Отдел Народной Охраны Ордынского Совдепа.

часовой – stražar

келля – čelija

неуёмный – neumorni

У монастырских ворот часовой. И из дальних келий несутся в пустыню дня неуёмные звуки кларнета, – то учится играть на кларнете начальник народной охраны товарищ Ян Лайтис... Ночами похож монастырь, как Василий Блаженный, на декорации из театра... Стоит Ордынин в Закамье, – к южному краю небесному степи, к северному – лесу да болота, к востоку – горы. Стоит Ордынин на холме, над рекою Вологию, в лесах, город из камня. И неизвестно, кто по кому: князя ли Ордынины прозвались по городу, или город Ордынин по князьям прозвался?

закрой – svod

Последний раз город жил семьдесят лет назад. Была у России такая эпоха, – черт его знает, как назвать эту эпоху! – когда и России-то собственно не было, а было некое бесконечное, в зное засохшее пространство с полосатыми верстами, мимо которых мчались

прочесть подпись – potvrditi
svoju lojalnost
вымороченный – uokvireni

будка – stražarnica
застава – branik
подорожные – putne isprave za
dobivanje poštanskih konja

киноварь – crvena boja
пилястра, пилястр – okomit
četverobridni plosnat stup
priljubljen uza zid, pilastar
простенок – dio zida između
vrata i prozora
наличник – okvir oko prozora/vrata

холуйский – sluganski, servilan

заводь – zaljev

похлёбка – čorba

дозор – patrola

до Петербурга чиновники, с тем, чтобы перед императором там прочесть свою заливхвátскую подпись, – и у чиновников не было лиц, а было нечто, вымороченное в синее – казённое – жандармское сукно; – недаром по июльскому зно́ю – по Гóголю – в те дни мчáлись чиновники в шубах, – мчáлись с тем, чтобы у застáв, в полосáтых б́удках, менять подорóжные и проезжáть городá с приглуш́енными глухаря́ми. Б́ыло у Росси́и в те дни лицó выморочено, как у чиновников, походíли те дни на испепеля́ющий июль, тот, что принóсит гóлод и з́асуху... И от этой эпо́хи остáлся в Кремл́е, у застáвы, прóтив монасты́рских ворóт, дом, – холу́йской архитекту́ры! – с полосáтой б́удкой у ворóт, вы́крашенный в кинова́рь, но с бе́лыми пиля́страми в ка́ждом простéнке и с голу́быми нали́чниками...

Прóтив дóма монасты́рские ворóта, справа собóрная плóщадь, исхо́женная столéтиями, истомл́енная мнóгими зно́ями, за собóрную плóщадью орды́нинский дом, тóже архитекту́ры холу́йской (быв́ший – купцо́в Попко́вых!), сзáди обрýб, порб́сший медноствóльными со́снами. С холмá от застáвы видна́ река́ Во́лога, за рекóй, за поля́ми и за́водями, в лесáх далеко́ видны́: бе́лые колоко́льни, ренев́ские и ины́е. И за лéсом, в но́вых холмáх чёрные тру́бы торчáт: заво́да, – это уже́ инóе.

Зно́йное нéбо льёт зно́йное ма́рево, вéчером б́удут жёлтые сýмерки, – и вéчером под холмóм вспыхнут костры́: это б́удут голо́дные варíть похлёбку, те, что ты́сячами полз́ут в степь, за хле́бом, и из-под холмá понесóтся тоскли́вые пéсни. Гóрод б́удет уже́ спать: гóрод застарéл в воéнном положéнии. Нóчью по гóроду хóдят дозо́ры, бря́ца винто́вками...

Ины́е дни. Тепéрешний век.

У иссо́хшего в ревмат́изме сапо́жника Семёна Матв́еева Зило́това ско́шено иссо́хшее лицó на́сторону...

кардонка = картонка
вывеска – natpis

наяву – u zbilji, na javi
исполком = исполнительный
комитет
бальзамин – vrbica

в стать – lijepog stasa

фуражка – kačket

баста – dosta, gotovo!

голытьба – sirotinja

кавалергард – gardist carske
konjičke garde
ряса – svećenička mantija

краюха – okrajak

келейник – sluga u arhijereja

мурлыкать – presti

У Семёна Матвеева Зилотова, в подвальный окнѣ, кромѣ кардонки с сапогом, как раз против вѣвески:

– Отдѣл Нарѣдной Охраны Ордынскогo Совдѣпа, – приклѣено объявлѣние:

– Здѣсь продаются пѣмадѣры, – и нарисован краснѣй помидѣр.

Горят камни. В Кремлѣ пустѣinya. Инѣе дни. Сон наявѣ...

В монастырѣ љтром, в исполкомѣ (тѣже на оконцах здѣсь грѣлись бальзамѣны), в исполкомѣ собирались – знамѣние врѣмени – кожанѣе людѣи в кожанѣых куртках (большевикѣи!) – кѣждѣй в стать, кожанѣй красѣвец, кѣждѣй крѣпок, и кѣдри кольцами под фуражкой на затылок, у кѣждогo бѣльше всего вѣли в обтянутѣх скѣлах, в складках губ, в движѣниях утюжных, – и дерзѣнии, из русскоѣ рѣхлой, корѣвой нарѣднѣости – лѣчший отбѣр. И то, что в кожанѣых куртках, – тѣже хорошѣо: не подмѣчишь ѣтих лимѣнадом психолоѣгии, так вот постаѣвили, так вот знаѣем, так вот хотѣим, и – бѣста! Впрѣчем, Карл-Мѣркас никтѣо из них не читѣл, должнѣо быть. Пѣтр Орѣшин, поѣт, про них (про нас!) сказаѣл: «Или – вѣля голытьбѣе, ѣли – в пѣле на столбѣе!»...

И ещѣ – тем же љтром в монастырѣ, в дѣльней кѣлии за бальзамѣнами, у наугѣльной бѣшни, порѣсшей мѣхом, – мѣхом в молвѣ нарѣднѣой порѣсший архиепѣскоп Сильвѣстр писаѣл сочинѣние о «Великорѣссии, Релиѣгии и Револѣции». Бѣвший кавалергард и князь, мѣхом порѣсший сѣденький пѣпик в чѣрной рѣске, архиепѣскоп Сильвѣстр сидѣл у стѣлика в бумѣгах, и на стѣлике средѣ бумѣг лежала чѣрного хлѣба краѣха, и в высѣком кувшѣне стояла водѣа из ключѣа. В бальзамѣнах оконцѣ бѣло высокѣо, а у двѣри сидѣл чѣрный монашек-келѣйник, одѣин и случѣйный в девѣчьѣм монастырѣ. Пѣпик, мѣхом порѣсший, писаѣл поспѣшѣя, и монашек, в забытѣи, старорусскѣе пѣсни мурлыкаѣл, зноѣясь в знѣе...

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Какие годы упоминаются во «Вступлении»? Что происходило в те годы? Расскажите, что вы знаете о Первой мировой войне и революции 1917 года.
2. Проверьте в словарях и Интернете значение топонимов и гидронимов, если возможно, покажите их на карте:

Беловежские болота, Галиция, Карпаты, Ордынин, Закамье, Волога, Россия, Петербург, Великороссия.

3. Дайте хорватские эквиваленты следующих архаизмов и историзмов:

Купец, верста, кремль, собор, барская усадьба, совдеп, часовой, товарищ, князь, чиновник, император, жандарм, полосатая будка, подорожная, застава, холуйская архитектура, киноварь, пилястры, соборная площадь, дозор, винтовка, исполком, большевик, фуражка, кавалергард.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Каким образом связаны «Вступление» и «Изложение»? Проанализируйте словосочетания *древний город, мёртвый город*.
2. В какое время года происходят описываемые во «Вступлении» и «Изложении» события? Определите стилистические приёмы, лежащие в основе следующих выражений:

Красный диск солнца; томились люди в безмерном удушии; знойное небо льёт знойное море; знойное небо залито голубым и бездонным; церковки, монастырские переходы, дома, земля – горят; пустынная тишина; пустыня дня; в зное засохшее пространство; июльский зной; испепеляющий июль, тот, который приносит голод и засуху; горят камни; в Кремле пустыня; на оконцах грелись бальзамины; знаясь в зное.

3. Правильно прочитайте числительные:

В 1914 году, в 1917 году, в 1916 году, в 10 верстах, городу 1000 лет, каждые 5 минут, 70 лет назад.

4. Вспомните управление следующих глаголов. Поставьте существительные в нужный падеж:

Учить (люди) (ремесло); провести (железная дорога); дать (взятка); изъять (согласие); ходить по (древний город); играть на (кларнет); стоять на (холм), над (река), в (леса); прозваться по (город) или по (князь); назвать (эпоха); мчаться до (Петербург); прочесть перед (император) (подпись); походить на (испепеляющий июль); приносить (голод и засуха); варить (похлёбка); ползти в (степь) за (хлеб); подмочить (лимонад психологии); читать (Карл-Маркс); писать (сочинение) о (Великороссия, Религия и Революция).

5. Сделайте анализ глаголов движения. Какие из них употреблены в прямом, а какие в переносном значении?

Провели железную дорогу; поезда пробегали мимо города; мальчишки залезали на крыши и вёты; по древнему городу ходили со знамёнами; ходили толпами; по новой дороге ползут мешочники, оспа и тиф; несутся неумные звуки кларнета; проезжать города с приглушёнными глухарями; июль, что приносит голод и засуху;

голодные тысячами ползут в степь; понесутся тоскливые песни; по городу ходят дозоры.

6. Проанализируйте с синтаксической точки зрения следующие предложения, выделите главные члены:

В городе – голод, в городе скорбь и радость, в городе слёзы и смех. В городе, городское, по-городскому. Городу тысяча лет. На монастырских воротах красная вывеска с красной звездой. У монастырских ворот часовой. Против дома монастырские ворота, справа соборная площадь, исхоженная столетиями, истомлённая многими зноями, за соборную площадь ордыннинский дом, тоже архитектуры холуйской (бывший – купцов Попковых!), сзади обрыв, поросший медноствольными соснами. Иные дни. Теперешний век.

7. Активные конструкции замените пассивными:

В древнем городе собирали людей. В девятьсот шестнадцатом году провели мимо Ордынина к заводу железную дорогу. Отцы города изъявили на то полное своё согласие. Голодные будут варить похлёбку. Архиепископ Сильвестр писал сочинение о «Великороссии, Религии и Революции».

8. Выберите из текста эпитеты. Какую смысловую нагрузку они несут?

9. Какой частью речи являются следующие слова? Определите тип причастия. От какого глагола оно образовано?

Обулыженный, залитый, засохший, вымороченный, приглушённый, испепеляющий, выкрашенный, исхоженный, истомлённый, поросший, иссохший, нарисованный, обтянутый.

10. Прочитайте описание большевиков. Какие стилистические приёмы использовал автор? Каково его отношение к большевикам?

Глава V. Смерти (Триптих первый)**Часть третья триптиха, самая тёмная**

... Пóезд № пятьдесят седьмóй-смéшанный пол-
зёт по чёрной степи́.

навоз – izmet

теплушка – zagrijan teretni vagon

нары – daščani ležaj

щель – pukotina

махорка – krdža (loš duhan)

люк – vrata na podu

рыдван – velika putnička kočija

шпала – željeznički prag

уплотишь = заплатишь

Люди, челове́ческие но́ги, ру́ки, го́ловы, живото́й, спи́ны, челове́ческий наво́з, – лю́ди, обсы́панные вша́ми, как э́тими людьмí теплу́шки... Лю́ди е́дут неде́лями. Все э́ти лю́ди давнó уже потеря́ли разли́чие ме́жду но́чью и днём, ме́жду гря́зью и чистото́й, и научи́лись спать си́дя, сто́я, вися́. В теплу́шке вдоль и поперёк в не́сколько ярусов на́сланы на́ры, и на на́рах, под на́рами, на полу́, на по́лках, во всех щеля́х, си́дя, сто́я, лёжа, прити́хли лю́ди... Во́здух в теплу́шке изга́жен челове́ческими желу́дками и махо́ркой. Но́чью в теплу́шке темнó, двéри и лю́ки закрýты. В теплу́шке хо́лодно, в щели́ ду́ет ве́тер. Кто-то хрипи́т, кто́-то че́шется, теплу́шка скрипи́т, как ста́рый рыдва́н. Дви́гаться в теплу́шке нельзя́, и́бо но́ги одно́го лежа́т на груди́ друго́го, а тре́тий засну́л над ни́ми, и его́ но́ги ста́ли у ше́и пе́рвого. И всё же – дви́гаются... Чело́век, у кото́рого, должно́ быть, изъе́дены лёгкие, инстинктивно́ жмёт-ся к двéри, и о́коло него́, отодви́нув дверь, лю́ди, мужчи́ны и же́нщины, отпра́вляют свой естéственные по́требности, свиса́я над ползу́щими шпа́лами и́ли приседа́я, – чело́век изучи́л во всех подро́бностях, как э́то де́лают, – все по-ра́зному...

Вчера́ на ма́ленькой ста́нции к ваго́ну подошла́ ба́ба. У дверёй сто́ял солда́т.

– Каса́тик, пусти́ Христá ра́ди! Ника́к не сядем, вишь, каса́тик, – сказа́ла ба́ба.

– Не́куда, те́тка! И не могí. Ника́ких местóв! – отве́тил солда́т.

– Христóм бо́гом...

– А чем уплóтишь?

– Уж как-нибу́дь...

– А в люботу́ игра́ешь?

столковаться – sporazumjeti se,
dogovoriti se

сыпной тиф – pjegavi tifus

изба – seoska drvena kuća, izba
скирда – stog (sijena)

разъезд – skretište

помёт – izmet

– Да уж как-нибудь... столкнёмся...

– Ага! Ну, полезай под на́ры. Там на́ша шинеля лежит. Эй, Семён, прими ба́бу!

Солда́тupoлз под на́ры, лю́ди столпи́лись круго́м, и се́рдце челове́ка сщеми́ло безме́рною сла́дкою бо́лью, зве́риным, – хоте́лось крича́ть, бить, бро́ситься к пе́рвой же́нщине, быть си́льным безме́рно и жесто́ким, и здесь, при лю́дях, наси́ловать, наси́ловать, наси́ловать! Мысль, благо́родство, стыд, стои́цизм – к че́рту! Зверь!..

На ста́нции, где по́езд повстреча́лся с рассве́том, лю́ди бегу́т за водо́й к пу́стым коло́дцам и к лу́жам, жгут ко́стры, что́бы согреться и ва́рить карто́шку, – и в опу́стевшей теплу́шке приме́тили мертвеца́: вчера́ стары́к му́чился в сыпно́м тифе, тепе́рь стары́к ме́ртв. Се́рая рассве́тная му́ть. Из че́рных щеле́й степны́х горизонто́в иде́т ве́тер, холо́дный и злой. Облака́ низки́, – поиде́т снег. Шпа́лы, теплу́шки, лю́ди. Горят ко́стры кра́сными огня́ми, па́хнет ды́мом. У ко́стров, где ва́рится карто́шка – пока́ ва́рится карто́шка – лю́ди снима́ют с себя́ руба́шки, ко́фты, штаны́, ю́бки, стра́хивают в о́гонь вшей и да́вят гнид. Лю́ди е́дут неде́лями – в степь! за хле́бом – не́ту хле́ба, не́ту со́ли. Лю́ди жа́дно е́дят карто́шку.

По́езд остано́вился и бу́дет сто́ять су́тки, две́е су́ток... На рассве́те со́тнями лю́ди разбреда́ются по окрестны́м деревня́м, и в деревня́х (чем да́льше в степь, тем ни́же из́бы, тем вы́ше ски́рды), разби́вшись ма́лыми ку́чками, лю́ди мо́лят Христа́ ра́ди. Ба́бы сто́ят под о́кнами, кла́няются и пою́т:

– Пода́йте мииииилостыньку Христааа раааа-ди!...

На «Разъезде Мар» поезда́ сто́ят су́тками. И днём и но́чью горя́т ко́стры и вокру́г ста́нции то́лпы наро́да. В коло́дце и в лу́жах нет уже́ ни ка́пли водо́й. И за водо́й бе́гают за две версты́, на ре́чку. Нельзя́ прой́ти двух шаго́в, что́бы не угоди́ть в челове́ческий поме́т.

торчать – stršiti

обшлаг – posuvratak na rukavu

станционная изба – kuća
upravitelja željezničke postaje
полководец – vojskovođa

теплушка – zagrijan teretni vagon
староста – voda, starješina;
 starosta (u carskoj Rusiji)

армеец – vojnik

Санитарные теплушки забиты больными. От продовольственного поезда, где строго торчат пулемёты, несётся весёлые песни, гремит десяток гармоник. Кругом стон, вопль, плач, мольбы, проклятья. Дежурный с начальником отряда говорит коротко, двумя словами, – дежурный хорошо знает, что такое поглядить обшлаг обшлагом, – дежурный может отправить поезд через десять минут и может держать его сутки, – дежурный может принять и отправить поезд ночью, когда заградители «не работают за отсутствием света», – и у дежурного – женщины, вино, деньги, новые платья, отличный табак, конфеты Эйнемá и Сиу...

На «Разъезде Мар» поезд останавливается медленно, глухо, скрипят колёса... На минуту у станционной избы появляется дежурный, говорит, как полководец.

Тишина.

Шёпот.

И по теплушкам бегут поспешно старосты.

В теплушке мрак. Староста задвигает за собою дверь. В теплушке безмолвие.

– Што? – спрашивает кто-то хрипло. Староста дышит поспешно и, кажется, радостно.

– Бабоньки, девоньки, – к вам! – говорит староста поспешным шёпотом. – Велел девок да баб, которые получше, посылать к им, к армейцам, – сам, говорит, ничего не могу...

И в теплушке безмолвье, лишь дышит староста.

– Девоньки, бабоньки, – а?

Тишина.

– Надо бабам идти! Ничего не поделаешь, – говорит кто-то хмуро. – Хлеб, хлеб везём!

И опять безмолвие.

– Что же, Манюшь, – пойдём... – голос звучит, как лопнувшая струна.

сторожко = осторожно

исделаешь = поделаешь

гимнастёрка – vojnička bluzа

мотри = смотри

ситец – katun, сiс

драп – debelo sukno, čоha

похабный – prostački

Из теплúшек, во мраке, в снег, вылезáют сторóжко жéнщины, и за нíми поспéшно задвигáются двéри. Жéнщины безмóлвно, без слов, собираются кúчкой. Ждут. Гудя́т гдé-то рядом проводá. Подходит ктó-то, всмáтривается, говорíт шéпотом:

– Собралíся, – все?.. Пойдёмтя... Ничегó не исдéлаешь... Хлеб. Выручáйте, бáбоньки-дéвоньки... Котóрые дéвоньки целы́ — вы не ходíте, что-ли-ча... уж што уж...

Затём жéнщины дóлго стоят у зáдней теплúшки продовóльственного пóезда, – покá не прибегáет парнíшка в распóясанной гимнастёрке:

– А, бáбы! Натерпéлися?! Бáбов нам нáдо – по пёрвое числó! – говорíт он вéсело. – Да вас цéлое стáдо? Ишь! – стóлько не трéбуется, – ишь разохóтились! Выбирáй, бáбы, дéсятка полторá, котóрые покрáше. Да – мотрí! – чтóбы здоровы!..

Ночь. Пáдает, пáдает снег. Гудя́т проводá. Гудíт вéтер. Трепéщут огнí кострów. Ночь.

В контóре óколо дежúрного толпáются стáросты и, изменяя голосá на какóй-то нелéпо-слáдостный и гúсто-писклíвый, наперебóй, коря́чась, угощáют дежúрного – дýньками, спíртиком, коньячíшкой, папирóсками, табач-кём, сítчиком, дра́пцем, чайкём... Дежúрный, чтóбы скоротáть ночь, фельдмáршальски рассказывáет похáбные анекдóты, и стáросты гнúсно-рáдостно смеются, опуска́я стыдлíво глазá. На рассвёте пóезд № пятьдéсят седьмóй-смéшанный свистíт, дёргается, тóчно срыва́ются позвонкí позвоно́чного столбá, и – ухóдит с «Разъéзда Мар».

Хлеб!..

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Какие два поезда описаны в главе «Смерти»? Куда они едут, с какой целью?
2. По предлогу определите падеж существительного, составьте словосочетания:

По (степь), между (ночь и день), между (грязь и чистота), на (нары), под (нары), на (пол), на (полки), в (теплушка), на (грудь), в (щель), у (шея), к (дверь), над (шпалы), к (вагон), на (станция), у (двери), к (женщина), с (рассвет), за (вода), к (колодцы), к (лужи), из (щели), у (костры), на (рассвет), под (окна), в (колодец), на (речка), от (поезд), с (начальник), по (теплушки), из (теплушки), в (снег), в (гимнастёрка), с (разъезд).

3. Какой частью речи являются слова: *лёжа, вися, сидя*? Образуйте от глаголов деепричастия:

Потерять, научиться, притихнуть, дуть, скрипеть, заснуть, двигаться, отодвинуть, отправлять, свисать, приседать, изучить, делать, подойти, пустить, играть, щемить, кричать, броситься, насиловать, повстречаться, согреться, приметить, снимать, остановиться, разбиться, разбредаться, бегать, нестись, знать, принять, отправить, задвигать, спрашивать, посылать, дышать.

4. Каким образом могут люди сесть в поезд? Прочитайте по ролям диалог бабы и солдата. Охарактеризуйте их речь. Как автору удалось передать звучание крестьянской речи? Приведите примеры.
5. Прочитайте описание продовольственного поезда. Сравните его с описанием поезда номер 57.
6. Попытайтесь объяснить название главы «Смерти». Почему название употреблено во множественном числе? О каких смертях говорится: физических или духовных? Докажите своё суждение.
7. С кем сравнивает автор человека? С кем ассоциирует дежурного по станции? Почему одно и то же время превращает одних людей в «зверей», а других в «полководцев»? Что является решающим рычагом такого превращения?

8. Определите способ образования следующих слов:
Бабоньки-девоньки, нелепо-сладостный, густо-пискливый, гнусно-радостно, пятьдесят седьмой-смешанный.
9. Прочитайте слова. Обратите внимание на суффиксы. Какой оттенок значения они придают существительным?
Речка, бабоньки, девоньки, парнишка, дыньки, спиртик, коньячишко, папироски, табачок, ситчик, драпец, чаёк.
10. Где встретились два поезда? Как описана обстановка на разъезде?
11. От кого (от чего) зависит, сколько времени будет стоять поезд на разъезде?
12. Каким образом поезд номер 57 получил разрешение на дальнейшее следование?
13. Докажите, что «голый год» = голодный год.
14. Выберите из текста лексические единицы, рисующие «самую тёмную» обстановку третьей части первого триптиха.
15. Выберите ключевые предложения из данной главы. С их помощью перескажите эту часть.

**Глава VI. Предпоследняя. Большевики
(Триптих второй)**

Часть третья триптиха (самая светлая).

бузина – bazga, zova
репы = репейник – čičak

булыжина – kamen pločanik

изразец – keramička pločica

голландка – kaljeva peć

Над обрывом, над Вóлогою – Кремль, с красными его развалившимися, громóздкими стéнами, ко́и поросли́ бузинóй, ре́пьями и крапíвой. Послédние дома́, поста́вленные в Кремле́ при Никола́е I, ка́менные, больш́ие, многоокóнные, бéлые и жёлтые, – хмúры и велича́вы своим ста-робытьём. Улицы Кремля́ замощены́ огро́мными булы́жинами. Улицы иду́т кривы́е, с тупика́ми и закоу́лками, и на угла́х – це́ркви. Испепеля́ли Кремль мно́гие знóи, и мно́гие го́ды – го́лые го́ды – исходíли булы́жины мостовы́х...

По пусты́м булы́жинам в се́ром вéтре идёт челове́к в ко́жаной ку́ртке. Вéтер смета́ет жёлтые ли́стья... На друго́м бугре́ – стои́т больни́ца в стрóйных зе-лёных ёлочках, как святы́е у Не́стеров. Челове́к э́тот – Архи́п Ива́нович Архи́пов. Вéтер осéнный – всё ша́рит, всё раздува́ет, и ка́шель от вéтра осéнного. А в больни́це в кварти́ре врача́ Ната́лии Евгра́фовны – бревéнчатые стéны, па́хнет смоло́й от стен, пол в линóлеуме, ширóкие, по-но́вому, больш́ие óкна, и по линóлеуму идёт му́тный свет дня, огро́мных филодендро́нов, стола́ в бума́гах, бéлых изразцо́в пе́чи. Му́тен день, му́тны́ сýмки, а в ко́мнате светлó, как в ко́мнате, и в пёрвый раз ны́нче горíт голла́ндка.

– Садíтесь, Архи́пов, сюда́, на дива́н.

– Ничего́, спасíбо. Я здесь вот, у пе́чки...

Архи́пов обеими сво́ими рука́ми взял ру́ку Ната́лии Евгра́фовны. – Вы, Ната́лия Евгра́фовна, лу́чше о себе́ расска́жите. Вот что.

– Мне не́чего расска́зывать. Что же?..

– Ну, тогда́ я расскажу́. Я всё вре́мя заво́дом за́нят, в исполко́ме, в револю́ции. А когда́ оте́ц у́мер, о себе́ подумал. Рабо́тать на́до, – ну и рабо́тал. А то вот ещё́ что. Я к вам пришёл предложéние вам сде́лать – руки́. Парни́шкой я влюбля́лся, ну, грешíл с же́нщинами. А потóм прошлó. Я так ду́маю, дети́шки у нас бу́дут.

Работаем вместе, заодно. И ребятёнок вырастим, как надо. Хочется мне детишек разумных, а вы – поучёнее меня. Ну, да и я подучиваюсь. А оба мы молодые, здоровые. – Архипов склонил голову, Наталья Евграфовна не взяла руки своей из его рук.

– Да, хорошо, – она ответила не сразу. – Но я не девушка... Дети, – да, единственное. Я не люблю вас так, – ну, знаете...

Архипов поднял голову, взглянул в глаза Наталии Евграфовны, – были они прозрачны и покойны. Архипов поднёс неумело руку Наталии Евграфовны к своим губам и поцеловал тихо.

– Ну, вот. А что не девушка, – человека надо бы.

– Это всё холодно будет, неудобно, Архипов.

– Как? неудобно? – не понимаю я этого слова...

В столовой, где тоже бревенчатые стены, на столе в белой скатерти сверкает холодно никелем кофейник, поднос, подстаканники. Архипов пьёт с блюдечка, с пятерён, под кожаной курткой – жилетка, и косоворотка под жилеткой. Наталья Евграфовна в красной вязаной кофточке и в черной юбке, и волосы венцом – косами...

Архипов случайно коснулся плеча Наталии Евграфовны, лунный свет упал на Наталью Евграфовну, глаза исчезли во мраке, – нежно, женски-мягко прильнула Наталья Евграфовна к Архипову, прошептала чуть слышно:

– Милый, единственный, мой...

Архипов не нашёл, что ответить – в радости.

– Понимаете – жить, касатынька!

Собы кричат: по-человечески жутко, позвериному радостно. «Ведь человек не животное, чтобы любить как животное»...

Голые годы. Мрак. Ночь. Осень. Луна ползёт медленно, зелёная.

– Милый, единственный мой!

Наталья стоит у окна в кабинете, холодно поблёскивает линолеум, филодендроны разрослись

бревенчатый – od brvana

никель – nikal

подстаканник – metalni podmetač

s drškom za čajnu čašu

с пятерён – držeci u rukama

опотеть – zamagliti se
дробиться – sitniti se, usitnjavati se

во мраке. На окно падает лунный свет. Сегодня первый раз топили печь – опотели окна. Лунный призрачный свет дробится и отражается – в слезинках на стекле и в слезинках на глазах.

– Не любить – и любить. Ах, и будет уют, и будут дети, и – труд, труд!.. Милый, единственный мой! Не будет лжи и боли...

Глава VII. (Последняя, без названия)

Россия.

Революция.

Метель.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Прочитайте описание Кремля. Выделите использованные эпитеты. Какое впечатление они производят?
2. С какой целью пришёл Архипов к Наталье Евграфовне? Испытывает ли он серьёзные чувства к ней? Любит ли она его?
3. Почему Архипов решил сделать Наталье предложение? Как объясняет он свой выбор? Согласилась ли Наталья Евграфовна? Почему?
4. Выберите из текста слова и выражения, подтверждающие название главы «Самая светлая».
5. Дайте антонимы следующих лексических единиц:

Прямые улицы, узкие окна, ясный свет, темно, свободен, отдыхать, родиться, разлюбить, глуповатый, старый, больной, опустить голову, беспокойные глаза, уютно, тепло, чёрный, грубо, солнечный свет, глаза появились из мрака, прокричать во весь голос, от горя, день, весна, правда.

6. Раскройте скобки, поставив существительные в нужный падеж, падеж определите:

Над (обрыв), над (Волога) – Кремль, с (красные громоздкие стены). По (пустые бульжины) в (серый ветер) идёт человек в (кожаная куртка). Улицы идут кривые, с (тупики и закоулки), и на (углы) – церкви. На (другой бугор) – стоит больница в (стройные зелёные ёлочки), как святые у (Нестеров). Я всё время (завод) занят, в (исполком), в (революция). Архипов поднёс неумело (рука) (Наталья Евграфовна) к (свои губы). В (столовая) на (стол) в (белая скатерть) сверкает кофейник. Архипов пьёт с (блюдечко), с (пятерни), под (кожаная куртка) – жилетка, и косоворотка под (жилетка). Наталья Евграфовна в (красная вязаная кофточка) и в (чёрная юбка), и волосы (венец). Наталья стоит у (окно) в (кабинет), филодендроны разрослись во (мрак).

7. Выберите подходящий глагол движения. Объясните свой выбор:

Улицы ... кривые, с тупиками и закоулками, и на углах — церкви. (*идут/ходят*) Испекляли Кремль многие знои, и многие годы ... бульжины мостовых. (*исходили/изошли*) По пустым бульжинам в сером ветре ... человек в кожаной куртке. (*идёт/ходит*)

А в больнице в квартире врача Наталии Евграфовны – бревенчатые стены, пол в линолеуме, и по линолеуму ... мутный свет дня. (*идёт/ходит*) Я к вам ... предложение вам сделать – руки. (*пришёл/приходил*) Я грешил с женщинами, а потом (*прошло/проходило*) Архипов ... неумело руку Наталии Евграфовны к своим губам и поцеловал тихо. (*поднёс/подносил*) Луна ... медленно, зелёная. (*ползёт/ползает*)

8. Что собой представляет глава 7 романа? В виде чего представляет себе автор революцию? Какова позиция автора по отношению к революции? На какой ноте заканчивается роман?

ПОЭТИКА АБСУРДА

Данийл Ив́анович Хармс

(настоящая фамилия Ювачёв)

1905, Санкт-Петербург – 1942,
Ленинград

Автор произведений для детей, прозаических миниатюр (*Случаи*, 1933–1939), анекдотов, театральных сценок, драмы *Елизавета Бам* (1928), повести *Старуха* (1939), коротких историй, поэзии. Масок или псевдонимов у писателя было много, около тридцати: Даниэль, Д. Х., Ххармс, Хаармсъ, Дандан, Даниил Дандан, Чармс, Хармс, Хаармс, Хормс, Хармс-Дандан, Даниил Шарм, Шардам, Гармониус, Ювачёв-Хармс и т. д. В литературных кругах славу приобрёл под своим выдуманным ещё в 17 лет псевдонимом «Хармс». Мистификация или – как пишет А. Александров – «подобная игра в многоликого Даниила представляет собой особый вид творчества. [...] Смена псевдонимов часто сопровождалась сменой литературных масок».

Даниил Хармс был принят в Союз поэтов в 1926 году. Одно время он выступал на литературных вечерах вместе с А. Введенским и А. Туфановым, иногда и с Н. Клюевым. Их называли «заумниками», хотя Хармс и Введенский в раннюю пору своего творчества предпочитали называть себя «чинарями».

Хармс был центральной фигурой и одним из наиболее одарённых членов группы «Обериу», возникшей из «чинарей» на закате авангарда

(Ж.-Ф. Жаккар, ведущий мировой хармсолог, определяет Хармса именно как завершителя русского авангарда), в конце 1927 года. Группа – в состав которой входили: Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Юрий Владимиров, Игорь Бахтерев, Дойвбер (Борис Михайлович) Левин и др. – впервые публично выступила 24 января 1928 года в ленинградском Доме печати, организовав славный вечер «Три левых часа». На страницах информационного бюллетеня, выпущенного Домом печати, в начале 1928 года был опубликован манифест новой группы. В манифесте аббревиатура объясняется следующим образом: ОБ [объединение] ЭР [реального] И [искусства]. Конечное У – говорили современники – поставлено ради смеха. Ж.-Ф. Жаккар утверждает, что хармсовская эстетика и поэтика эволюционировали от «реального искусства» в поэзии к абсурду в прозе, что связано с крушением глобального замысла поэта – познать реальность во всей полноте.

М. Лотман художественные структуры разделяет на те, которые содержат в своей основе эстетику тождества, и те, в основе которых лежит эстетика противопоставления. Первая категория основывается на полном отождествлении изображаемых явлений жизни с уже известными аудитории и вошедшими в систему правил моделями-штампами. Другой класс структур будут составлять системы, кодовая природа которых не известна аудитории до начала художественного восприятия. Это – эстетика не тождества, а противопоставления. Привычным для читателя способом моделирования действительности художник противопоставляет своё, оригинальное решение, которое он считает более истинным. Бесспорно, авангард со своим подчёркнутым отношением к действующим литературным принципам (канонам), спорами с ними (традиция как материал негации и деформации) и стремлением к образованию новых форм, создаваемых на фоне реалистической литературной системы как её оспаривание, принадлежит к явлениям, основанным на эстетике противопоставления. Так, например, о Хармсе в декларации обериутов сказано: «[...] поэт и драматург, внимание которого сосредоточено не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на новый лад, хранит в себе “классический” отпечаток и в то же время представляет собой широкий размах обэриутского мироощущения». Следовательно, в основе поэтики Хармса лежит отклонение от нормы и установление своих новых правил. Оспаривая весь инструментарий канонизированной литературы (фабулу, сюжет, рассказчика, героя,

язык), вводя фантастику, гротеск, алогизм, немотивированность событий (в том числе – немотивированность поведения персонажей), пародию, иронию, чёрный юмор, он создает мир абсурда, модель неуравновешенного и застывшего городского быта.

По словам А. Флакера, одной из основ поэтики Хармса является абсурдное накопление бытовых деталей, жестов и речевых штампов: «[...] так что заглавие его текста “Постоянство веселья и грязи” (1933) с повторяемыми знаками быта – “дворником с чёрными усами” и “топотом ног и звоном бутылок” [...], можно считать эпиграфом к “схватке с бытом”, развернувшейся в поэзии русского авангарда 20-х годов». Основополагающим приёмом его прозы Ж.-Ф. Жаккар считает приём зачатка фабулы, но не и дальнейшего её развития.

Хармс был арестован дважды – в 1931 и 1941 гг., а умер в 1942 году, во время блокады Ленинграда. Друг писателя – Яков Друскин – сохранил его архив.

Реабилитирован Хармс спустя много лет, в 1956 году, но его произведения всё-таки не печатались на его родине вплоть до 1989 года, а распространялись в самиздате или за рубежом, часто с ошибками.

Случаи

Голубая тетрадь № 10

Жил оди́н ры́жий челове́к, у кото́рого не́ было
глаз и уше́й. У него́ не́ было и волос́, так что
ры́жим его́ называ́ли усло́вно.

Говори́ть он не мог, так как у него́ не́ было рта.
Но́са то́же у него́ не́ было.

хребет – kralješnica

У него́ не́ было да́же рук и ног. И живото́ у него́
не́ было, и спины́ у него́ не́ было, и хребта́ у
него́ не́ было, и ника́ких вну́тренностей у него́
не́ было. Ничего́ не́ было! Так что не понят́но, о
ком идёт речь.

Уж лу́чше мы о нём не бу́дем бо́льше говори́ть.
1937

Случаи

толчёный – zdrobljen

буфет – kredenac, kredenca

пруд – ribnjak

спиться – propiti se

парша – šuga

кнут – bič

вытолкать – izbaciti

Одна́жды Орло́в объе́лся толчёным горо́хом
и у́мер. А Крыло́в, узна́в об э́том, то́же у́мер.
А Спиридо́нов у́мер сам собо́й. А жена́
Спиридо́нова упала́ с буфе́та и то́же умерла́. А
де́ти Спиридо́нова утону́ли в пруду́. А ба́бушка
Спиридо́нова спила́сь и пошла́ по доро́гам. А
Миха́йлов перестал причёсыва́ться и заболел
паршо́й. А Кругло́в нарисова́л да́му с кну́том и
сошёл с ума́. А Перехрёстов получи́л телегра́фом
четы́реста рубле́й и так зава́жничал, что его́
вы́толкали со службы́.

Хоро́шие лю́ди не уме́ют поста́вить себя́ на
твёрдую но́гу.

22 августа {1936 года}.

Вываливающиеся старухи

старуха – starica, baba
любопытство – znatiželja

чрезмерный – prekomjeren
вывалиться – ispasti

шаль – marama

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

Сонет

отправиться – poći,
krenuti, uputiti se

обнаружить – otkriti

коммерческий – komercijalni

недоумение – nedoumica

прицунуть – rokunjiti se

Удивительный случай случился со мной: я вдруг забыл, что идёт раньше – 7 или 8.

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и моё удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счёта. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастронóm», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала:

– По-моему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идёт после семи.

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять прицунули, так как

свалиться – srušiti se

её слова показались нам лишёнными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Лётный сад и стали там считать деревья. Но дойдя в счёте до 6-ти, мы остановились и начали

спорить: по мнению одних дальше следовало 7, по мнению других – 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью тут со скамейки свалился какой-то ребёнок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

12 нояб <ря> 1935.

Петров и Камаров

ПЕТРОВ:

Эй, Камаров!

Давай ловить комаров!

КАМАРОВ:

Нет, я к этому ещё не готов.

Давай лучше ловить котов!

Оптический обман

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семён Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович, сняв очки, опять видит, что на соснѣ никто не сидит.

Семён Семёнович, опять надѣв очки, смѣтрит на сосну и опять видит, что на соснѣ сидит мужик и показывает ему кулак.

Семён Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

Пушкин и Гоголь

Гоголь (падает из-за кулис на сцену и смиренно лежит).

спотыкаться – spoticati se
вот чёрт! – k vragu!

мерзопакость – gadost

Пушкин (выходит, спотыкается об Гоголя и падает): Вот чёрт! Никак об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает). Никак об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает). Вот чёрт! Никак опять об Гоголя!

помеха – smetnja

Гоголь (поднимаясь): Вечно во всём помеха! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает). Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает). Вот чёрт! Опять об Гоголя!

издевательство сплошное –
pravi-pravcati bezobrazluk

Гоголь (поднимаясь): Это издевательство сплошное! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает). Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чёрт! Истинно что чёрт! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает). Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость! (Идёт, спотыкается об Пушкина и падает). Об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чёрт! (Идёт, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы). Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость! (Уходит за кулисы).

За сценой слышен голос Гоголя:

«Об Пушкина!»

занавес – zastor

Занавес.

<1934>

Анекдоты из жизни Пушкина

застать – zateći

1. Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: –

писака – piskaralo

– Да никак ты писака!

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски Жуковым.

говаривать – često govoriti

2. Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растёт, а у меня не растёт», – частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3. Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришёл, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стол. «Что скажешь, брат Пушкин?» – спросил Петрушевский. «Стоп машина», – сказал Пушкин.

дразнить – zadirivati

4. Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колёсах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колёса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эпиграммами».

жбан – krčag, čup
парной – svježe pomužen

гамак – viseća mreža
вонючий – koji zaudara, smrdljiv

ничаво = ничего
кидаться – bacati se

разойтись – romahnitati

умора – da pukneš od smijeha!
хоть святых выноси! – da te bog
sačuva!, budi bog s nama!

напугать – uplašiti

пустить – baciti
исчезнуть – nestati

ловкач – lukavac
со всего маху – svom snagom

флюс – oteklina od bolesnog zuba
тепель-тапель – pljus-pljas
вой – zavijanje
подворотня – prolaz

5. Лето 1829 года Пушкин провёл в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свой шапки и говорили:

«Это ничаво».

6. Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнёт ими кидаться. Иногда так разойдётся, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7. У Пушкина было четыре сына и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и всё время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом; на одном конце Пушкин всё время падает со стула, а на другом конце – его сын. Просто хоть святых вон выноси!

Начало очень хорошего Летнего дня (симфония)

Чуть только прокричал петух, Тимофёй выскочил из окошка на улицу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофёя. Тимофёй куда-то исчез.

– Вот ловкач! – закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой о стенку.

– Эх! – вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню.

панель – pločnik, nogostup
 плевательница – pljuvačnica

бакалейный магазин –
 prodavaonica mješovite robe
 кошёлка – košarica
 денатурат – špirit

Мимо шёл Фетелюшин и посмёивался. К нему подошёл Комаров и сказал:

– Эй ты, сáло, – и удáрил Фетелюшина по животу́. Фетелюшин прислонился к стенé и нáчал икáть.

Ромáшкин плевáлся свérху из окнá, старáясь попáсть в Фетелюшина. Тут же невдалекé носáтая бáба била коры́том своего́ ребё́нка. А молодáя то́лстенкáя мaть тёрла хоро́шенькую дéвочку лицóм о кирпичную стéнку.

Мáленькая собáчка, сломáв тóненькую нóжку, валя́лась на панéли.

Мáленький мáльчик ел из плевáтельницы какúю-то гáдость.

У бакалейного магазíна стояла óчередь за сáхаром. Бáбы грóмко ругáлись и толкáли друг дрúга кошёлками.

Крестья́нин Харитóн, напíвшись денатурáта, стоял пéред бáбами с растёгнутыми штанáми и произносíл нехорóшие словá.

Такím óбразом начинáлся хорóший лётний день.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Поставьте существительные из миниатюры *Голубая тетрадь № 10* в им. и род. падежи множественного числа:

Человек, глаз, ухо, волос, рот, нос, рука, нога, живот, спина, хребет, внутренность.

2. Назовите форму инфинитива следующих глаголов. Какой семантический признак их объединяет?

Умер, объелся, упала, утонули, спилась, заболел, сошёл (с ума), вытолкали (со службы).

3. Прочитайте следующие конструкции. Обратите внимание на глагольное управление:

Объестся (толчёный горох), упасть с (буфет), утонуть в (пруд), пойти по (дороги), заболеть (парша), нарисовать (дама) с (кнут), сойти с (ум), получить (телеграф) (четыреста рублей), вытолкать со (служба), поставить на (твёрдая нога).

4. Определите тип причастия в названии миниатюры *Вываливающиеся старухи*. От следующих глаголов образуйте все возможные типы причастий:

Упасть, разбиться, высунуться, стать, смотреть, надоесть, вывалиться, говорить, подарить.

5. Проанализируйте употребление глаголов движения в следующих предложениях. В каких случаях глагол *идти* употреблён в прямом, а в каких в переносном значении?

Я вдруг забыл, что идёт раньше – 7 или 8. Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастроном». По-моему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идёт после семи. Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но дойдя в счёте до 6-ти, мы остановились. А потом мы разошлись по домам.

6. Напишите словами числительные:

7 или 8, 1, 2, 3, 4, 5 и 6, после 8, после 7, до 6-ти.

Составьте и запишите с данными числительными десятки и сотни. Падеж сохраните.

7. Какой вид деепричастия представляют собой слова *сняв, надев*? От следующих глаголов образуйте деепричастия:

Смотреть, видеть, сидеть, показывать, желать, верить, считать.

8. Прочитайте словосочетания. Составьте свои собственные примеры с данными глаголами:

Надеть (очки), смотреть на (сосна), сидеть на (сосна), показывать (кулак), снять (очки), верить в (явление), считать (обман).

9. Дайте на хорватском языке эквиваленты следующих речевых формул, выражающих эмоции. Скажите, какие чувства они выражают:

Вот чёрт! Истинно что чёрт! Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут! Ни минуты покоя! Вечно во всём помеха! Вот мерзопакость! Сплошное хулиганство! Это издевательство сплошное! Никак об Пушкина спотыкнулся! Никак об Гоголя!

10. Что вы знаете о следующих личностях и понятиях? В случае затруднений обратитесь к литературным или Интернет-источникам.

А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Ф. И. Петрушевский, эпиграмма, анекдот, писака.

11. Проанализируйте стилистические приёмы, употреблённые в выражениях *показывать ногтями, передвигаться на колёсах, хватать кого-либо за колёса*.

12. Дайте хорватский эквивалент выражения *Хоть святых вон выноси!* Какой эффект достигается употреблением данного выражения?

13. Дайте видовую пару следующих глаголов:

Писать, воскликнуть, полюбить, называть, расти, мучиться, завидовать, сломать, послать, прийти, осмотреть, положить, сказать, передвигаться, дразнить, хватать, злиться, провести, вставать, выпивать, бежать, купаться, ложиться, кивать, зажимать, ломать, говорить, расходиться, махать, падать.

14. Замените подчёркнутые глаголы деепричастиями, внеся необходимые изменения в предложение:

Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски Жуковым. Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришёл, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стол. Когда Пушкин сло-

мал себе ноги, то стал передвигаться на колёсах. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. Один не умел даже сидеть на стуле и всё время падал.

15. Прочитайте слова. Обратите внимание на суффиксы. Какой оттенок значения они придают существительным?

Толстенъкая, хорошенъкая, маленькая, тоненькая, носатая.

16. Определите, какие стилистические приёмы лежат в основе следующих конструкций из рассказа *Начало очень хорошего летнего дня*:

Закричало человеческое стадо; сделать бабе тепель-тапель; Эй ты, сало!; мать тёрла девочку лицом о кирпичную стенку.

17. Вставьте недостающие предлоги:

Выскочить ... окошка ... улицу; проходить ... это время ... улице; пустить камень ... Тимофея; ... всего маху двинуться головой ... стенку; баба ... флюсом; убежать ... подворотню; ударить ... животу; прислониться ... стене; плевать ... окна; тереть лицом ... стенку; валяться ... панели; есть ... плевательницы; стоять ... магазина; очередь ... сахаром; стоять ... бабами ... растёгнутыми штанами.

18. Из двух предложений составьте одно с причастным оборотом:

1. Тимофей выскочил из окошка на улицу. Он напугал всех, кто проходил в это время по улице. 2. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень. Он пустил им в Тимофея. 3. Мимо шёл Фетелюшин. Он посмеивался. 4. К нему подошёл Комаров. Он ударил Фетелюшина по животу. 5. Ромашкин плевался сверху из окна. Он старался попасть в Фетелюшина. 6. Бабы громко ругались. Они толкали друг друга кошёлками. 7. Крестьянин Харитон стоял перед бабами с растёгнутыми штанами. Он произносил нехорошие слова.

19. От глаголов образуйте форму повелительного наклонения единственного и множественного числа:

Прокричать, выскочить, напугать, проходить, остановиться, поднять, пустить, исчезнуть, разбежаться, двинуться, вскрикнуть, идти, посмеиваться, подойти, ударить, прислониться, начать,

икать, плевать, стараться, попасть, бить, тереть, есть, стоять, ругаться, толкать.

20. Напишите, что вы думаете о героях этого рассказа. Какое они произвели на вас впечатление? Как согласуются название и содержание рассказа?

В ПОИСКАХ ВЕЛИКОГО СИНТЕЗА

Миха́йл Афа́на́сьевич Булга́ков

1891, Киев – 1940, Москва

Прозаик, драматург и театральный режиссёр, журналист. Написал ряд романов, повестей, рассказов, фельетонов, пьес, автор инсценировок, киносценариев и оперных либретто.

Получил звание «лекаря с отличием».

Первый роман Булгакова, *Белая гвардия*, издан в Париже в 1927–1929 гг., а в СССР – только в 1966 г. Во второй половине 20-х гг. Булгаков занимается театром. Начав с инсценировки романа *Белая гвардия* (пьеса *Дни Турбиных*), он пишет пьесы *Зойкина квартира*, *Багровый остров*, *Бег*, *Кабала святош*, *Адам и Ева*, *Блаженство*, *Иван Васильевич*, *Александр Пушкин*, создаёт инсценировки *Мёртвых душ*, *Войны и мира*, *Дон Кихота*. Автор трёх «московских повестей»: *Дьяволиада* (1924), *Роковые яйца* (1924) и *Собачье сердце* (1925, в СССР опубликована в 1987 году).

Собачье сердце основывается на мотиве превращения, типичном для гротеска. Сюжет фантастический – превращение бродячей собаки Шарика и мелкого преступника Клима Чугункина (через операцию по пересадке половых желез) в (псевдо)человека, т. е. человеко-пса

Полиграфа Полиграфовича Шарикова. Позднее оказывается, что превращение Шарика представляет собой угрозу и для профессора, лекаря-оператора, и для всех остальных обитателей его дома. Сюжет развивается на совмещении правдоподобного и фантастического, повседневного и глобального, трагического и комического, усиливается ощущение абсурдности ситуаций, самого окружающего мира. Ироническая тональность повести сменяется сарказмом. Профессор Преображенский не достигает цели – не открывает секрет омоложения человека. Шарик снова становится собакой и вообще не помнит, что с ним произошло.

В *Дьяволяде* обкатывались будущие сюжеты и образы романа *Мастер и Маргарита*, один из вариантов (третья из трёх редакций романа) которого назывался *Князь тьмы*.

Мастер и Маргарита – вершинное произведение М. Булгакова. Его лучший роман, синтезирующий многочисленные и разнородные культурные истоки, приобрёл за относительно короткое время мировую славу. Над романом автор работал с 1928 г. до февраля 1940 г., диктуя жене Елене Сергеевне поправки, внося изменения, закончив его менее чем за месяц до смерти. Первая публикация *Мастера и Маргариты* состоялась в 1966 году, а его полная публикация отдельным изданием в 1973 году. Это «самое удивительное произведение русской литературы XX в.» В. Руднев считает его и «одним из первых и классических (наряду с *Поминками по Финнегану* Джеймса Джойса и *Доктором Фаустусом* Томаса Манна) произведений постмодернизма».

Композиция *Мастера и Маргариты* сложна, роман оригинален и многопланов, произведение уникально с жанровой точки зрения. В этот «роман в романе» входят роман о судьбе Мастера (и о похождениях Воланда и его свиты) и созданный Мастером роман о Понтии Пилате (центральный персонаж которого Иешуа Га-Ноцри является «содержательным центром созданного Булгаковым художественного мира», Е. Скороспелова). Таким образом соединяются повествовательные планы: реальный (бытовой/сатирический), с одной стороны, и условный (библейский/мифологический), с другой. Из 26 глав, составивших роман, четыре посвящены библейским событиям. У каждого плана своя временная перспектива: в «библейском» мире действие продолжается в течение одного дня, в реальном, московском мире, действие продолжается четыре дня, тогда как в потустороннем мире время вообще не движется. Развязка романа, подчёркивает М. Иванович, указывает на то, что конкретный план (московский быт) излагается как детективный роман, в то время как общий план (Иешуи и Пилата, Мастера и Маргариты) толкуется как парабола.

Высокий мир евангельской легенды пародийно снижается и искажается в иных мирах и иных измерениях. Современный, действительно существующий мир оказывается мнимостью, потусторонний мир – действительностью, т. е. роман не признаёт идею одной-единственной действительности.

В произведении соединены два архетипических мотива: договора человека с дьяволом (в начале романа эпиграф *Фауста* Гёте: «... так кто ж ты, наконец? – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».) и суетности человеческого мира. Однако – как замечает В. Ристер – у Булгакова союз с дьяволом заключается не для того чтобы приобрести земные блага, отрекаясь от света, а отрицается земная жизнь для получения взамен вечного покоя на том свете. По словам Ристер, в образе Мастера совмещены все «мастера» булгаковского творчества: Преображенский, Персиков, Мольер, Пушкин и сам Мастер, который, хотя и последний между ними, является их архетипом.

В. Руднев называет *Мастера и Маргариту* самым стройным и кларичным (то есть прокламирующим ясность) романом XX века: «Насыщенный самыми сложными и тонкими интертекстами, реализовавший в своей художественной структуре одну из самых интересных моделей текста в тексте и даже обладающий некими элементами гипертекста (московские и ершалаимские сцены “наползают” друг на друга; несколько раз повторяется финал; в московском интертекстуальном слое повествования – три временных пласта: “грибодовская Москва”, Москва эпохи *Бесов* Достоевского и Москва 1930-х гг.; сама открытость финала [“Скажи, ведь казни не было?”], готовность уничтожить всё, что было раньше), *Мастер и Маргарита* осуществляет художественную идеологию семантики возможных миров – этой тяжёлой артиллерии постмодернизма».

Соба́чье се́рдце

5

Тетра́дь до́ктора Ива́на Арно́льдовича Борментáля. То́нкая, в пи́счий лист формáтом тетра́дь. Испі́сана по́черком Борментáля. На пёрвых двух страни́цах он – аккура́тен, убо́рист и чётко́к, в дальне́йшем – разма́шист, взволно́ван, с большо́м ко́личеством клякс.

22-го де́кабря 1924 го́да. Понеде́льник.

Исто́рия боле́зни

Лаборато́рная соба́ка прибли́зительно 2-х лет о́т роду. Саме́ц. Поро́да – дво́рняжка. Кли́чка – Ша́рик. Шерсть жид́кая, куста́ми, бурова́тая, с подпа́линами, хвост цвёта топлёного молока́. На пра́вом боку́ следы́ соверше́нно заживше́го ожо́га. Пита́ние до поступи́ения к профе́ссору плохое́, по́сле неде́льного пребыва́ния – кра́йне упита́нный. Вес 8 кг (*знак восклицáтельный*). Се́рдце, лёгкие́, желу́док, температу́ра в но́рме.

23 Де́кабря. В 8^{1/2} часо́в ве́чера произведе́на пёрвая в Евро́пе опера́ция по профе́ссору Преображе́нскому: под хлорофо́рменным нарко́зом удале́ны я́ички Ша́рика и вме́сто них переса́жены мужские́ я́ички с прида́тками и семенны́ми кана́тиками, взя́тыми от сконча́вшегося за 4 часа́ 4 мину́ты до опера́ции мужчи́ны 28 лет и сохра́нявшимися в стерилизо́ванной физиологиче́ской жидкости́ по профе́ссору Преображе́нскому.

Непосре́дственно вслед за сим удалён по́сле трепана́ции чере́пной кры́шки прида́ток мо́зга – гипо́физ и заме́нен челове́ческим от вышеука́занного мужчи́ны.

Введе́но 8 ку́биков хлорофо́рма, 1 шпри́ц ка́мфоры, 2 шпри́ца адре́налина в се́рдце.

Показа́ние к опера́ции: постано́вка о́пыта Преображе́нского с комбиниро́ванной переса́дкой гипо́физа и я́ичек для выясне́ния

убористый – zbijen
размашистый – razvučen
клякса – mrlja od tinte

дворняжка – pas bez pedigrea,
pas pokućar
буроватый – sivkastosmečkasti
подпалина – rida pjega
ожог – opekline

лёгкие – pluća

прида́ток – anat. pasjemenik

трепанация – operacija otvaranja
kosti, ponajviše lubanjske, trepanacija

приживаемость – sposobnost
prilagodavanja

вопрóса о приживáемости гипóфиза, а в дальнѣйшем – о егó влия́нии на омоложѣние организ́ма у людѣй.

Оперíровал профéссор Ф. Ф. Преображѣнский. Ассистíровал дóктор И. А. Борментáль.

громадный – golem, ogroman

В ночь пóсле оперáции: грóзные повтóрные падѣния пýльса. Ожидáние смертѣльного исхóда. Громáдные дóзы кáмфора по Преображѣнскому.

24 Декабрá. Утром – улучшѣние. Дыхáние учащенó вдвóе, темперáтура 42°. Кáмфора, кофе́йн под кóжу.

прощупываться – opipavati se
зрачок – zjenica

25 Декабрá. Вновь ухудшѣние. Пульс éле прощúпывается, похолодáние конéчностей, зрачкí не реагíруют. Адренáлин в сёрдце и кáмфора по Преображѣнскому, физиологíческий раствóр в вéну.

клизма – ovdje sjevcica, uljevak

26 Декабрá. Нѣкоторое улучшѣние. Пульс 180, дыхáние 92. темперáтура 41°. Кáмфора, питáние кли́змами.

27 Декабрá. Пульс 152, дыхáние 50, темперáтура 39,8. Зрачкí реагíруют. Кáмфора под кóжу.

28 Декабрá. Значíтельное улучшѣние. В пóлдень внеза́пный проливнóй пот. Темперáтура – 37,0. Операциóнные рáны в прѣжнем состоя́нии. Перевáзка.

Появ́ился аппети́т. Питáние жíдкое.

29 Декабрá. Внеза́пно обнару́жено выпадѣние шѣрсти на лбу и на бока́х тóловища. Вы́званы для консульта́ции: профéссор по кáфедре кóжных болѣзней Васíлий Васíльевич Бундарѣв и дирéктор Москóвского ветерина́рного показáтельного инститúта. Ими слúчай при́знан не опи́санным в литерáтуре. Диагнóстика остáлась неустáновленной. Темперáтура нормáльна.

З á п и с ь к а р а н д а ш ó м:

Вѣчером появил́ся пѣрвый лай (8 час. 15 мин.). Обращáет внимáние рѣзкое изменѣние тѣмбра

окраска – ovdje boja glasa

и тона (понижение). Лай вместо слова «гау-гау», на слог «а-о». По окраске отдалённо напоминает стон.

30 Декабря. Выпадение шерсти приняло характер общего облысения. Взвешивание дало неожиданный результат – вес 30 кило за счёт роста (удлинение) костей. Пёс по-прежнему лежит.

31 Декабря. Колоссальный аппетит.

В тетради – клякса. После кляксы торопливым почерком:

В 12 часов 12 минут дня пёс отчётливо пролаял слово – «А-б-ыр»!!

(В тетради перерыв и дальше, очевидно, по ошибке от волнения написано):

1 декабря.

Перечёркнуто, поправлено:

1 января 1925 года. Фотографирован утром. Отчётливо лает «Абыр», повторяя это слово громко и как бы радостно. В 3 часа дня *(крупными буквами)* засмеялся, вызвав обморок горничной Зины.

горничная – sobarica

Вечером произнёс восемь раз подряд слово «Абыр-валг», «Абыр!».

Косыми буквами карандашом:

Профессор расшифровал слово «Абыр-валг», оно означает «Главрыба»!!! Что-то чудовищ...

2 Января. Фотографирован во время улыбки при магии.

Встал с постели и уверенно держался полчаса на задних лапах. Моего почти роста.

В тетради вкладки лист:

Русская наука чуть не понесла тяжёлую утрату. История болезни профессора Ф. Ф. Преображенского.

обморок – nesvjestica

В 1 час. 13 мин. – глубокий обморок с профессором Преображенским. При падении

удáрился головóй о нóжку сту́ла. Тинкту́ра валериáна.

В моём и Зи́ны прису́тствии пёс (если псом, ко́нечно, мо́жно назва́ть) обругáл профе́ссора Преображе́нского по ма́тери.

Перерыв в за́писях.

6 января. (То карандашóм, то фиолéтовым чернóлом).

Сего́дня по́сле того́, как у него́ отвали́лся хвост, он произнёс соверше́нно отчётливо сло́во «пивна́я». Рабо́тает фонóграф. Че́рт зна́ет что тако́е!!

Я теря́юсь!

Приём у профе́ссора прекращён. Нача́ная с 5 часо́в дня из смотровóй, где расха́живает это существó, слы́шится я́вственно вульга́рная руга́нь и слова́ «Ещё па́рочку».

7-го января. Он произно́сит о́чень мно́го слов: «Изво́щик», «Мест не́ту», «Вече́рняя газе́та», «ЛУ́чший подáрок де́тям» и все бра́нные слова́, ка́кие то́лько существу́ют в ру́сском лексико́не.

Вид его́ стра́нен. Шерсть оста́лась то́лько на голове́, на подборóдке и на груди́. В оста́льном он лыс, с дрябловáтой ко́жей. В о́бласти поло́вых о́рганов форми́рующийся мужчи́на. Че́реп увели́чился значите́льно, лоб ско́шен и низок.

Ей-бо́гу, я с ума́ сойду́.

Фили́пп Фили́ппович всё ещё чу́вствует себя́ пло́хо. Большинствó наблюдéний веду́ я (фонóграф, фотогра́фии).

По го́роду расплы́лись слухи́.

После́дствия неисчисли́мые. Сего́дня днём весь переу́лок был по́лон ка́кими-то безде́льниками и стару́хами. Зева́ки сто́ят и се́йчас ещё под о́кнами. В у́тренних газе́тах появи́лась удиви́тельная за́метка:

«Слу́хи о марсиáнине в Обу́ховом переу́лке ни на чём не о́снованы. О́ни распу́щены торго́вцами

смотровая – soba za promatranje
расхаживать – šetati se tamo-amо
ругань – psovanje

извозчик – kočijaš

дрябловатый – mlohav

скошенный – koso odsječen

расплываться – razleći se, proširitи se

переулок – sporedna ulica, uličica
зевака – zijalo, bena,
danguba, besposličar
заметка – člančić

распускать слухи – širitи glasine

кесарево сечение – carski rez

свистнуть – maznuti, ukrasti

домком = домовој комитет

изумительный – čudesan, zapanjujući

плохо сложенный – ružno građen

бранный – pogrdan, uvredljiv

с Сухарёвки и будут строго наказаны». О каком, к чёрту, марсианине? Ведь это – кошмар!!

Ещё лучше в «Вечерней» – написали, что родился ребёнок, который играет на скрипке. Тут же рисунок – скрипка и моя фотографическая карточка и под ней подпись: «Проф. Преображенский, делавший кесарево сечение у матери». Это – что-то неопишемое!.. Новое слово – «милиционер».

Оказывается – Дарья Петровна была в меня влюблена и свистнула карточку из альбома Ф. Ф. После того, как прогнал репортёров, один из них пролез на кухню, и так далее.

Что творится во время приёма! Сегодня было 82 звонка. Телефон выключен. Бездетные дамы с ума сошли и идут...

В полном составе домком во главе со Швондером. Зачем – сами не знают.

8-го Января. Поздним вечером поставили диагноз. Ф. Ф., как истый учёный, признал свою ошибку – перемена гипотиза даёт не омоложение, а полное очеловечение (*подчеркнуто три раза*). От этого его изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше.

Тот сегодня впервые прошёлся по квартире. Смеялся в коридоре, глядя на электрическую лампу. Затем, в сопровождении Филиппа Филипповича и моём, он проследовал в кабинет. Он стойко держится на задних (*зачеркнуто*)... на ногах и производит впечатление маленького и плохо сложенного мужчины.

Смеялся в кабинете. Улыбка его неприятна и как бы искусственна. Затем он почесал затылок, огляделся, и я записал новое, отчётливо произнесённое слово: «буржуи». Ругался. Ругань эта методическая, непрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: как будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически подсознательно

пачками – u grupama

занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками. А впрочем, я не психиатр, черт меня возьми!

хмыкнуть – izgovoriti «hm»

зловещий – zlokoban, mračan

возиться – gnjaviti se

С Филиппом что-то страшное делается. Когда я ему рассказывал о своих гипотезах и о надежде развить Шарика в очень высокую психическую личность, он хмыкнул и ответил: «Вы думаете?» Тон его зловещий. Неужели я ошибся? Старик что-то придумал. Пока я вожусь с историей болезни, он сидит над историей того человека, от которого мы взяли гипотиз.

вкладной – umetnut

В тетради вкладной лист.

улика – dokaz krivnje

каторга – robija

Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет. Хлопот. Беспартийный, сочувствующий. Судился три раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улики, второй раз – происхождение спасло, в третий раз – условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия – игра на балалайке по трактирам.

пивная – pivnica

Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь).

бурчать – mumljati, gundati

Причина смерти – удар ножом в сердце в пивной «Стоп-сигнал» у Преображенской заставы.

труп – leš

Старик, не отрываясь, сидит над климовской болезнью. Не понимаю, в чем дело. Бурчал что-то насчет того, что вот не догадался осмотреть в патологоанатомическом весь труп Чугункина. В чем дело, не понимаю! Не все ли равно, чей гипотиз?

пуд = 16,38 кг

17 Января. Не записывал несколько дней: болел инфлюэнцей.

За это время облик окончательно сложился.

а) Совершенный человек по строению тела;

б) вес около трех пудов;

в) рост маленький;

г) голова маленькая;

д) начал курить;

е) ест человеческую пищу;

ж) одевается самостоятельно;

з) гладко ведет разговор.

Вот так гипóфиз! (*клякса.*)

Этим я истóрию болéзни закáнчиваю. Пéред нáми нóвый оргáнизм, и наблюдáть егó нýжно с начáла.

Приложéние: стеногрáммы рéчи, зáписи фонó-графа, фотографíческие снiмки.

Пóдпись: ассистéнт профéссора Ф. Ф.

Преображéнского

Дóктор *Борментáль.*

6

притолока – dovratnik

Был зiмний вéчер. Конéц января. Предобé-денное, предпрíемное врéмя. На прíтолоке у двéри в прíемную висéл бéлый лист бумáги, на кóем руко́ю Фили́ппа Фили́пповича бýло напíсано:

семечки – sjemenke suncokreta

«Сéмечки есть в квартíре запрещáю

Преображéнский.»

и сiним карандашóм крúпными, как пирóжные, бýквами руко́ю Борментáля:

«Игрá на музыкáльных инструмéнтах от 5 часóв дня до 7-ми часóв утра воспрещáется».

Затéм руко́ю Зiны:

«Когдá вернётесь, скажíte Фили́ппу Фили́пповичу: я не знáю – кудá он ушёл. Фёдор говорíл, что со Швóндером».

Руко́ю Преображéнского:

стекольщик – staklar

«Сто лет бýду ждáть стекóльщика?»

Руко́ю Дáрьи Петрóвны (печáтно):

«Зiна ушлá в магазiн, сказáла, приведёт».

абажур – zaslon (na svjetiljci)

В столóвой бýло совершéнно по-вечérнему, благодаря лáмпе под шёлковым абажúром. Свет из буфéта пáдал перебитый пополáм – зеркáльные стéкла бýли заклéены косým крестóм от однóй фасéтки до другóй. Фили́пп Фили́ппович, склонíвшись над столóм, погрузíлся в развёрнутый громáдный лист газéты. Мóлнии ковёркали егó лицó, и сквозь зýбы сыпались обóрванные, кúцые, воркúющие словá. Он читáл замéтку:

фасетка – bočni rub

куцый – (pre)kratak, kus

ворковать – gukati, gugutati, grgutati

«Никаких сомнений нет в том, что это его незаконнорождённый (как выражались в гнилом буржуазном обществе) сын. Вот как развлекается наша псевдоучёная буржуазия! Семь комнат каждый умеет занимать до тех пор, пока блистающий меч правосудия не сверкнул над ним красным лучом.

Шв...р [.....]»

Филипп Филиппович умолк, глаза его ушли в сторону. «Надо всё-таки сдерживать себя», – подумал он. Подойдя к буфету, он одним духом выпил стакан воды.

– Отлично-с, – поспокóйнее заговорил он, – дело не в словах. Итáк, что говорит éтот ваш прелестный домкóм?

напрасно – uzalud

– Что ж ему говорить? Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает.

*осведомиться – upoznati se s čim,
informirati se o čemu*

– Чьи интересы, позвольте осведомиться?

– Известно чьи. Трудового элемента.

Филипп Филиппович выкатил глаза.

– Почему вы – труженик?

– Да уж известно – не нэпман.

– Ну, лáдно. Итáк, что же ему нýжно в защитáх вáшего революциóнного интересá?

*прописать – prijaviti, registrirati
(novog stanara)*

– Известно что: прописать меня. Онí говорят, где ж это вíдано, чтоб человек проживáл непрописанный в Москвё. Это раз. А сáмое глáвное – учётная кáрточка. Я дезертиром быть не желáю. Опять же союз, бёржа...

*учётная карточка – kontrolna
iskaznica, prijava*

– Позвольте узнать, по чéму я вас пропишú? По éтой скáтерти? Или по своему пáспорту? Ведь нýжно всё-таки считáться с положéнием! Не забывáйте, что вы... э... гм... вы ведь, так сказáть, неожíданно явившееся существó, лаборатóрное... Филипп Филиппович говорил всё мéнее увéренно.

Человек победонóсно молчáл.

шабаши! – gotovo (je)!, kraj!

валять дурака – praviti budalaštine

язвительный – zajedljiv, otrovan,
sarkastičan

по матушке (ругаться) –
psovati majku

Ресефесер = РСФСР

– Отлично-с. Что же, в конце концов, нужно, чтобы вас прописать и вообще устроить всё по плану этого вашего домкома! Ведь у вас же нет ни имени, ни фамилии!

– Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете – и шабаш!

– Как же вам угодно именоваться?

Человек поправил галстух и ответил:

– Полиграф Полиграфович.

– Не валяйте дурака, – хмуро отозвался Филипп Филиппович, – я с вами серьёзно говорю.

Язвительная усмешка искривила усишки человека.

– Что-то не пойму я, – заговорил он весело и осмысленно, – мне по матушке нельзя, плевать – нельзя, а от вас только и слышу: «дурак», да «дурак». Видно, только профессорам разрешается ругаться в Ресефесере.

Филипп Филиппович налил кростью и, наполняя стаканы водой, разбил его. Напившись из другого, подумал: «Ещё немного, он меня учить станет, и будет совершенно прав. В руках уже не могу держать себя».

Он преувеличенно вежливо склонил стан и с железной твёрдостью произнёс:

– Извините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно знать, откопали такое?

– Домком посоветовал. По календарю искали, какое тебе, говорят, я и выбрал.

– Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

– Довольно удивительно, – человек усмехнулся, – когда у вас в смотровой висит.

Филипп Филиппович, не вставая, откинулся к кнопке на обоях, и на звонок явилась Зина.

– Календарь из смотровой.

таращить глаза – bečiti oči
укоризненно – prijekorno

тужурка – kratak muški kaput

Протекла́ па́уза. Когда́ Зи́на верну́лась с календарём, Фили́пп Фили́ппович спроси́л:

– Где?

– 4-го ма́рта пра́зднуется.

– Покажи́те... Гм... че́рт... В пе́чку его́, Зи́на, сейча́с же!

Зи́на, испуганно тара́ща глаза́, ушла́ с календарём, а челове́к покача́л укори́зненно голово́ю.

– Фами́лию позво́льте узна́ть?

– Фами́лию я согла́сен насле́дственную при́нять.

– Как-с? Насле́дственную? Именно́?

– Ша́риков.

* * *

В кабинéте пе́ред столóм сто́ял председа́тель домко́ма Швóндер в ко́жаной тужу́рке. До́ктор Борментáль сидéл в крэ́сле. При э́том на румя́ных от морóза щека́х до́ктора (он то́лько что верну́лся) бы́ло столь же расте́рянное выраже́ние, как и у Фили́ппа Фили́пповича.

– Как же писа́ть? – нетерпели́во спроси́л он.

– Что же, – заговори́л Швóндер, – де́ло не сло́жное. Пишите́ удостове́рение, гражда́нин профе́ссор. Что так, мол, и так, предья́витель сегó действите́льно гражда́нин Ша́риков Полигра́ф Полигра́фович, гм... зароди́вшийся в ва́шей, мол, кварта́ире...

Борментáль недоуме́нно шевельну́лся в крэ́сле. Фили́пп Фили́ппович де́рнул у́сом.

– Гм... вот че́рт... Глупее́ ниче́го себе́ и предста́вить нельзя́. Ниче́го он не зароди́лся, а прóсто... ну, одním сло́вом...

– Это – ва́ше де́ло, – со споко́йным злора́дством мо́лвил Швóндер, зароди́лся и́ли нет... В о́бщем и це́лом ведь вы де́лали о́пыт, профе́ссор! Вы и со́здали гражда́нина Ша́рикова.

– И о́чень прóсто, – прола́ял Ша́риков от кни́жного шка́фа. Он вгля́дывался в га́лстух, отража́вшийся в зерка́льной бе́здне.

огрызнуться – obrecnuti se,
odsječno, grubo odgovoriti

забубнить – zabrundati

участь – sudbina

трезвон – zvonjava

хлёстко – oštro

багровесть – crvenjeti

– Я бы очень просил вас, – огрызнулся Филипп Филиппович, – не вмешиваться в разговор. Вы напрасно говорите «И очень просто» – это очень непросто.

– Как же мне не вмешиваться, – обидчиво забубнил Шáриков, а Швóндер немедленно его поддержал.

– Простите, профессор, гражданин Шáриков совершенно прав. Это его право – участвовать в обсуждении его собственной участи, в особенности постольку, поскольку дело касается документов. Документ – самая важная вещь на свете.

В этот момент оглушительный трезвон над ухом оборвал разговор. Филипп Филиппович сказал в трубку: «Да!», покраснел и закричал:

– Попрошу не отрывать меня по пустякам! Вам какое дело? – и он хлёстко всадил трубку в рога.

Голубая радость разлилась по лицу Швóндера.

Филипп Филиппович, багровея, прокричал:

– Одним словом, кончим это.

Он оторвал листок от блокнота и набросал несколько слов, затем раздражённо прочитал вслух:

– «Сим удостоверяю»... чёрт знает что такое... Гм... «предъявитель сего – человек, полученный при лабораторном опыте путём операции на головном мозгу, нуждается в документах»... чёрт!.. Да я вообще против получения этих идиотских документов!.. Подпись: «профессор Преображéнский».

[.....]

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Дайте эквиваленты на хорватском языке медицинских и анатомических терминов. В случае затруднения обращайтесь к словарю:

Ожог, сердце, лёгкие, желудок, операция, хлороформенный наркоз, яички с придатками и семенными канатиками, стерилизованная физиологическая жидкость, трепанация черепной крышки, гипофиз, мозг, кубик хлороформа, шприц, камфора, адреналин, пульс, смертельный исход, конечности, зрачки, клизма, проливной пот, операционная рана, перевязка, бока туловища, история болезни, обморок, тинктура валерианы, приём, половые органы, поставить диагноз, затылок, психиатр, печень, труп, патологоанатом, болеть инфлюэнцей, приёмная, кесарево сечение.

2. Определите, от каких глаголов образованы следующие отглагольные существительные:

Питание, пребывание, пересадка, выяснение, приживаемость, влияние, омоложение, падение (пульса), улучшение, дыхание, ухудшение, похолодание (конечностей), выпадение (шерсти), понижение (тона), облысение, взвешивание, удлинение (костей), наблюдение, очеловечение, происхождение, выражение, удостоверение, обсуждение.

3. Объясните понятия, отражающие время действия – первые десятилетия советской власти. В случае затруднения обратитесь к энциклопедиям или Интернет-источникам:

Милиционер, домком (домовой комитет), председатель домкома, буржуи, беспартийный, сочувствующий, гнилое буржуазное общество, псевдоучёная буржуазия, отлично-с, трудовой элемент, нэпмен, революционный интерес, учётная карточка, прописка, паспорт, Ресефесер.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Проанализируйте разговор Шарикова и профессора Преображенского. Найдите сатирические и гротескные элементы.
2. Найдите в предложениях причастия, определите их тип, от каких глаголов образованы:

Исписана почерком Борменталья. На правом боку следы совершенно зажившего ожога. В 8^{1/2} часов вечера произведена первая в Европе операция по профессору Преображенскому: под хлороформным наркозом удалены яички Шарика и вместо них пересажены мужские яички с придатками и семенными канатиками, взятыми от скончавшегося мужчины и сохранявшимися в стерилизованной физиологической жидкости. Непосредственно вслед за сим удалён гипофиз и заменён человеческим от вышеуказанного мужчины. Ими случай признан не описанным в литературе. В области половых органов формирующийся мужчина. Последствия неисчислимы. Проф. Преображенский, делавший кесарево сечение у матери. Беспартийный, сочувствующий. Печень расширена. Филипп Филиппович, склонившись над столом, погрузился в развёрнутый громадный лист газеты. Сквозь зубы сыпались оборванные, куцые, воркующие слова. Они говорят, где ж это видано, чтоб человек проживал непрописанный в Москве.

3. Имена числительные напишите словами, определите падеж числительных:

22-го декабря 1924 года; собака 2-х лет от роду; вес 8 кг; 23 декабря; в 8^{1/2} часов; за 4 часа 4 минуты до операции; мужчина 28 лет; 8 кубиков; 2 шприца; температура 42°; пульс 180; дыхание 92; температура 41°; 27 декабря; пульс 152; дыхание 50; температура 39,8; 8 час. 15 мин.; 30 декабря; вес 30 кило; в 12 часов 12 минут; 1 января 1925 года; в 3 часа дня; 2 января; в 1 час. 13 мин.; 6 января; 7-го января; 82 звонка; 8-го января; 25 лет; на 15 лет; 17 января; около трёх пудов; до 7-ми часов.

4. Вставьте недостающие предлоги:

Игра ... балалайке, нож ... сердце, рассказать ... своих гипотезах, возиться ... историей болезни, пройтись ... квартире, глядеть ... лампу, стоять ... окнами, удариться ... ножку стула, кофеин ... кожу,

ночь ... операции, напиться ... стакана, держать себя ... руках, искать ... календарю, румяный ... мороза, вмешиваться ... разговор, самая важная вещь ... свете, отрывать ... пустякам, листок ... блокнота, операция ... головном мозгу.

5. Дайте из текста антонимы следующих прилагательных:

Толстый, спокойный, густой, хороший, исхудалый, вопросительный, последний, старый, единичный, мизерный, горячий, постепенный, ожидаемый, медлительный, тихий, печальный, прямой, неуверенный, передний, лёгкий, мелкий, неразборчивый, утренний, худший, пустой, молодой, многодетный, высокий, приятный, естественный, прерывистый, партийный, уродливый, летний, послеобеденный, чёрный, шерстяной, законный, мягкий.

6. Определите форму имен прилагательных *аккуратен, уборист, чётко*. От нижеследующих прилагательных образуйте краткие формы мужского и женского рода:

Тонкий, взволнованный, размашистый, большой, маленький, жидкий, плохой, упитанный, смертельный, нормальный, резкий, низкий, радостный, тяжёлый, глубокий, вульгарный, строгий, неопикуемый, изумительный, неприятный, искусственный, внезапный, страшный, гладкий.

7. Вставьте в предложения глаголы совершенного/несовершенного вида:

Он (*отрывал/оторвал*) листок от блокнота и (*набрасывал/набросал*) несколько слов. Когда Зина (*возвращалась/вернулась*) с календарём, Филипп Филиппович (*спрашивал/спросил*): – Где? Филипп Филиппович (*наливался/налился*) кровью и, наполняя стакан водой, (*разбивал/разбил*) его. Подойдя к буфету, он одним духом (*выпивал/выпил*) стакан воды. После того, как (*прогонял/прогнал*) репортёров, один из них (*пролазил/пролез*) на кухню, и так далее. Ещё лучше в «Вечерней» – (*писали/написали*), что (*рождались/родился*) ребёнок, который (*играет/сыграет*) на скрипке. Сегодня после того, как у него (*отваливался/отвалился*) хвост, он (*произносил/произнёс*) совершенно отчётливо слово «пив-ная». При падении (*ударялся/ударился*) головой о ножку стула.

8. Из предложенного отрывка выберите номинативные предложения. Выделите главный член. Какую функцию они выполняют?
9. Раскройте скобки, поставьте существительные в нужный падеж. Падеж определите:

Тетрадь исписана (почерк) (Борменталь). На (первые две страницы) он – аккуратен, уборист и чётко, в (дальнейшее) – размашист, взволнован, с (большое количество) (кляксы). На (правый бок) следы совершенно (заживший ожог). Питание до (поступление) к (профессор) плохое, после (недельное пребывание) – крайне упитанный. В $8^{1/2}$ (часы) (вечер) произведена первая в (Европа) операция по (профессор Преображенский): под (хлороформенный наркоз) удалены яички (Шарик). Показание к (операция): постановка (опыт) (Преображенский) с (комбинированная пересадка) (гипофиз) и (яички) для (выяснение) (вопрос) о (приживаемость) (гипофиз), а в дальнейшем – о (его влияние) на (омоложение) (организм) у (люди). Внезапно обнаружено выпадение (шерсть) на (лоб) и на (бока) (туловище). Шерсть осталась только на (голова), на (подбородок) и на (грудь).

Источники

- Бабель, И. Э.: *Конармия. Одесские рассказы*. Москва, 2005.
- Белый, А.: *Петербург*. Москва, 1981.
- Булгаков, М. А. *Собачье сердце*. Москва, 2009.
- Гоголь, Н. В.: *Избранные произведения*. Москва, 1963.
- Зощенко, М. М.: *Повести. Рассказы*. Москва, 2007.
- Крылов, И. А.: *Избранные произведения*. Москва, 1985.
- Пильняк, Б. А.: *Голый год*. Москва, 2009.
- Пушкин, А. С.: *Евгений Онегин. Роман в стихах*. Москва, 2006.
- Хармс, Д. И.: *Полёт в небеса*. Ленинград, 1988.
- Чехов, А. П.: *Рассказы. Повести*. Симферополь, 1989.

Литература

- Александров, А. А.: «Чудодей. Личность и творчество Даниила Хармса» // Даниил Хармс: *Полёт в небеса*. Ленинград, 1988, с. 7-48.
- Алпатова, Т. А.: «Иван Андреевич Крылов» // *История русской литературы XIX века*. I. часть. Москва, 2001, с. 156-182.
- Ауер, А. П.: «Б. А. Пильняк» // *Русская литература XX века*. Том 1. 1920–1930-е годы. Москва, 2003, с. 144-159.
- Бабович, М. – М. Babović: «Čehov» // *Ruska književnost*. Knjiga II. Sarajevo, Beograd, 1978., s. 220-236.

- Белый, А.: *Мастерство Гоголя*. München, 1969.
- Бердяев, Н. А.: «Астральный роман. (Размышление по поводу романа А. Белого “Петербург”»». [Электронный ресурс], режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn070.htm> (2011-2-1)
- Быстрова, О. В.: «И. Э. Бабель» // *Русская литература XX века*. Том 1. 1920–1930-е годы. Москва, 2003, с. 159-165.
- Войводић, Ђ. – Vojvodić, J.: *Gesta, tijelo, kultura. Gestikulacijski aspekti u djelu Nikolaja Gogolja*. Zagreb, 2006.
- Долгополов, Л. К.: «Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого “Петербург”» // А. Белый: *Петербург*. Москва, 1981, с. 525-640.
- Ермилов, В. В.: *Чехов 1860-1904*. Москва, 1951.
- Жаккар, Ж.-Ф. – Jaccard, J.-Ph.: *Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe*. Berne, 1991.
- Жаккар, Ж.-Ф.: *Даниил Хармс и конец русского авангарда*. СПб., 1995, пер. с фр. Ф. А. Перовской.
- Йованович, М. – Jovanović, M.: *Utopija Mihaila Bulgakova*. Beograd, 1975.
- Катаев, В. Б.: *Проза Чехова: проблемы интерпретации*. Москва, 1979.
- Комаров, А.: «Антон Павлович Чехов. Биография». [Электронный ресурс], режим доступа: <http://ilibrary.ru/bio/chekhov/index.html> (2011-3-20)
- Красовский, В. Е.: «Н. В. Гоголь. Творческий путь» // *Русская литература XIX–XX веков*. Том I. Москва, 2008, с. 220-239.

- Лавров, А. В.: «Андрей Белый». [Электронный ресурс], режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl4/rl4-5492.htm> (2011-5-25)
- Лауэр, Р. – Lauer, R.: *Povijest ruske književnosti*. Zagreb, 2009., prijevod M. Car i D. Zima.
- Леушева, С.: «Лермонтов и Л. Толстой». [Электронный ресурс], режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/tvl/tvl-395-.htm> (2011-4-15)
- Лихачёв, Д. С.: От редактора // А. Белый: *Петербург*. Москва, 1981, с. 5-6.
- Лотман, Ю. М. – Lotman, Ju. M.: *Leksii po struktural'noj poetike. Vvedenie, teoria stikha*. Providence, 1968.
- Малыгина, Н. М.: «М. М. Зощенко» // *Русская литература XX века*. Том 1. 1920– 1930-е годы. Москва, 2003, с. 159-165.
- Манн, Ю. В.: *Поэтика Гоголя*. Москва, 1978.
- Мочульский, К. К.: *А. Белый*. Париж. 1955.
- Ристер, В. – Rister, V.: *Lik u grotesknoj strukturi (ruski roman 20. stoljeća)*. Zagreb, 1995.
- Розанов, В. В.: «Гоголь». [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/rus-Rozanov/14.htm> (2011-3-15)
- Розанов, В. В.: *Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского*. Москва, 1996.
- Руднев, В.: «Мастер и Маргарита» // Вадим Руднев. *Словарь культуры XX века*. [Электронный ресурс], режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (2009-4-7)
- Силард, Л.: *Русская литература конца XIX – XX века (1890–1917)*. Том I. Budapest, 1981.
- Скорospelова, Е. Б.: «М. А. Булгаков» // *Русская литература XIX – XX веков*. Том II. Москва, 2008, с. 250-273.
- Солар, М. – Solar, M.: *Suvremena svjetska književnost*. Zagreb, 1982.
- Тынянов, Ю. Н.: «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» // *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва, 1977, с. 198-226.
- Топоров, В. Н.: *Петербургский текст русской литературы*. Санкт-Петербург, 2003.
- Флакер, А. – Flaker, A.: *Ruski klasici XIX stoljeća*. Zagreb, 1965.
- Флакер, А.: *Живописная литература и литературная живопись*. Москва, 2008.
- Чудакова, М. А.: *Поэтика Михаила Зощенко*. Москва, 1979.
- Эйгес, И. Р.: «Басня» // *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов*: Т. 1. Москва, 1925, с. 93-97.
- Эйхенбаум, Б. М.: *Как сделана «Шинель» Гоголя*. Москва, 2010.
- Шкловский, В. Б.: *Заметки о прозе русских классиков*. Москва, 1955.
- Шкловский, В. Б.: «О Зощенке и большой литературе» // *Гамбургский счёт (1914–1933)*. Сост. А. Галушкин и А. Чудаков. Москва, 1990 [1928], с. 413- 419.

Eugenija Ćuto (Ust-Abakan, Ruska Federacija, 1970) viša je lektorica na Odsjeku za ruski jezik i književnost Odjela za kroatistiku i slavistiku Sveučilišta u Zadru. Uz “Jezične vježbe” predaje kolegije “Folklor ruskoga naroda” i “Povijest Rusije”, za koji je objavila priručnik *Kratkij kurs istorii Rossii s praktikumom i kompakt-diskom dlja govorjaščih na horvatskom jazyke* (2009). U doktorskoj disertaciji istražuje jezik i grafiju studentskih grafita. Bavi se lektoriranjem knjiga i časopisa. Objavljuje radove u domaćim i stranim časopisima na jezične i kulturološke teme. Tajnica je časopisa “Croatica et Slavica Iadertina”.

Zdenka Matek Šmit (Obrovac, 1958) izvanredna je profesorica na Odsjeku za ruski jezik i književnost Odjela za kroatistiku i slavistiku Sveučilišta u Zadru. U znanstvenom radu bavi se suvremenom ruskom književnošću, o čemu objavljuje članke u domaćim i stranim časopisima. Suradnica je na projektu Filozofskoga fakulteta u Zagrebu *Tjelesnost u književnosti i kulturi* voditeljice J. Vojvodić. S V. Babić uredila je prvi zbornik Zadarskih filoloških dana (2007). Članica je uredništva časopisa “Croatica et Slavica Iadertina” i urednica istog časopisa na hrvatskom internetskom portalu znanstvenih časopisa (*Hrčak*).

